

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

**АУТЕНТИЧНЫЙ ДИАЛОГ РОССИИ
И ФРАНКОФОННОГО МИРА В ПРОСТРАНСТВЕ
КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ**

Материалы
Международной научно-практической конференции

Москва, 18–20 апреля 2019 года

УДК 811.13(063)
ББК 81.47я431
А-936

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Научный план 2020 г., поз. 13

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор И. В. Скуратов
доктор филологических наук, профессор В. Г. Кузнецов

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук Ю. Н. Сдобнова
(ответственный редактор);
кандидат филологических наук, доцент А. О. Манухина;
старший преподаватель А. М. Смирнова
(ответственный секретарь)

А-936 Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы : материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 18–20 апреля 2019 года. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. 262 с.

ISBN 978-5-00120-164-9

Сборник содержит научные статьи участников Международной научно-практической конференции «Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы», посвященные научным исследованиям в области французского языка, межкультурного диалога русскоязычных и франкоязычных стран, а также исследованию интеллектуального наследия в области языка, культуры, литературы.

Тематика докладов разнообразна и затрагивает следующие проблемы: особенности креативной ментальности в творчестве русскоязычных и франкоязычных писателей, художественный перевод как адекватная интерпретация литературного текста, языковая и концептуальная картина мира в русскоязычных и франкоязычных лингвистических исследованиях и другие проблемы.

Материалы, вошедшие в сборник, представляют интерес как для специалистов в области французского языка, литературоведения, переводоведения и культурологии, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, так и для широкого круга читателей.

УДК 811.13(063)
ББК 81.47я431

ISBN 978-5-00120-164-9

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бакаева С. А.</i> Опыт чтения дневников русских аристократок конца XVIII – начала XIX веков: особенности русско-французского двуязычия	6
<i>Bordet Y.</i> Renaissance par la littérature. Le projet doxilog pour le français et le russe	16
<i>Васильева О. А.</i> «Опыты» М. де Монтеня. Античная ораторская речь и проблема нового литературного жанра	30
<i>Ветчинова М. Н.</i> Влияние французской культуры на русский язык в XVIII–XIX веков	40
<i>Воробьева Е. Ю.</i> Цветовые образы в художественных текстах (на материале французского языка)	50
<i>Вышенская Ю. П.</i> Стилистическая генетика инфернальных образов (на материале произведений английской драмы XIV–XV веков)	58
<i>Глазова Е. А.</i> Пропаганда в Интернете на примере движения «Желтых жилетов» во Франции	70
<i>Гусева А. Х.</i> Принципы проведения контекстуального анализа в формате гипертекста на французском языке	78
<i>Емельянов А. И.</i> Позитивные и негативные результаты кросс-культурной корреляции Запад – Восток	89
<i>Карпова А. В.</i> Историческое и анахроническое в романах фэнтези (на примере романа Р.Баржавеля «Чародей»)	98
<i>Kogalova E. A.</i> Sur la spécificité du bon usage de la prononciation dans le monde moderne	105
<i>Кулагина О. А.</i> Способы репрезентации двойственной культурной идентичности в творчестве Натали Саррот (на материале романа «Детство»)	115

<i>Максимкин И. А.</i>	
Место и роль франкофонии в современных учебниках французского языка	122
<i>Markov G. V.</i>	
De L'unité A La Division De L'occident : l'Europe Américaine Ou Européenne	128
<i>Мархутова Ю. В.</i>	
Специфика перевода французских логоздов на русский язык (на материале стихотворения Роберта-Эдварда Харта «Les enfants ont sauvé le monde»)	137
<i>Мельник И. К.</i>	
Le texte littéraire en tant que partie intégrante de la formation en communication professionnelle en français juridique	148
<i>Новикова Я. Д.</i>	
Диахронический аспект развития латинских основ в старо- и среднефранцузском языке	158
<i>Свиридова Е. И.</i>	
Трансформация концепта «семья» как результат изменения концептуальной картины мира послевоенного общества Франции на примере трилогии Э. Базена «Семья Резо»	165
<i>Solovieva E. V.</i>	
Jeu avec le lecteur dans les œuvres de la littérature ludique (roman de M. Boulgakov « Le Maître et Marguerite »)	174
<i>Сороковых Г. В.</i>	
Диалогичное познание – ключевая форма овладения профессиональными знаниями и развития креативности будущего учителя иностранного языка	185
<i>Степанюк Ю. В.</i>	
Аллюзивные топонимы в романах Давида Фонкиноса	194
<i>Тамразова И. Г.</i>	
Эристическая тональность в аспекте перевода	206
<i>Туницкая Е. Л.</i>	
К проблеме трансформаций полипредикативной структуры при переводе художественного текста	218
<i>Христофорова Д. А.</i>	
Evolution des mots composés de couleurs en français	228
<i>Цыбова И. А.</i>	
Картина мира в исследованиях Э. Бенвениста и Э. А. Макаева	235

Шипилов С. А.

Специфика культурной картины мира народов Средневековья
на примере немецких и французских хроник 242

Шумакова А. Н.

О некоторых особенностях перевода крылатых фраз
из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» на французский язык 250

кандидат филологических наук.
преподаватель французского языка
кафедра французского языка Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД РФ;
e-mail: sophie1chloe@gmail.com

ОПЫТ ЧТЕНИЯ ДНЕВНИКОВ РУССКИХ АРИСТОКРАТОК КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Данная статья посвящена опыту чтения дневников русских аристократок, которые создавались в тот период, когда французский язык являлся универсальным средством коммуникации. Формирование дневниковой традиции происходило в России с опорой на французские образцы: многие тексты, начиная со второй половины XVIII века, написаны россиянами по-французски. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать корпус дневников русских аристократок с разных точек зрения: изучение текстового материала позволяет сделать выводы о языковых особенностях и случаях диглоссии, тенденциозных ошибках, что, в свою очередь, позволяет судить об образовании женщин того периода. Аристократки конца XVIII века владели французским языком на высоком уровне, с детства обучаясь ему иммерсивным методом. Однако они не всегда придавали значения стилю орфографии и почерку, стремясь, в первую очередь, зафиксировать сиюминутные впечатления. Отсюда происходит смешение языков в рамках одного текста или даже предложения. Это можно объяснить тем, что внутренний голос автора не всегда находился под контролем. Кроме того, такое явление возможно именно в моменты эмоционального напряжения. Тематика дневников разнится: это и фиксация каждодневных событий, описание отношений в семье, наблюдение за детьми, дневники путешествий. При этом важно проанализировать момент перехода личного текста в статус творческого высказывания, тогда как дневники по большей части предназначались лишь для частного пользования или же для передачи ближайшим членам семьи.

Ключевые слова: дневники; автобиографическая практика; русские аристократки; двуязычие; речевые ошибки; французский язык.

EXPERIENCE OF READING DIARIES OF RUSSIAN ARISTOCRATS OF THE XVIII AND XIX CENTURIES : RUSSIAN-FRENCH BILINGUALISM

This article is devoted to the experience of reading diaries of Russian aristocrats, which were created during the period when the French language was a universal means of communication. The formation of the diary tradition took place in Russia with the support of French samples: many texts, starting from the second half of the 18th century, were written by the Russians in French. In this study, an attempt was made to analyze the corpses of diaries of Russian aristocrats from different points of view: the study of textual material makes it possible to draw conclusions about language features and cases of diglossia, tendentious errors, which, in turn, makes it possible to judge the education of women of that period. The aristocratic women of the late 18th century were fluent in French at a high level, learning from childhood through the immersive method. However, they did not always attach importance to style, spelling and handwriting, seeking, first of all, to record momentary impressions. From here comes the confusion of languages within one text or even a sentence. This can be explained by the fact that the author's inner voice was not always under control. In addition, such a phenomenon is possible precisely in moments of emotional stress. The themes of the diaries vary: this is the fixation of everyday events, a description of family relationships, observation of children, travel diaries. It is important to analyze the moment of transition of a personal text to the status of a creative utterance, whereas diaries, for the most part, were intended only for private use or for transmission to the closest family members.

Key words: diaries; autobiographical practice; Russian aristocrats; bilingualism; speech errors; French language.

Данное исследование посвящено эпохе, когда французский язык являлся средством универсальной межкультурной коммуникации: именно с XVIII в. он становится связующей нитью между представителями разных культур. На то были объективные причины: эпоха расцвета Франции, которая стала гегемоном в Европе, возникновение «галломании», социокультурный аспект наполеоновских войн – всё это совпало с так называемым золотым веком русского дворянства. Представители элиты, с одной стороны, были вынуждены овладеть инструментом мирового общения, чтобы оставаться в рамках современного развития, с другой – делали это с большим желанием: несколько поколений русской элиты было воспитано французскими эмигрантами, из-за чего многие не знали «в каких губерниях находится его деревни; зато знали по пальцам все подробности двора Людовика XIV по запискам Сен-Симона» [Батюшков 1934, с. 300].

Таким образом, взаимовлияние Франции и России раскрывается на разных уровнях, в частности, оказывается вписанным в контекст бытовой жизни, воплощенной, в том числе, в автобиографической практике [Дубнякова, Юмакулова 2017, с. 47–50]. Формирование дневниковой традиции происходило в России с опорой на французские образцы: многие тексты (письма, дневники, мемуары), начиная со второй половины XVIII века, написаны россиянами по-французски. Объектом исследования выбран корпус личных дневников русских аристократок, которые в той или иной форме широко использовали в своих текстах французский язык. Это явление интересно одновременно с точки зрения лингвистики, литературоведения и гендерной социологии: изучение текстового материала позволяет сделать выводы о языковых особенностях и случаях диглоссии, тенденциозных ошибках, что, в свою очередь, позволяет судить об образовании женщин того периода. Кроме того, интересной представляется классификация тем, затронутых аристократками, изучение культурных и исторических особенностей, размышления на тему спонтанности творчества и присутствия творчества в целом в формате дневника.

Если говорить о «вдохновительнице» автобиографических и дневниковых практик – Франции – то французские девушки вели дневники начиная с 80-х гг. XVIII в., как утверждает исследователь Филипп Лежен [Лежен 2006, с. 13]. Первые три известных дневника¹ принадлежат Альбертине де Соссюр (дневник относится к 1783 г.), Жермене Неккер (будущая писательница, известная под именем де Сталь, вела дневник в 1785 г.) и Люсиль Дюплесси (дневник датирован 1788 г.). Безусловно, дневниковая практика, практика ежедневных записок существовали и раньше, явившись логичным воплощением саморефлексии образованной женщины. Мари д’Агу, писательница, супруга Ференца Листа, родившаяся в 1805 году, пишет в своих «Воспоминаниях»: «В ранней молодости я чувствовала склонность вести, по немецкому обыкновению, дневник моих впечатлений» [там же, с. 14]. Но дневники, являясь, прежде всего, личным *journal intime* («личный дневник»)², зачастую уничтожались, терялись, не воспринимаясь как ценный литературный образец, поэтому большая

¹Здесь стоит отметить, что в статье допущено обобщение – первые два дневника были написаны по-французски, однако, их авторы – уроженки Женевы (Швейцария).

²Зд. и далее перевод наш. – Б. С.

часть истории «дневниковой» традиции представляет собой невосполнимую и мало изученную лакуну. По единогласному мнению критиков, по-настоящему распространенной практика ведения дневника становится в эпоху Июльской монархии, после 1830 г. Женское образование получило развитие и дневник стал средством воспитания, даже обязанностью многих молодых девушек, находящихся на домашнем обучении. С этого периода дневник начинает постепенно приобретать форму творческого высказывания, превращаясь в литературный жанр со своими канонами, особенностями и даже классиками. Первый момент «перехода» «личного текста» в статус художественного произведения был зафиксирован в 1858 г., когда в свет вышел морально-практический трактат мадемуазель Моньо под названием «Дневник Маргариты». Безусловно, это была стилизация, автор пыталась выдержать манеру изложения 12-летней девочки Маргариты, но это была и первая кодификация дневниковой практики, утвердившейся с 1930-х гг. Публикация же реального дневника Эжени де Герен в 1862 г. ознаменовала переход от литературы к действительности – текст очень быстро стал популярным образцом жанра, классикой, его публикация и востребованность подготовили благоприятную почву для появления на литературном рынке всё новых и новых дневников.

В России самыми первыми «женскими» русскоязычными автобиографическими сочинениями, по словам исследователя Е. Гречаной, являются краткие записки (1738) Анны Шестаковой, женщины из свиты императрицы Анны Иоанновны, и «Своеручные записки» Натальи Борисовны Долгорукой (созданные в 1767 г.) [Гречаная 1998, с. 5–34]. Возможно предположить, что ежедневная писательская практика была для женщин того периода, получивших некоторое образование, способом самореализации, самоутверждения, одновременно, лингвистическим, литературным и духовным упражнением, попыткой самоанализа и, наконец, практической фиксации событий. Так, например, А. А. Оленина (1807–1888) делает в своем дневнике такую запись¹ [Оленина 1936]:

Je voulais écrire un roman, mais cela m'ennuie, j'aime mieux n'en rien faire et écrire simplement mon journal.

Я хотела писать роман, но это мне надоедает, лучше уж я это брошу и просто буду писать дневник.

¹ Все выдержки из дневников приводятся с сохранением авторской орфографии.

Из корпуса всех изученных исследователями дневников указанного периода (с конца 1780-х по начало 1850-х гг.) – 65 % принадлежат женщинам и лишь 35 % – мужчинам [Вьолле, Гречаная 2006, с. 57–111].

В эту небольшую группу мужских дневников входят тексты, описывающие, как правило, политические события и их анализ, военные кампании, планы сражений (среди них, например, дневники русских офицеров – Ф. Н. Глинки, Д. В. Давыдова, М. И. Каховского). Мужские дневники, по статистике, которую приводят исследователи, в большинстве своем писались по-русски, тяготели к модели «хроники» и, в противовес «женским» дневникам, «сопротивлялись» влиянию эпистолярного жанра и сентиментальной литературы [там же, с. 71].

На французском языке женские дневниковые тексты в России появляются во второй половине XVIII в. Русские женщины этой эпохи в большинстве своем были ориентированы на французскую культуру, французскую традицию эпистолярной формы. Из первых дошедших до нас текстов: дневник (1780–1781) баронессы Н. М. Строгановой, дневник княгини Н. П. Голицыной (с 60-х гг. XVIII в. до 1837 г.), которую называют «прототипом» старой графини из пушкинской «Пиковой дамы» [Рабкина 1968, с. 213–216], автобиографический текст дневниковой формы «Моя история» княгини Е. Р. Дашковой (1804–1805), «Воспоминания о детстве и юности» баронессы В.-Ю. Крюденер (1822), дневник Е. А. Шаховской (1834) и другие.

В России авторы дневников принадлежали к высшему, аристократическому, слою общества. Традиция вести дневники воплощалась через приемственность, так как часто дети становились хранителями и читателями дневников своих родителей, что побуждало их, в свою очередь, продолжать фиксацию событий в данном формате, создавая некоторый семейный обычай. Так, графиня Прасковья Николаевна Фредро выражала надежду, что ее «дневник поможет будущим женам ее сыновей лучше понимать их» [Вьолле, Гречаная 2006, с. 77], А. А. Оленина писала: «...пусть все дела мои в нем [в дневнике] сохранятся; и ежели будут у меня дети, особливо дочери, отдам им его...» [Оленина 1999, с. 64]. Ей вторила А. И. Колечицкая: «...когда меня не будет, эти листы – я знаю – будут дороги для моей Аннички» [Колечицкая 1995, с. 291].

Женщины вели «хронику повседневности», невольно или осознанно воссоздавая летопись не только своей жизни, но и своей семьи

в целом. Многие дневники, как, например, дневник Е. Н. Карамзиной (Мещерской) или А. А. Олениной, наполнены описанием внешних событий: жизнь в городе, в деревне, прогулки, ужины, балы, визиты, чтение.

5-го сентября были маменькины именины. Неделю перед тем, мы ездили в Марьино. Там провели мы три дня довольно весело. Ездили верхом и философствовали с Ольгой. Воротившись домой, я задумала сыграть «proverbe». Милая Полина Голицына согласилась, и я выбрала «proverbe», разослала роли, но имела горе получить отказ Сергея Голицына. Что делать? (из дневника А. А. Олениной) [Цявловская 1958, с. 273].

Нередко присутствует систематическая фиксация повседневных незначительных событий: « Je reviens de souper » (*Я только что отужинала*) находим мы в дневнике М. Ю. Толстой [Вьолле, Гречаная 2006, с. 76].

Дневники Е. А. Шаховской наполнены скрупулезными сообщениями о моральном и физическом развитии ее детей, наблюдениями за их взрослением, характерами. В некоторых идет уклон в читательские практики, как, например, в текстах И. А. Колечицкой, которые в большом объеме состоят из цитат прочитанных книг, что позволяет судить о духовной и интеллектуальной жизни автора.

При всем многообразии тематик, которые, безусловно, зависят от индивидуальных особенностях жизни той или иной аристократки, самым распространенным типом дневника в России того времени был именно «дневник детей». Так, например, Л. Н. Толстой описывает именно такой дневник, который вела княжна Марья Болконская, став женой Николая Ростова и матерью семейства.

Таким образом, подводя краткий итог избранных «дневниковых» тематик, следует обратить внимание на принцип спонтанности и непосредственности в ведении дневника: не подразумеваясь изначально как публичный текст, дневник не мог быть заранее «срежиссирован». Это предполагает достоверность или, по крайней мере, искренность в изложении фактов, некоторую первозданность формы в репрезентации событий. Такой же принцип непосредственности прослеживается и в лингвистическом (грамматическом, лексическом) наполнении дневниковых текстов.

Так, в дневниках практически нет исправлений, лишь в редких случаях присутствуют следы перечитывания (заметки на полях,

правка другими чернилами). Многих диаристок не заботил стиль оформления текстов и даже почерк, настолько они были увлечены изложением спонтанных сиюминутных впечатлений. Е. А. Шаховская даже делает такое предупреждение:

Je crois que si tu lis jamais ce journal, il t'en coûtera de déchiffrer ces pages, je suis si entraînée... je ne puis m'occuper de mon écriture...

Думаю, если ты когда-нибудь прочитаешь этот дневник, тебе будет стоить труда разобрать эти страницы, я так увлечена ... я не могу заботиться о почерке.

Подтверждая теорию об интуитивном письме (в дневниках обычно почти нет пометок, исправлений, особой редактуры), текст не всегда был написан исключительно на французском, присутствовало «смешение языков»: например, вводились отдельные слова или словосочетания, которых не было в русском, что позволяет говорить о явлении диглоссии, продиктованной социокультурными нормами. В отрывке из дневника А. А. Олениной мы наблюдаем подобный процесс: *Вечером мы играли в разные игры. Дамы все уехали. Молодежь делала разные tours de passe-passe. Все очень поздно разъехались.*

Однако иногда текст становится билингвальным без какого-либо лексического или стилистического оправдания: письмо становится автоматическим и следует за сознанием автора. Этот переход от одного языка к другому дает возможность иного взгляда, некой абстракции. А. А. Оленина пишет:

Прощаясь, Пушкин мне сказал, qu'il doit partir pour ses terres, si toutefois il en aura le courage, — ajouta-t-il avec sentiment.

Что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу, — прибавил он с чувством.) [Цявловская 1958, с. 247–292].

Особенно этот процесс заметен во время эмоционального напряжения автора:

J'ai regardé M. B. que je sentais qu'il me fixait. Ух! Les yeux étaient si noirs, si noirs, si noirs (не знаю, как объяснить) si черные, теплые: que la salle entière s'est mise à tourner avec toutes les girandolles.

Я взглянула на г-на Б., чувствуя, что он на меня пристально смотрит. Ух! Глаза были такие черные, такие черные, такие черные, (не знаю, как объяснить), такие черные, теплые, что вся зала закружилась со всеми своими канделябрами (*Из дневника А.И. Колечицкой*) [Колечица 1995, с. 198].

Исследовательница Мишель Дебрэнн замечает, что подобная особенность употребления нескольких языков (в данном случае, русского и французского) в рамках одного текста продиктована тем, что люди аристократического круга данного периода, как правило, не практиковали переключение кодов. Аристократки, дневники которых рассматриваются в исследовании, достаточно высоко владели французским языком, так как изучали его иммерсивным методом: имели франкоговорящих гувернанток, с раннего детства соприкасаясь с французской культурой. Интересен также факт, найденный в дневниках княгини Е. А. Шаховской, которая признается, что говорила с сыном по-русски, а с дочерью – только по-французски [Вьолле, Гречаная 2006, с. 61]. Таким образом, большую роль в овладении французским языком играют постоянная практика, обучение, чтение и путешествия.

Однако, проанализировав корпус определенных текстов, написанных аристократками по-французски, следует сделать вывод, что в большинстве случаев французский язык представляет собой фонетическое письмо [Арсентьева 1999, с. 340–344]. Можно констатировать отсутствие согласования в роде и числе (*On a célébré un espèce de mariage; J'en suis humiliée, et cette humiliations m'est nécessaire*), звукоподражательное написание окончаний глаголов (*je m'établirez, a ne je m'établirai*), случаи гиперкоррекции (избыточное удвоение согласных – *vollume, vollonté*), ошибки в передаче на письме гласных звуков (*abime, abyume*), ошибки в употреблении диакритики и т. д.

Исследовательница Катрин Вьолле приводит как «самый яркий пример фонетического письма» дневник Н. П. Голицыной [Вьолле, Гречаная 2006, с. 80]:

L'amuseman que j'avois pandan mon sejour a la campagne etoit de monte a cheval et dallé a la chasse du lievre je prenois cette exercice tous les jours... Je ne puis pas me dispancé d'avoué franchement que j'ai santi une satisfaction que je ne puis d'écrire en arrivan dans cette ville...

Даже в данном отрывке наблюдается колебания в написании окончаний существительных, союзов и наречий, отсутствие диакритических знаков, сочетание старых норм XVIII в. (например, окончания *-ois, -oit* в imparfait) и более современных правил, упрощение грамматических форм (окончание глагольного инфинитива пишется с *é, e* на конце) и т. д.

С одной стороны, можно предположить, что фонетическое письмо использовалось для экономии грамматических средств, правописанию

и стилю не придавали значения в угоду быстрой фиксации сиюминутного впечатления. С другой – ошибки, допускаемые авторами проанализированных дневников, сопоставимы, скорее, с ошибками, которые свойственны франкофонам, чем русофонам, изучающим французский язык.

Так, Мишель Дебрэнн приводит любопытную статистику ошибок на материале дневников О.В. Орловой-Давыдовой, где было выделено 25 основных типов, из которых некоторые представлены лишь единичными примерами. М. Дебрэнн предлагает сопоставить эту цифру с ошибками, которые совершают в письменных работах современные русские студенты, изучающие язык на продвинутом уровне обучения: это 140 различных типов ошибок и 550 частных подтипов ошибок [Дебрэнн 2017, с. 406–415]. Поэтому можно сделать вывод, что уровень владения французской орфографией у диаристок был достаточно высоким, учитывая специфику материала, на котором мы совершаем анализ. Однако внимание большинства аристократок было направлено, скорее, на смысловое содержание, нежели на форму.

Таким образом, можно сделать вывод, что, являясь способом личного самовыражения, дневник русских аристократок конца XVIII – начала XIX в. обладал разными функциями – дневник событий, дневник детей, путевые заметки и т. д. Однако объединяющим элементом всех типов дневников было непосредственное стремление женщин сохранить мгновения своей жизни, проанализировать себя в них и тем самым постепенно создать именно тот женский образ, который мы имеем в виду, говоря о «золотом веке» в России. Неотъемлемое участие французской культуры в создании этого собирательного исторического образа подтверждает крепкую связь Франции с Россией, которые по сей день находятся в особенном лингвокультурном диалоге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсентьева М. В.* Французский язык А. А. Олениной // Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С. 340–344.
- Батюшков К. Н.* Прогулка по Москве // Сочинения. М. ; Л. : Academia, 1934. 309 с.
- Вьолле К., Гречаная Е. П.* Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М., 2006. 278 с.

- Гречаная Е. П.* Феномен баронессы Крюденер // Неизданные автобиографии. М., 1998. С. 5–34.
- Дебрени М.* Языковой портрет билингвальной личности на основе дневников О.И. Давыдовой // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. М. : Российский Университет Дружбы Народов, 2017. С. 406–415.
- Оленина А. А.* Дневник (1828–1829) / предисл. и ред. О. Н. Оом. Париж, 1936. 137 с.
- Дубнякова О. А., Юмакулова Л. Ш.* Образ России в мемуарах Ж. де Сталь «Десять лет в изгнании» (к 200-летию со дня смерти автора) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Научно-практический периодический журнал. 2017. Т. 11. С. 47–50.
- Колечицкая А. И.* Мои записки от 1820 года / Публикация Е.Э.Ляминой и Е.Е.Пастернак // Лица: Биографический альманах / сост. и ред. А.И.Рейтблат. 1995. № 6. С. 277–341.
- Лежен Ф.* «Я» молодых девушек // Автобиографическая практика в России и во Франции. М., 2006. С. 13–29.
- Оленина А. А.* Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. 64 с.
- Рабкина Н. А.* Исторический прототип «Пиковой дамы» // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 213–216.
- Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 273 с.

УДК 811

Y. Bordet

Docteur, chercheur associé Centre Tesnière / CRIT,
Université de Franche-Comté, Besançon (France)
e-mail : ybordet@valsainte.ch ; yves.bordet@univ-fcomte.fr

RENAISSANCE PAR LA LITTÉRATURE. LE PROJET DOXILOG POUR LE FRANÇAIS ET LE RUSSE

Le russe et le français ont évolué en fonction de renaissances successives à partir de la philosophie grecque notamment Platon et Aristote : «eros» se transforme en «agapè» lors des renaissances patristique et bénédictine (Basile de Césarée, Benoît de Nursie ...). La vérité et la beauté sont indissociables de la vertu. «Le beau, la splendeur du vrai» Platon. «La beauté sauvera le monde» Dostoïevski.

Les renaissances irlandaise, carolingienne, clunisienne, scolastique amèneront la «Grande Renaissance».

Le projet Doxilog pour le français et le russe veut montrer par un logiciel que la langue littéraire est la plus simple et la plus accessible, confirmant que l'enseignement de la langue s'est transmis par la littérature depuis l'Antiquité grecque. La langue n'est pas seulement un instrument de communication.

Doxilog pour le français est en ligne www.doxilog.com Doxilog pour le russe : les recherches sont en cours.

Mots-clés : simplicité; littérature; esthétique; renaissance; Internet.

Y. Bordet

PhD, Associate researcher,
Centre Tesnière / CRIT, University of Franche-Comté,
Besançon (France);
e-mail : ybordet@valsainte.ch ; yves.bordet@univ-fcomte.fr

RENAISSANCE BY THE LITERATURE. THE DOXILOG PROJECT FOR FRENCH AND RUSSIAN

Russian and French have evolved in function of successive rebirths starting from the Greek philosophy in particular Plato and Aristotle : “eros” is transformed into “agape” during the rebirths patristic and Benedictine (Basile of Caesarea, Benoît of Nursie...). Truth and beauty are inseparable from virtue. “The beautiful, the splendor of the real”, Plato. “Beauty will save the world”, Dostoyevsky.

The Irish, Carolingian, clunisian and Scholastic rebirths will bring about the “Great Renaissance”.

The Doxilog project for French and Russian aims to show by software that the literary language is the simplest and most accessible confirming that the teaching of the language has been transmitted through literature since ancient Greece.

Language is not only an instrument of communication.

Key words: simplicity; aesthetic; literature; renaissance; Internet.

L'éducation se base en grande partie sur l'acquisition et la maîtrise de la langue ; langue maternelle dans un premier temps, langues étrangères par la suite. La philosophie grecque antique développe l'approche la plus précise et la mieux articulée de l'éducation : la pédagogie. Aristote et surtout Platon ont pris en compte l'aspect esthétique de la langue. La beauté du discours, du logos, sa précision, sa rigueur sont liées à la vérité, la justice, le bon, le bien. L'éducation doit former des citoyens courageux, droits, justes et bons. Socrate, le maître de Platon, est confronté à une véritable révolution : l'apparition de l'écriture, alors que jusqu'alors la transmission des textes se fait oralement. Il perçoit les effets secondaires de l'apparition de l'écriture sur la dialectique et la vie de la langue. Deux millénaires plus tard se produira une autre révolution dans la transmission de la langue : l'apparition de l'imprimerie. Alors qu'il fallait une armée de copistes et d'illustrateurs pour produire un livre après des mois, voire des années de travail, soudain des centaines de livres peuvent être imprimés rapidement. La troisième révolution est en cours, c'est la révolution numérique. Il est impossible d'en mesurer les effets. Nous y sommes confrontés. Si les révolutions précédentes ont engendré des renaissances, il est urgent de poser la question de renaissance face à la révolution numérique. C'est ce que le projet Doxilog tente de préciser. Il est en ligne pour le français, les recherches sont avancées pour le russe.

I. Philosophie et littérature

I.1. Pour Platon, la recherche de beaux discours est fondamentale. Diotime de Mantinée s'exprime ainsi son dialogue avec Socrate dans *Le Banquet*

{210a}...Il faut ... que celui qui prend la bonne voie ... commence à rechercher les beaux corps. Dans un premier temps ... il n'aimera qu'un seul corps et alors il enfantera de beaux discours ; puis il constatera que la beauté qui réside en un corps quelconque {210b} est sœur de la beauté qui se trouve dans un autre corps ... Une fois que cela sera gravé dans son esprit,

il deviendra amoureux de tous les beaux corps... Après quoi, c'est la beauté qui se trouve dans les âmes qu'il tiendra pour plus précieuse ... {210c}... de telle sorte par ailleurs qu'il soit contraint de discerner la beauté qui est dans les actions et dans les lois [Platon *Le Banquet* 1998 Paris Flammarion Traduction et présentation par 15. Luc Brisson 2016, p. 155–156].

La dialectique permet de s'élever toujours plus haut dans la recherche de la beauté absolue

{211a} qui ne naît ni ne périt, qui ne croît ni ne décroît, une réalité qui par ailleurs n'est pas belle par un côté et laide par un autre, belle sous un rapport et laide sous un autre, ... {211b} Non, elle lui apparaîtra en elle-même et pour elle-même, perpétuellement unie à elle-même dans l'unicité de son aspect ... [Ibd., p. 157].

La logique, la cohérence, la vérité, la beauté de la langue sont indissociables, de même que le courage, la droiture, la vertu en général pour le citoyen athénien de cette époque.

Tous les élèves de l'école primaire athénienne apprennent par cœur l'Iliade de Homère, considéré comme leur maître à tous. Toute l'éducation grecque repose sur Homère et sur cette conception de la conscience supérieure de la liberté, de la morale, de la beauté que la philosophie de Platon approfondira.

L'éducation dans les deux cités grecques les mieux connues que sont Athènes et Sparte mérite examen. Mais toutes deux, comme dans toutes les autres cités grecques, se réfèrent à Homère :

Dès l'école primaire, son ombre gigantesque se profile à l'horizon : « Homère n'est pas un homme, c'est un dieu », copiait déjà l'enfant dès l'une de ses premières leçons d'écriture ; apprenant à lire, il déchiffrait ... des listes de noms où défilaient les héros d'Homère ; dès les premiers textes suivis, il rencontrait quelques vers choisis de l'Odyssée ... [Marrou 1948, p. 226].

Poésie, philosophie et morale vont de pair dans l'éducation antique, avec la musique et l'éducation physique et la danse.

[...] Later, philhellenic Romans took care to learnethicsboth the Greek and Roman ways ...

[...] Whenreadingauthors the pupil must learnwhatis good as well as whatiscleaver [Morgan 1998, p. 145–146].

La philosophie de Platon et d'Aristote fait partie d'une époque particulière qui va très vite dégénérer en sophisme et stoïcisme stériles allant

jusqu'au cynisme. L'entretien entre le plus célèbre d'entre eux, Diogène de Sinope, et Alexandre de Mécédoine, le future Alexandre le Grand, est édifiant. Cet entretien a lieu à Corinthe, Platon est mort quelques années auparavant, Aristote en exil est encore vivant. Cette attitude du stoïcien et sophiste se retrouve près de 4 siècles plus tard chez les Athéniens restés figés dans cette posture.

Quelques philosophes épicuriens et stoïciens se mirent à parler avec lui ... Or, tous les Athéniens et les étrangers demeurant à Athènes ne passaient leur temps qu'à dire ou à écouter les nouvelles [Paul 1984].

I.2. Philosophie, renaissance et littérature : en Orient

La période bénie de la Grèce du IVe siècle av. J.C. semble donc se figer pendant plusieurs siècles et la philosophie va connaître des périodes de renaissances et de stagnation. La première renaissance sera amenée par une nouvelle conception de l'amour. En effet, pour la Grèce antique, et pour Platon dans son *Banquet*, la conception de l'amour est celle de l'amour charnel, sexuel. L'éducation se fait par les hommes mûrs pour des hommes jeunes.

Dans l'Athènes archaïque et classique, la sexualité avait, par l'intermédiaire de la *paiderastia*, partie liée avec l'éducation. L'idée est exprimée, dès le début du *Banquet*, qui porte sur *eros* et donc sur l'amour et sur son objet, le beau. [Platon 1998, p. 158; Brisson 2016, p. 11].

C'est avec le christianisme qu'une autre conception de l'amour apparaît. Le Nouveau Testament utilise le terme *agapè* pour parler de l'amour au lieu de *eros*. L'amour sexuel, charnel fait place à une autre forme qui se rapproche de la conception parfaite évoquée par Diotime de Mantinée dans son dialogue avec Socrate. La recherche de la beauté absolue pour Diotime est au-delà de celle de la chair.

L'utilisation du concept *agapè* pour désigner l'amour dans le Nouveau Testament se trouve illustré particulièrement dans la première épître aux Corinthiens au chapitre 13 et notamment le verset 8 L'amour ne périt jamais.

Dans le début du christianisme, l'école «païenne» est parfois très mal vue par certains chrétiens. L'exaltation de l'amour charnel facilite la débauche condamnée par les textes. Basile de Césarée prendra vigoureusement parti pour l'école païenne lorsqu'elle exalte les vertus de courage, droiture, fermeté d'âme. Basile va jusqu'à écrire un traité intitulé *A des jeunes gens sur la lecture des Auteurs profanes* [Saint Basile 2007].

Il s'emploie à montrer que les auteurs profanes ont un sens moral élevé, et que toute la poésie d'Homère est l'éloge de la vertu; que tout ce qui n'est pas pour l'ornement tend à cette fin [там же, p. 23].

Un nouveau type d'école chrétienne de type monastique apparaît dans le désert égyptien assez rapidement.

Dès le VIe siècle, nous voyons cependant apparaître un type d'école chrétienne, tout entière ordonnée à la vie religieuse et qui n'a plus rien d'antique ; mais cette école, déjà toute médiévale d'inspiration, reste longtemps le bien propre d'un milieu particulier et rayonne peu au dehors. Il s'agit de l'école monastique.

Très tôt, semble-t-il, les Pères du désert d'Egypte accueillirent parmi eux des adolescents ou même de jeunes enfants. Exceptionnelles sans doute au début, ces vocations précoces se multiplièrent par la suite : les grandes communautés organisées par saint Pacôme comptaient de nombreux enfants [Marrou 1948, p. 435].

I.3. Philosophie, renaissance et littérature : en Occident. La philosophie grecque se maintient en Occident avec la langue grecque d'une part et son pont vers le latin d'autre part. Si Augustin d'Hippone n'est pas un helléniste distingué selon ses propres dires, sa connaissance des écritures est solide. Les grandes migrations germaniques vont amener des bouleversements immenses en Occident et entraîner une déchristianisation et la disparition de l'éducation. Des communautés isolées maintiennent néanmoins un niveau d'éducation notamment dans les couvents, monastères et abbayes. C'est en Irlande toutefois que la conversion complète de l'île va amener des bouleversements. Les moines irlandais partent par centaines ré-évangéliser le continent: Ecosse, Pays de Galles, Angleterre, pays scandinaves, Espagne, France, Suisse, Italie, etc.

Les abbayes irlandaises inventent une nouvelle forme d'écriture avec la minuscule mérovingienne (notamment à l'abbaye de Luxeuil) puis plus tard la minuscule carolingienne (les moines anglais emmenés par Alcuin à la cour de Charlemagne).

«C'est en Italie, en Espagne, en Irlande puis en Angleterre que se produisirent les premières reviviscences des belles-lettres : en Italie, parce que l'antiquité n'avait jamais cessé d'y être présente et vivante et que l'ordre des Bénédictins qui s'y fixa dès le VIe siècle, s'appliqua à en renouer la tradition ; en Espagne, où l'Eglise, très vite puissante, tenta de créer un enseignement capable de remplacer celui des écoles romaines ... ; en Irlande enfin, qui bénéficia pour ses monastères de la sécurité que lui

valut sa situation insulaire ... Les clercs irlandais, devenus missionnaires, transportèrent avec eux leur goût de la culture classique. En Ecosse et en Angleterre notamment, ils créèrent des écoles qui, à la fin du VIIe siècle rivalisaient avec celles d'Irlande [...]. L'Angleterre fut le centre d'où partit la renaissance européenne au temps de Charlemagne. L'âme en fut Alcuin, formé à l'école d'York» [Hubert 1949].

Le développement d'une littérature vivante et vigoureuse apparaît avec les Chansons de Geste, fables et fabliaux, etc.

Avec Cluny et ses abbayes qui essaient dans toute l'Europe, revivifiant les abbayes bénédictines (elles-mêmes déjà « irlandisées » si l'on peut dire), la littérature populaire s'étend, d'affine et gagne en audience. L'ancêtre de la langue française apparaît au serment de Strasbourg en 842, mis par écrit à Verdun en 843.

La chanson de Roland va gagner toute l'Europe de l'Ouest dès le Xe siècle, ainsi que d'autres récits épiques.

La renaissance clunisienne va dynamiser toute l'Europe occidentale. Elle sera suivie de la scolastique de Thomas d'Aquin, autre renaissance philosophique et littéraire.

La Grande Renaissance redécouvre les textes grecs notamment de Platon et d'Aristote, et la révolution apportée par l'imprimerie vont bouleverser la diffusion des connaissances.

II. Mise à l'écart de la littérature et apparition de la révolution numérique

II. 1. La conception philosophique anglo-saxonne de l'enseignement des langues

À la fin de la deuxième guerre mondiale, l'enseignement en subit certaines conséquences. Les armées anglo-saxonnes ayant eu besoin d'enrôler des centaines de milliers de recrues allophones le plus rapidement possible, elles ont développé le *basic english*, plus exactement le *B.A.S.I.C.*, anagramme de British American Scientific International Commercial.

On devrait dire en effet *Basic* et non *Basic English*. ... Le mot *Basic* a été fait des initiales des mots *British American Scientific International Commercial* [Gougenheim et al. 1964, p. 14].

L'abandon d'une approche esthétique de la langue, transmise depuis les Grecs et leur pédagogie, est remplacée par une approche voulue scientifique et commerciale de l'enseignement de l'anglais, mais aussi du français.

Il fallait donc créer une méthode ... qui reposerait ... sur des bases scientifiques [Ibd., 14].

Il s'est ainsi constitué ... une doctrine, nous dirons presque une science, des langues de base. La conception qui est à l'origine du vocabulaire de base ... repose sur la notion de *limitation* du vocabulaire et de la grammaire [Ibd., 11].

Il est possible de rapprocher cette conception de celle trouvée dans 1984 de George Orwell à propos de son Novlangue, son *Newspeak* au service de *Big Brother*.

By such methods it was found possible to bring about an enormous diminution of vocabulary [Orwell 1984, p. 315].

II.2. Révolution numérique, commerce et science

Dans une période ainsi troublée par l'apparition de la révolution numérique, comparable à l'apparition de l'écrit en Grèce antique et de l'imprimerie à la fin du XVe siècle, il appartient de faire preuve de mesure, de raison, de prudence. En effet, la science ne plaisante pas avec les approximations.

Il en est de la demi-science en fait d'esprit comme de l'hypocrisie en fait de mœurs. Le demi-savant n'a que le masque de la science, comme l'hypocrite a le masque de la vertu ... la demi-science est pire que l'ignorance [Rousseau Lyon Œuvres complètes 1796, p. 357].

II.3. Une conception philosophique littéraire de l'éducation.

Il est certain que la conception «scientifique» et commerciale de l'enseignement prend une place importante dans l'éducation. Mais cette place est loin d'être hégémonique et commence à connaître un certain essoufflement. Le projet Doxillog part d'une approche littéraire de l'éducation, et particulièrement de l'acquisition et la maîtrise de la langue.

Les langues évoluent et ont tendance à gagner en simplification et à élargir leur audience. C'est ainsi que l'ancêtre du français du serment de Strasbourg est devenu *La langue de la République est le français* [Article 2 de la Constitution de la République Française] et une langue internationale avec l'anglais, l'espagnol, le russe, l'arabe et le chinois (mandarin) (www.un.org/fr/sections/about-un/official-languages/).

La langue a été enseignée par la littérature, par les beaux textes dès l'école primaire depuis l'Antiquité grecque. Les lois Ferry de 1881 et 1882

en France, rendant l'enseignement gratuit et obligatoire, ont repris cette tradition qui s'était poursuivie chez les Romains, pendant le Moyen-Âge, la Renaissance, les Lumières

Art. 1er.- L'enseignement primaire comprend ... La langue et les éléments de la littérature française [Loi sur l'enseignement public du 28 mars 1882].

Doxilog renoue avec l'approche philosophique esthétique de la langue. L'enseignement de la langue doit se faire par la beauté de la littérature.

Il s'agit de prendre en considération les bouleversements que la révolution numérique entraîne dans la place de l'apprenant et celle de l'enseignant. Les rapports entre enseignant et apprenants sont totalement bouleversés. Doilog s'adresse directement à l'apprenant. En effet, les risques d'infantilisation et d'assistanat sont multipliés par l'apparition du numérique. L'enseignant risque d'être dépassé par les apprenants et ceux-ci par être tentés « d'évacuer » l'enseignant.

III.1. Méthodologie [Bordet 2009]

La méthodologie utilisée dans le cadre du projet Doxilog doit être simple, claire, facile à utiliser. Elle a été mise au point pour le français, puis utilisée pour d'autres langues et notamment le russe et les autres langues internationales officielles. L'approche est résolument littéraire, notamment pour la constitution du corpus. Il a été nécessaire d'imposer certaines règles précises.

Constitution du corpus

- Le corpus est constitué de 40 textes d'une page A4 maximum
- 20 textes en prose
- 20 textes en vers
- Auteurs et textes traduits dans les langues internationales officielles
- Marquage du corpus en vue d'un traitement numérique
- Chaque mot du corpus est « marqué » d'un des 3 symboles
- Symbole ° pour un mot apparaissant dans au moins deux textes différents du corpus
- Symbole + pour un nom propre
- Symbole * pour un mot apparaissant dans un seul texte du corpus
- Remarque : le symbole ° marque un mot apparaissant même sous des formes différentes du même mot.
- Établissement d'une liste de vocabulaire de base
- Les mots marqués du symbole ° sont retenus dans la liste

- Ils sont placés en ordre (alphabétique par exemple)
- Ils sont déclinés sur la même ligne (dans excel par exemple)
- Toutes les formes possibles du mot sont déclinées
- Seules les formes simples des verbes sont retenues
- Remarque : pour le français, liste de 1502 mots. La littérature française est composée à 90 % de mots de cette liste
- Établissement d'un logiciel donnant
- Nombre des mots du texte
- Nombre des mots de la liste
- Pourcentage des mots de la liste dans le texte
- Âge auquel le texte est accessible pour un élève scolarisé en français
- Niveau « européen » CECR auquel le texte est accessible pour un apprenant de FLE

III. 2. Liste des auteurs : corpus Doxilog pour le français

Français XX TEXTES EN PROSE		
I	Michel Butor	La Modification
II	Louis-Ferdinand Céline	Voyage au bout de la nuit
III	Marcel Proust	Du côté de chez Swann
IV	Charles- Ferdinand Ramuz	La vie de Samuel Belet
V	Chateaubriand	Les Martyrs
VI	Gustave Flaubert	Madame Bovary
VII	Stendhal	Le Rouge et le Noir
VIII	Honoré de Balzac	Le Père Goriot
IX	Victor Hugo	Les Misérables
X	Georges Bernanos	Sous le soleil de Satan
XI	Voltaire	Pierre le Grand
XII	Jean- Jacques Rousseau	Les Confessions
XIII	Montesquieu	Les Lettres Persanes
XIV	Blaise Pascal	Les Provinciales
XV	La Bruyère	Les Caractères
XVI	René Descartes	Discours de la Méthode
XVII	Michel de Montaigne	Essais
XVIII	François Rabelais	Le tiers livre
XIX	Philippe de Commines	Portrait Moral de Louis XI
XX	Le Roman de Renart	La Pêche d'Ysengrin

Français XX TEXTES EN VERS		
I	Louis Aragon	Que serais-je sans toi
II	Philippe Jaccottet	Pensées sous les nuages
III	Paul Verlaine	Impression fausse
IV	Guillaume Apollinaire	Le Pont Mirabeau
V	Serge Gainsbourg	Oh! je voudrais...
VI	Jacques Prévert	Les feuilles mortes
VII	Paul Verlaine	Chanson d'automne
VIII	Arthur Rimbaud	Le dormeur du val
IX	Anonyme	À la claire fontaine
X	Victor Hugo	Demain dès l'aube
XI	Marceline Desbordes-Valmore	Les roses de Saadi
XII	Pierre de Ronsard	vous serez bien vieille...
XIII	Arthur Rimbaud	Ma bohème
XIV	Joachim du Bellay	D'un vanneur de blé aux vents
XV	Clément Marot	Dedans Paris
XVI	Charles d'Orléans	Le temps a laissé son manteau
XVII	José Maria de Hérédia	Les Conquérants
XVIII	Charles Baudelaire	Invitation au voyage
XIX	François Villon	Epitaphe Ballade des pendus
XX	Victor Hugo	Booz endormi

III. 3. Liste des auteurs Doxilog pour le russe Corpus

RUSSE 20 TEXTES Corpus	
20 TEXTES EN PROSE:	
Nestor (fin XIe – début XIIe)	Chronique
Anonyme (fin du XIIe siècle)	Dit de la campagne d'Igor
Athanase Nikitine (? – 1472)	Le Voyage au-delà des trois mers
Alexandre Pouchkine (1799–1837)	La Demoiselle paysanne

Nicolas Gogol (1809–1852)	Tarass Boulba
Ivan Gontcharov (1812–1891)	Oblomov
Mikhaïl Lermontov (1814–1841)	Un héros de notre temps
Ivan Tourgueniev (1818–1883)	Le Loup-garou (Mémoires d'un chasseur)
Fedor Dostoïevski (1821–1881)	Les Frères Karamazov
Léon Tolstoï (1828–1910)	Récits de Sébastopol
Anton Tchekhov (1860–1904)	Kachtanka
Vladimir Korolenko (1853–1921)	Bezyazyka (Sans langue)
Alexis Nikolaïevitch Tolstoï (1882–1945)	Le caractère Russe
Alexandre Kouprine (1870–1938)	Le Bracelet de grenats
Ivan Bounine (1870–1953)	Les Pommes Antonov
Maxime Gorki (1868–1936)	Starukha Izergil'
Mikhaïl Cholokhov (1905–1984)	Sudba Tcheloveka, Le Destin d'un homme
Mikhaïl Boulgakov (1891–1940)	Le Maître et Marguerite
Vladimir Nabokov (1899–1977)	Autres Rivages
Alexandre Soljenitsyne (1918–2008)	Une journée d'Ivan Denissovitch

20 TEXTES ENVERS:	
Mikhaïl Lomonossov (1711–1765)	Oda na den voshestviya...
Gavril Derjavine (1743–1816)	Vlastitely am i sudyam
Ivan Krylov (1769–1844)	Une fable Un loup et un agneau
Vassili Joukovski (1783–1852)	Svetlana
Constantin Batiouchkov (1787–1855)	A Dachkov
Alexandre Griboïedov (1795–1829)	Le Malheur d’avoir trop d’esprit
Alexandre Pouchkine (1799–1837)	Rouslan et Ludmila
Mikhaïl Lermontov (1814–1841)	Mtsiri
Nikolaï Nekrassov (1821–1878)	Zheleznaya doroga – Chemin de fer
Alexandre Blok (1880–1921)	Au restaurant
Vladimir Maïakovski (1893–1930)	Vers du paseport sovietique
Ivan Bounine (1870–1953)	Venise
Nikolaï Goumilev (1886–1921)	Mer Rouge
Anna Akhmatova (1889–1966)	Putnik milyi – Un voyageur cher
Marina Tsvetaïeva (1892–1941)	Generalam 12 goda – Aux generaux de 1912
Boris Pasternak (1890–1960)	Irpen’ – etopamyat o lyudyahilete – Un été

Aleksandr Tvardovski (1910–1971)	Une histoire du tankiste
Robert Rojdestvenski (1932–1994)	Ya segodnya do zari vstanu...
Constantin Simonov (1915–1979)	Ty pomnish, Alyosha...
Joseph Brodsky (1940–1996)	La stance

Le projet Doxilog est pour une renaissance par la littérature dans un environnement numérique. Les recherches ont permis de mettre en ligne une première version de Doxilog pour le français. Le corpus russe a été marqué, la liste du vocabulaire a été établie, elle compte 1481 mots. Pour les autres langues internationales également, choix du corpus, marquage du corpus, établissement de la liste du vocabulaire ont été établis. De même pour le japonais, l'italien et le serbe. Des recherches ont été menées également sur le portugais, l'allemand et le vietnamien.

Sur le plan philosophique, une question se pose à tous nos contemporains.

«L'Homme pense parce qu'il a une main», disaient les philosophes Grecs Anaxagore et Aristote dont nous sommes les héritiers. Dans notre époque de révolution numérique, digitale, allons-nous adopter une philosophie de «l'Homme compte parce qu'il a des doigts?».

BIBLIOGRAPHIE

Bordet Y. Français littéraire et français fondamental. Besançon, 2009.

Bordet Y. Langue, logos et littératures. Corpus d'étude Doxilog: le russe, le chinois, l'anglais, Actes du colloque «Evolution des langues romanes: de la langue du peuple à celle de la Nation», Université d'Etat de la Région de Moscou, 26–27 Juin, Moscou, Russie, 2018.

Bordet Y. Corpus d'études Doxilog: le français, l'espagnol, l'italien, le portugais, Actes du colloque «Patrimoine linguistique et culturel des langues romanes : histoire et actualité», Moscou, 21–22 juin 2016a, pp. 169–179.

Bordet Y., Banković Đukić D. Application du projet Doxilog à la langue française, Actes du Congrès «Etudes Françaises», Tradition et Modernité de 2015, sous la direction de S. STANKOVIĆ et N. VUČELJ. Faculté de Philosophie, Université de Nis, Serbie, 2016b. P. 398–409.

- Morsi Y. I., Bordet Y., Atanassova I.* Étude lexicale de textes arabes pour l'évaluation automatique de la complexité textuelle, 7ème Colloque International en Traductologie et TAL TRADETAL 2016, Oran, Algérie, mai 2016.
- Bordet Y., Bankovic D.* Le projet Doxillog pour le français et le serbe Congrès « Les Etudes françaises aujourd'hui, la francophonie dans tous ses états », NoviSad, 2016c. P. 187 à 207.
- Bordet Y.* An Example of the "Cultural Approach" of Language: The Doxillog Project, VII Conferencia Científica Internacional, Universidad de Holguín, Cuba, 2015.
- Gougenheim et alii.* L'élaboration du Français Fondamental Ier degré. Paris : Didier, 1964.
- Hubert R.* Histoire de la pédagogie. Paris, PUF, 1949.
- Marrou.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité Paris, PUF, 1948
- Morgan Theresa.* Literate education in the hellenistic and roman world Cambridge. Cambridge University Press, 1998.
- Orwell G.* 1989 London Penguin Books, 1984.
- Paul* Actes 17–18, 17–21 Traduction Second, 1984.
- Platon* Le Banquet 1998 Paris Flammarion Traduction et présentation par 15. Luc Brisson. 6° édition corrigée et mise à jour, 2016. P. 155–156.
- Rousseau J.-J.* Lettres philosophiques, Lyon Œuvres complètes 1796, p. 357. URL: classes.bnf.fr/laicite/references/loi_28_mars_1882.pdf (mars 2019).
- Saint Basile.* A des jeunes gens sur la lecture des Auteurs profanes. URL : www.abbaye-saint-benoit.ch/saints/basile/homelies/003.htm (avril 2019).

кандидат филологических наук; доцент кафедры Романских языков
Всероссийской академии внешней торговли;
e-mail: olg952009@yandex.ru

**«ОПЫТЫ» М. ДЕ МОНТЕНЯ. АНТИЧНАЯ ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ
И ПРОБЛЕМА НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА**

В данной статье на примере «Опытов» Мишеля де Монтеня (1533–1592) рассматривается проблема возникновения жанра эссе, его структура, его энциклопедичность, попытка осмысления в нем мира в целом и духовных исканий автора. Творчество Монтеня помещается в широкий контекст исторической обстановки Франции XVI века. «Опыты» рассматриваются также в широком литературном контексте своей эпохи, в атмосфере поисков новых литературных жанров. Формальные и содержательные особенности эссе как жанра, основоположником которого является Монтень, анализируются на примере главы «О славе», композиция которой сравнивается с композицией античного ораторского выступления. В статье определяются некоторые важнейшие жанровые признаки «Опытов» Монтеня и оценивается их влияние на французскую литературу последующих столетий, в особенно на творчество французских писателей XX века.

Ключевые слова: жанр; эссе; Возрождение; слава; человек.

PhD (Philology),
Associate Professor Department of Romance languages, Russian Foreign Trade
Academy; e-mail: olg952009@yandex.ru

**MICHEL DE MONTAIGNE'S «ESSAYS».
ANTIQUE ORATORICAL SPEECH AND PROBLEM
OF NEW LITERARY GENRE**

This article, using the example of Michel de Montaigne's «Essays», addresses the problem of the origin of the essay as a genre, its structure, encyclopaedic nature, an attempt to reflect on the world in general and spiritual quest of the author. Montaigne's works have been placed into the broader picture of French historical circumstances of the XVI century. «Essays» are also considered in the broad literary context of its era, in the atmosphere of seeking new literary genres. The formal and substantive features of the essay as a genre, the founder of which was Montaigne, are analyzed on the base of the chapter «Of glory», the composition of which is compared with the composition of the ancient oratorical speech. The article

identifies some of the most important genre features and assesses their impact on French literature of the following centuries, especially on the work of French writers of the XX century.

Key words: genre; essay; Renaissance; glory; person.

Монтень и его эпоха

Эпоха Возрождения – время великих перемен во всех областях человеческой деятельности. За короткий период, укладывающийся во время жизни одного поколения, изменился ряд устоявшихся представлений, существовавших на протяжении многих столетий. Кругосветные путешествия расширили знания о мире, европейцы получили возможность увидеть другие культуры и цивилизации, другие общественные устройства. Античность впервые стала осознаваться как законченный период в развитии человечества, стала резко ощущаться пропасть между Античностью и Средними веками. Небывалый расцвет живописи, архитектуры, литературы приводил к мысли о том, что у искусства есть свои законы, что им руководит не божественная сила, а человеческий разум, субъективная фантазия, не соответствующая сложившемуся канону. Ряд новых изобретений, совершивших переворот в технике того времени, перемены в общественной жизни, когда рушился привычный феодальный уклад и начинали создаваться новые буржуазные отношения – всё это не могло не привести к изменению положения отдельной человеческой личности. Необъятность открывшегося мира требовала появления других ориентиров и ценностей; человек пытался по-новому определить свое место в мире, находя в себе столь же неисчерпаемые глубины.

В начале эпохи Возрождения утверждается вера в неограниченные возможности человека, иллюзия его свободы. Однако с течением времени гуманистические идеалы не находят отражения в реальной действительности, постепенно жизнерадостное мироощущение сменяет более реалистический взгляд на мир. Глубокие противоречия в общественной жизни той эпохи, небывалый разгул жестокости, вызванный религиозными войнами во Франции, способствует осознанию серьезного разлада между гуманистическими идеалами и враждебными антигуманистическими силами. В последней четверти XVI в. во Франции наступает эпоха «трагического гуманизма» – «реалистически более сложного видения действительности, более углубленного

истолкования соотношения между человеческой личностью и окружающим ее обществом, по сравнению с прямолинейно-утопическим или идиллическим решением проблемы» [Виппер 1970, с. 160].

Все эти тенденции в развитии мироощущения человека Ренессанса, безусловно, подготовили возможность появления «Опытов» Мишеля де Монтеня, произведения, для которого характерна тонкая релятивистская оценка действительности, текучесть и неопределенность внутреннего мира героя – это, конечно, «безусловная критика Ренессанса и полная чуждость возрожденческому титанизму, возрожденческому артистизму и возрожденческому самоутверждению человеческой личности в ее принципиальном и нерушимом антропоцентризме» [Лосев 1998, с. 421].

«Опыты» Монтеня и проблема жанра во французской литературе в эпоху Возрождения

Сочетание различных тенденций, обусловивших своеобразие французского Ренессанса, отразилось на жанровой и стилевой специфике французской литературы того времени. Во многом определяющее характер эпохи Возрождения обращение к античному наследию в его подлинном виде, не искаженном христианскими толкованиями, как к источнику мировоззрения, пронизанного живым интересом к человеку и к миру, обусловило возрождение многих античных жанров. Дю Белле в знаменитом трактате «Защита и прославление французского языка» выдвинул принципы подражания древности, призвал возродить в литературе высокие античные жанры – трагедию, эпопею, оду. Так во французской литературе начала формироваться «ученая» тенденция, отвечавшая стремлению к изяществу формы, к культу прекрасного, поискам гармонии. Другая тенденция – обращение к живой фольклорной традиции, переработка сюжетов средневековых фарсов и фавлю, появилась в сатирическом романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Сильное итальянское влияние, особенно проявившееся после итальянских походов Франциска I, повлияло на творчество Маргариты Наваррской, автора сборника реалистических новелл «Гептамерон», а также поэзию Лионской школы, продолжившей традиции итальянского петраркизма.

Неоднородность различных явлений, под воздействием которых сформировался французский Ренессанс, противоречия в общественной и духовной жизни, глубокие потрясения, вызванные

гражданскими войнами, придавали литературе сложный и неустойчивый характер. Непосредственным откликом на кровавые события религиозных войн явилась поэзия Агриппы д'Обинье и дю Барта-са, которую характеризует особенная страстность и политическая заостренность. Противоположное направление развития литературы – появление жанра мемуаров, где явно проявляется интерес к отдельной человеческой личности, к ее внутренней жизни. Таковы произведения Брантома, Блеза де Монлюка.

В эту же кризисную эпоху во Франции появляется уникальное по жанру произведение – «Опыты» Мишеля де Монтеня, обобщающее духовные искания предшествующих периодов развития литературы и выдвигающее ряд принципов, отразившихся в литературе последующих столетий. Монтень считается основоположником нового жанра в мировой литературе, жанра эссе, название которого было введено в обиход именно им: «Форма и жанр “Опытов” были не выбраны Монтенем, а, по сути дела, им изобретены», – отмечает Коган-Бернштейн в послесловии к изданию «Опытов» в серии «Литературные памятники» [Коган-Бернштейн 1979, с. 352]. Творчество Монтеня дает возможность поставить вопрос об общей содержательности жанра эссе в целом и о том, почему он возник на завершающем этапе Ренессанса, каким литературным и культурным потребностям эпохи он отвечал. В рамках данной статьи можно обратиться к собственным высказываниям Монтеня о своей книге, а также, проанализировав отдельно взятую главу «Опытов», попытаться сформулировать характерные особенности жанра эссе на этапе его возникновения.

Монтень о своей книге

Содержание моей книги – «Я сам», – писал Монтень. Он признавал, что этот главный предмет изображения ничуть не проще, чем предмет философских споров или научных сочинений. И достоин сожаления человек, жаждущий объять всю Вселенную, но не знающий себя самого. По мнению Монтеня, объект его изображения – обыкновенная личность, главное качество которой – постоянное изменение, свойственное и миру вообще. «Весь мир – это вечные качели», – пишет Монтень [Монтень 1979, с. 19]. Автор собирается говорить о своих ничем не приукрашенных чертах характера, душевных качествах, о своих суждениях, предстающих такими, какие они есть в действительности. Он – полноправный владыка этого предмета изображения,

что позволяет рассмотреть его со всех сторон, не претендуя на непогрешимость, при этом пытаюсь проследить сам процесс зарождения и формирования мысли. То, что написано Монтенем – итог его жизненного опыта, восприятие мира одним человеком, к которому не примешиваются посторонние суждения. Но этот опыт – путь к дальнейшему обобщению, и разбросанные в каждой главе рассказы и исторические свидетельства – это семена мыслей, способных развиваться дальше. «А сколько я разбросал здесь всяческих историй, которые сами по себе будто не имеют существенного значения! Но тот, кто захотел бы в них основательно покопаться, нашел бы материал еще для бесконечного количества опытов» [Монтень 1979, с. 288]. Таким образом, воссоздавая свой портрет, сравнивая результаты самоанализа с наблюдениями над окружающими людьми, над происходящими событиями и фактами, почерпнутыми из книг, Монтень приходит к выводам общего порядка и воссоздает характерные черты духовного мира человека Ренессанса, намечая портрет человека вообще. Признание текучести, непостоянства мира, видное сквозь призму жизненных наблюдений автора, изменчивости человеческих намерений и духовных склонностей отразились на общей концепции писательского творчества. Монтень отвергает дружеские советы описывать значительные события своего времени, не собирается проводить четкой линии своей биографии, так как признает, что не обладает способностью стройно и ясно что-либо излагать. Он постоянно неудовлетворен достигнутым – ведь человеческий ум, видя неизведанные просторы, идет, по словам Монтеня, «пошатываясь и спотыкаясь». Его повествование начинается без всякого плана, не нуждается во вставках и в связках. Он часто высказывает свои взгляды в отдельных фразах, считая воссоздание целого задачей художника: «Я предоставляю художникам распределять по клеткам все бесконечное многообразие обликов, закреплять и упорядочивать нашу переменчивость, но не знаю, удастся ли им справиться с предметом столь сложным, состоящим из такого количества случайных мелочей» [Монтень 1979, с. 275]. Мысль Монтеня движется безостановочно и без усталости, поэтому ей чужда всякая жесткая форма, ограниченные размеры литературного произведения. Подобные ограничения автор считает надуманными и искусственными. При этом он не теряет нить своей мысли, настаивая на том, что всегда можно найти такое слово, зацепившись за которое можно восстановить всю цепь рассуждения. Часто названия глав «Опытов»

не полностью охватывают их содержание, они лишь слегка его намечают, служат вехами развития мысли. Язык Монтеня прост и безыскусен, чужд всяких словесных ухищрений, так как важно не слово, а мысль.

Так возникает произведение со «странным и несуразным» замыслом, книга, написанная «для немногих и на немногие годы», разнообразие тематики которой и масштабность затронутых проблем по сей день поражают читателя.

Особенности жанра эссе у Монтеня

Для определения формальных и содержательных признаков эссе Монтеня можно рассмотреть отдельную главу «Опытов», характеризующуюся тематическим единством, например, главу XVI книги II – «О славе». Это своего рода средний этап формирования структуры эссе, так как здесь, в отличие от книги I, авторский голос занимает большое место, но еще не заслоняет богатства противоречивых сторонних суждений.

Подробно разбирая содержание и композицию этой главы, можно найти в ней черты некоторого сходства с композицией ораторского выступления. Глава «О славе», вероятно, поддается такому сравнению, так как в ней практически нет отступлений от основной темы и необоснованных или ассоциативных переходов. Однако влияние античной риторики здесь нельзя абсолютизировать. Это не механическое перенесение ораторских приемов на новую литературную почву. Построению эссе у Монтеня свойственны и абсолютно специфические черты.

Исходный пункт, контрверса, содержится уже в заглавии. Рассуждение строится на опровержении ложных понятий о славе и на утверждении истинных. Вступление, как и в речи античного оратора, имеет целью добиться понимания читателя и потому начинается с провозглашения непреложных для того времени истин, обращения к божественному авторитету. Однако последовательное определение темы отсутствует, дальнейшее рассуждение строится на привлечении разного рода противоречивых аргументов, взятых из античных источников. Первый тезис, подкрепленный мнением Хрисиппа и Диогена, – мысль о презрении к славе. Однако этот довод углубляется не использованием системы статусов или общих мест, а другими средствами. Уже в самом начале главы видно основное отличие эссе от

ораторского выступления – это ярко выраженное присутствие авторского голоса, ясное отношение к предмету обсуждения, определенная позиция, подтверждающаяся с помощью различных аргументов. Следующее доказательство основной мысли – пример учения Эпикура, предписывавшего «жить незаметно». Далее, в отличие от схемы построения ораторской речи, где все положительные аргументы служили достижению определенной цели выступления, автор эссе находит двойственность в жизни самого Эпикура, на авторитет которого он ссылается. Эпикур, даже в последнем письме к Гермаху, был озабочен собственной славой. Так усложняется и развивается исходное положение эссе. Следующий пример Монтеня можно сравнить с контраргументом античного ораторского выступления – это своеобразная точка зрения противника. Мысль Карнеада о том, что слава желанна сама по себе, затем торжественно опровергается опять-таки личным мнением автора, который как бы подводит итог обсуждению первого аспекта проблемы славы. Этот вывод служит переходом к следующей цепи рассуждений – спору о добродетели, который начинается с изложения авторской точки зрения, подкрепленной личными наблюдениями. Теперь уже рассуждение строится, в основном, не на привлечении высказываний античных философов, а на собственных аргументах автора. Заканчивая первый ряд доказательств тщетности стремления к славе, Монтень впервые излагает собственную жизненную позицию. «Вся слава, на которую я притязую, это слава о том, что я прожил свою жизнь спокойно и притом прожил ее спокойно не по Метродору, Аркесилаю или Аристиппу, но по своему разумению» [Монтень 1979, с. 560]. Конечно, подобного рода высказывание было невозможно в речи античного оратора. Дальнейшие аргументы Монтеня содержат некоторую долю назидания. Это обращенный к читателю призыв размышлять о жизни, стремление заставить разделить авторскую точку зрения и занять определенную позицию. Монтень утверждает, что душа должна быть стойкой и добродетельной не для того, чтобы выставлять себя напоказ, а должна быть такой в нас самих. Монтень переходит к новому тематическому аспекту – осуждению непостоянства и несправедливости людской молвы. Доказательства этого положения идут прямо по той же схеме: примеры из античной мифологии и истории, собственное мнение автора на этот счет и, наконец, исповедальный элемент – изложение жизненного кредо.

Так постепенно проблема славы освещается с различных сторон. Монтень говорит о презрении к славе, об истинной добродетели, об относительности успеха, о непостоянстве человеческих суждений, о поверхностности внешнего впечатления, о проблеме чести. В эссе Монтеня, в отличие от ораторской речи, нет заключения, где суммировались бы положения уже сказанного и преследовалась бы цель пробудить эмоциональное отношение читателя. Эссе прерывается на коротком выводе, содержащемся в одной фразе: «Честный человек предпочтет скорее расстаться со своей честью, чем с чистой совестью» [Монтень 1979, с. 560]. По сути, цепь рассуждений могла бы продолжиться и дальше – такой открытый конец свойствен только эссе.

Таким образом, выделив некоторые черты сходства композиции эссе с композицией ораторского выступления, можно определить также характерные особенности, присущие исключительно эссе. Если содержание речи оратора ограничивалось, в основном, тематикой жанра торжественного, совещательного и судебного красноречия, то в «Опытах» Монтеня содержатся рассуждения на самые разнообразные темы, от возвышенных и философских, как, например, в главах «О совести», «О гневе», «О молитвах», до самых, казалось бы, незначительных: о большом пальце руки, о запахах, об обычаях носить одежду. Жанр эссе на начальном этапе его возникновения характеризует энциклопедичность, попытка осмыслить мир в целом, вплоть до мельчайших явлений. Кажущаяся противоречивость и фрагментарность суждений уравнивается внутренним единством эссе, которое обеспечивает присутствие авторского голоса, индивидуальность авторского сознания. «Эссе – это наиболее глубокое выражение личности их автора, человека, который стремится к наиболее полному завершению своей сущности»¹, – пишет французский критик О. Надо [Надо 1972, с. 2].

Автор как бы призывает читателя включиться вместе с ним в глобальный эксперимент осмысления действительности, воссоздавая вместе с тем картинусобственного духовного мира. Совокупность отдельных эмпирических фактов группируется вокруг образа автора, он преломляет в своем сознании судьбы различных людей и разнообразные мнения. Постепенно оформляясь в середине книги I, исповедальный элемент эссе усиливается и получает наиболее

¹ Зд. и далее перевод наш. – О. В.

полное выражение в книге III «Опытов». Автор подробно воссоздает эпизоды своей жизни, описывает свои привычки, вкусы и симпатии. Однако эссе отличается от романтических жанров установкой на отсутствие вымысла. По мнению Андре Жида, в эссе «Человек рассказывает о себе и мог бы сказать как Христос: Я есть истина»¹. Постепенно от частных наблюдений Монтень переходит к установлению общих закономерностей духовной жизни, к психологическим открытиям, глубоко развитым только в прозе критического реализма XIX в.

Таковы основные содержательные признаки жанра эссе у Монтеня. Разнообразие тематики, установка на наблюдение за формированием и течением мысли обуславливают свободу повествования и композиции. Название главы «Опытов» иногда не соответствует ее содержанию – автора может увлечь другая тема. Если рассмотренную главу «О славе» характеризует определенная содержательная целостность, то, например, глава «О средствах передвижения» построена целиком на ассоциациях. В этой главе как бы нет иерархии между главным и второстепенным, автор сознательно не стремится к регламентированности и последовательности изложения. «Эссе – это поиск, эссеист не знает, куда он идет <...>. В эссе мысль представлена незаконченной, точки зрения могут противопоставляться без нарушения логики» [Террас 1977, с. 136]. Все эти черты формы эссе формируют раскованную интонацию повествования, обеспечивают свободу изложения темы. Однако, если определить как эссе жанр отдельных глав «Опытов», то в целом произведение Монтеня нельзя рассматривать как сборник эссе. «Опыты» содержат элементы многих других литературных жанров. Это и автобиография с ярко выраженным исповедальным началом, правда, воспроизведенная фрагментарно, и философский трактат, например «Апология Раймунда Сабундского», и историография. Однако внутреннее единство и целостность «Опытов» обеспечивает стройная концепция изображения человека и мира в самых разнообразных проявлениях, ярко выраженное присутствие авторского голоса в повествовании.

Всё это несравненное богатство содержания и формы «Опытов» получило дальнейшее развитие в литературе последующих столетий, но особое влияние произведение Монтеня оказало на французскую литературу XX в. Альбер Камю использовал жанр эссе для выражения

¹ Цит. по: [Террас 1977, с. 14].

своего философского кредо в «Мифе о Сизифе» (1942). Значительные произведения Анри де Монтерлана – сборники эссе «Бесполезная служба» (1935), «Сентябрьское равноденствие» (1938), «Июньское солнцестояние» (1941). Мишель Бютор, один из основоположников французского «нового романа», написал в жанре эссе исследование творчества Монтеня «Эссе об Эссе» (1968). Можно сказать, что почти все крупные французские писатели XX века пробовали свои силы в жанре эссе в своем стремлении к поиску литературной формы, возможности свободного выражения авторской мысли.

Таким образом, особенности мироощущения личности в эпоху Возрождения обусловили возникновение новой концепции предмета литературного творчества, а обращение к античной литературной традиции повлияло на формирование нового литературного жанра – жанра эссе. Его основные жанровые признаки были рассмотрены, в основном, на примере главы «О славе» «Опытов» Монтеня. Формальные и содержательные особенности жанра эссе оказали бесспорное влияние на развитие французской литературы и, главным образом, на творчество французских писателей XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Монтень Мишель.* Опыты. М. : Наука, 1979.
- Виппер Ю. Б.* О рубеже между литературами Возрождения и XVII века во Франции / Рембрандт и художественная культура Западной Европы XVII века: материалы научной конференции. ГМИИ им. Пушкина. М., 1970.
- Виппер Ю. Б.* Монтень // История всемирной литературы. М. : Наука, 1985. Т. 3. С. 270–276.
- Коган-Бернштейн Ф. А.* Мишель Монтень и его «Опыты». М. : Наука, 1979. С. 315–361.
- Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М. : Мысль, 1998.
- Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972.
- Dictionnaire de Michel de Montaigne.* Dirigé par Ph Desan. Paris : Champion, 2004.
- Lazard M.* Michel de Montaigne. Biographie. Paris : Fayard, 2002.
- Nadeau O.* La pensée de Montaigne et la composition des Essais. Genève : Droz, 1972.
- Terrasse J.* Rhétorique d'essai littéraire. Québec : Presses Universitaires, 1977.

УДК 811.133.1

М. Н. Ветчинова

доктор педагогических наук, доцент
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
Курского государственного университета;
e-mail: marx2003@list.ru

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В XVIII–XIX ВЕКОВ

Франция и Россия уже несколько веков демонстрируют миру пример прочных культурных связей таких далеких, но одновременно близких друг другу стран. В статье, на основе современных исследований и исторических работ, прослеживается история проникновения французской культуры в русский ареал. Показано, как французский язык становился непременным атрибутом речи представителей образованного слоя общества, оказывая влияние на русский язык, литературу, культуру. Представлены мнения тех, кто считал негативным моментом факт чрезмерного увлечения французским языком, выступал за чистоту русского языка и культуру русской речи. Уделяется внимание высказываниям о месте русского языка в образовании и о его роли в воспитании. Приводятся мнения общественных деятелей, в которых подчеркнуто неоспоримо положительное влияние французской культуры на развитие не только русского языка, но и в целом русской культуры.

Ключевые слова: Франция; Россия; французская культура; французский язык; русский язык; литература.

M. N. Vetchinova

Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Prof., Assoc. Prof.
Department of Foreign Languages and Professional Communication,
Kursk State University;
e-mail: marx2003@list.ru

INFLUENCE OF FRENCH CULTURE ON THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE XVIII–XIX CENTURIES

For several centuries, France and Russia have been demonstrating a pattern of the strong cultural ties of such distant, but at the same time closely related countries. The article on the basis of modern research and historical works describes the history of the French culture pervasion into Russian. It is shown how the French language became an indispensable attribute of the speech of representatives of the educated stratum of society, influencing the Russian language, literature and culture. The opinions of those who considered the fact of excessive fascination with

the French language to be a negative point were in favor of the purity of the Russian language and the culture of the Russian language are presented. Attention is paid to statements about the place of the Russian language in education and its role in education. The views of public figures are cited in which the positive influence of French culture on the development of the Russian language and the whole Russian culture is emphasized.

Key words: France; Russia; French culture; French; Russian; literature.

Культурное взаимодействие России и Франции является одним из ярких примеров продуктивности процессов культурного обмена. К изучению устойчивого многовекового глубокого интереса стран друг к другу обращаются ученые, пытаясь определить, что лежит в основе подобного своеобразного культурного феномена.

Л. Г. Веденина в истории развития франко-русских культурных связей выделяет следующие этапы:

- 1) XI–XVI вв.;
- 2) XVIII в.;
- 3) XIX в.;
- 4) XX в. и начало XXI в.

Зарождение контактов относится к временам Ярослава Мудрого, которые были прерваны монголо-татарскими завоеваниями и возобновились во второй половине XVI в. Но начало по-настоящему широким связям положил Петр I, посетив Францию в 1712 г., результатом чего стало заключение договора о сотрудничестве и торговле, а также установление дипломатических отношений [Веденина 2017, с. 7].

Франция быстро становится эталоном культуры и образованности, а симпатия ко всему французскому займет в России прочное место на столетия. Русское дворянство подражало манере поведения французского благородного сословия, следовало французской моде в одежде, уделяло особое внимание французской литературе и искусству.

Большое признание получает французский язык – язык дипломатии, который становится непременным атрибутом представителей образованного слоя общества. Его активно начинают преподавать и с интересом изучать дома с гувернерами, а также в открывающихся в это время учебных заведениях – Сухопутном шляхетском кадетском корпусе (1731), частных пансионах (1750), Московском университете (1755).

О его роли в культурной жизни просвещенного русского общества говорили писатели, а знакомство с семейными архивами показывает, до какой степени совершенства, правильности, легкости, изящества доходило владение французским языком в этом обществе. До

того как стать предметом учебных планов школы, французский язык изучался дома, в семье; в обществе его знание считалось необходимой составной частью образования каждого [Ганшина 1946, с. 5].

Русское дворянство стремилось изучить французский лучше, чем родной, чтобы стать «настоящими французами». Полагалось, что они «добившись изящества речи, добились способности высказывать не только важные, но и самые ничтожные вещи интересным образом, остроумно и эффектно. Эта меткость французского ума и слога имеют много привлекательного, особенно в общественной жизни» [Ремер 1869, с. 9].

Желание не только говорить по-французски в обществе и в домашней обстановке, но и писать письма И. А. Вяткина и О. Б. Лебедева объясняют тем, что «французский язык располагал к размышлениям, комплиентам, выражениям благодарности и признательности. Французское письмо имело более светский тон» [Вяткина, Лебедева 2007, с. 9]. «Французский язык, обладающий арсеналом устойчивых фраз и речевых оборотов, оказывался оптимально соответствующим тем случаям, когда содержанием письма становилось или абсолютно нейтральное событие, или, напротив, острое личное эмоциональное переживание» [там же, с. 7].

В связи с этим французский язык, будучи разговорным языком русской аристократии, был и основным средством бытового эпистолярного общения. Однако по-французски писались не все письма. Французским языком ограничивалась официальная корреспонденция и переписка с женщинами, поскольку он давал готовые этикетные речевые формулы обращения, просьбы, ходатайства, сообщения и комплимента; кроме того, французский язык в своей абстрактно-понятийной сфере был развит несравненно больше русского. Письмо на русском языке требовало большей работы над стилем, выбором слов, компоновкой фраз [там же, с. 7].

Частная, деловая, научная переписка между высокообразованными русскими велась преимущественно по-французски, они даже затруднялись порой говорить на отвлеченные темы на своем родном языке. Конечно, такое привилегированное положение французского языка не могло не оказать влияния на русский язык и русскую культуру.

И. А. Вяткина указывает на его значимую роль в развитии русского литературного языка и словесности. Она пишет: «Французская литературно-бытовая традиция оказала существенное воздействие

и на русский литературный язык того времени. Это воздействие проявлялось не только в усвоении литературных канонов французской изящной словесности, но и в построении русской письменной речи по примеру французского языка» [Вяткина 2011, с. 585].

Здесь нельзя не вспомнить, что вплоть до революции 1917 г. в отечественных средних учебных заведениях французский язык занимал важное место после латинского и немецкого в общем учебном курсе. В гимназиях уделялось внимание и изучению французской литературы, что признавалось необходимым для лучшего понимания русских произведений. Так, в 1883 г. членами Комиссии для изыскания мер к улучшению преподавания новых языков рекомендовались к изучению произведения французских писателей, которые оказали наибольшее влияние на русскую литературу. Например, Корнель – «Сид», Расин – «Атала» или «Федра», Мольер – «Тартюф» и «Мизантроп» (как представляющие типы, которые выводили также наши писатели Сумароков, Княжнин, Грибоедов и другие). Буало – «Ода на взятие Намюра» и его сатиры (как такие произведения, которым подражали Тредиаковский, Кантемир, Ломоносов). Вольтер – «Генрида» (как образец для «Россииды» Хераскова), Лафонтен – басни (Крылов), Дидро – «Отец семейства» (как образец мещанской драмы), Бомарше – «Севильский цирюльник» или «Женитьба Фигаро» (как произведения, которые имели влияние на комическую оперу конца XVIII в.)» [Кавказский 1883, с. 445].

Однако галломания вызывала отрицательную реакцию со стороны некоторых деятелей русской культуры, которые сами прекрасно владели французским языком, но критиковали его употребление. Использование французского языка в XVIII и в начале XIX в. отвечало потребностям русского общества, не имевшего языка светского общения и европейски ориентированной науки. Речь многих представителей дворянства в XIX в. включала большое количество заимствований из французского языка. Французскому языку уделялось столь пристальное внимание, а его использование было так распространено, что в определенных кругах российской общественной мысли звучали высказывания о его негативном влиянии на русский язык. Это приводило к постоянным дискуссиям среди передовой общественности о месте русского языка в образовании и о его роли в воспитании.

Например, В. Н. Куницкий обращал внимание на то, что в отечественных гимназиях изучению иностранных языков отводится две трети времени учебного курса. По его мнению, это пагубно влияет на

родной язык учащихся, поскольку его изучению не уделяется должного внимания. Сетовал Куницкий и на то, что учебники и учебные пособия составлены «крайне безобразно», с искажением русского языка. Даже иностранцы удивлялись такому стремлению русских изучить иностранные языки лучше, чем родной. Мы даже сумели этим прославиться за границей, где русских путешественников очень часто озадачивали вопросом: «Правда ли, что у вас в русских школах только и учат, что по-французски, да по-немецки, и все говорят на обоих этих языках» [Куницкий 1886, с. 6].

Такое равнодушное отношение к преуменьшению роли родного языка высказывал еще М. В. Ломоносов. В своем известном рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (1758) он прямо ставил политические успехи народа в зависимость от успехов его языка и литературы. Он указывал на негативное, по его мнению, влияние иностранных языков. «Старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка совокупно с российским, отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих красоту из греческого, а то еще через латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют» [Ломоносов 1986, с. 422].

А. П. Сумароков, нападая в своих комедиях и сатирах на все главные беды и больные места тогдашней русской жизни, в числе прочих указывал и на излишнее желание обучать детей иностранному языку и пренебрегать своим, русским. Осмеянию страсти к французскому языку посвящена у него целая комедия «Чудовища», а также басня «Порча языка» – сатира, в которой указывается:

Вовек отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него чужого ничего,
Но собственной красую украшайся [Сумароков 1953, с. 252].

А в другом его произведении «О французском языке» мы встречаем:

Взращён дитя твоё и стал уже детина.
Учился, научен, учился – стал скотина.
К чему, что твой сынок чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он из книг?
Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют.

Но больше ничего они не разумеют...
Безмозглым кажется язык российский туп
Похлебка ли вкуснай, или вкусные *суп*? ...
Языки чужды нам потребны для того,
Чтоб мы читали в них, на русском нет чего? [Сумароков 1953, с. 164].

Императрица Екатерина II, увлекаясь литературой и журналистикой, не могла пройти мимо поистине болезненного явления, как страсть к иностранной словесности. Составляя свое знаменитое завещание к «Басням и небылицам», августейшая писательница предъясняет к тому, кто будет продолжать их, следующие требования: «Кто читать будет, тому думать по-русски. Всякая вещь имеет свое название. Иностранные слова заменить русскими, а из иностранных языков не занимать слов, ибо наш язык и без того богат». Говоря в инструкции о преподавании Великим князьям языков, она писала: «Языкам не иначе учить, как разговаривать с ними на трех языках, но чтобы при этом не позабывали они своего родного языка – русского и для того читать и говорить с детьми по-русски и стараться, чтобы они говорили по-русски хорошо» [Куницкий 1886, с. 9].

В комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» Чацкий резко нападает на отсутствие любви к своему, русскому, на преклонение перед иноземным. Влияние иностранной культуры, особенно французской, было столь сильным, что «французик из Бордо», приехав в Россию, «ни звука русского, ни русского лица не встретил: будто бы в отечестве с друзьями». Не раз упоминает он и о том положении, в котором находится русский язык.

Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам приходским,
Господствует еще смешенье языков
Французского с нижегородским [Грибоедов 1995, с. 22].

Стремление подражать во всем французам, восхищение их манерами Чацкий называет «жалкой тошнотой по стороне чужой», «чужевластьем мод», «шутовским образцом» [Грибоедов 1995, с. 86].

Д.И. Фонвизин в «Бригадире» устами сына бригадира Ивана смешивает русскую речь с французскими словами, тем самым подчеркивая комичность использования такого русско-французского двуязычия в разговорной речи. Однако Иван, изучив иностранный язык с французом, прекрасно понимает, что «большая из них половина грамоты

не знает, однако для воспитания они недорогие люди; я до отъезда моего в Париж был здесь на попечении у французского кучера» [Фонвизин 1972, с. 69].

Обучение языку у таких «учителей» было распространенным явлением среди русского дворянства. В этот период шел огромный наплыв французов в Россию, о чем даже указывали передовые писатели. Так, Фонвизин в стихотворении «К уму моему» отмечал:

Ты хочешь дураков в России поубавить,
И хочешь убавлять ты их в такие дни,
Когда со всех сторон стекаются они.
Когда без твоего полезного совета
Возами их везут со всех пределов света.
Отвсюду сей товар без пошлины идет,
И прибыли казне ни малой не дает.
Когда бы с дураков здесь пошлина сходила,
Одна бы Франция казну обогатила.

Сатирические журналы того времени тоже не щадили страсти перед «французской болтовней» и учителями-французами. Вот, например, в VI листе «Трутня» за 1769 г. было опубликовано известие из Кронштадта: «На сих днях прибыл из Бордо корабль. На нем, кроме самых модных товаров привезены 24 француза. Многие из них в превеликой жили в ссоре с парижской полицией. Им было велено убраться из Парижа, иначе они были бы в Бастилии. Они приехали в Россию с намерением поступить на работу учителями молодых благородных людей. Но нельзя поручать воспитание молодежи побродягам. И не думайте, что вы исполнили родительский долг, когда наняли в учителя француза» [Куницкий 1886, с. 13]. Между тем учителями новых языков часто становились те иностранные подданные, которые «по какой-либо причине не смогли найти себе работу на родине, а приехав в Россию, занялись учительством, так как лучшего ничего не представилось» [Куницкий 1886, с. 24].

Такая же мысль звучит и у А. П. Сумарокова:

Французски авторы почтенье заслужили,
Честь веку принеся, в котором жили.
Язык их вычищен, но всяк ли Молиер
Между французами, и всяк ли в них Вольтер?»
[Сумароков 1953, с. 164].

Очевидно, что образование ребенка полностью зависело от степени педагогической подготовки учителя-иностранца. Однако вполне оправданным является утверждение о том, что одно только французское происхождение еще не дает права преподавать язык. «Для учителя далеко недостаточны одни слова и обороты речи, нужно обладать также умением. И так из уст только учителя и учителя, хорошо произносящего по-французски, ученик должен учиться этому языку, как из материнских уст ребенок научается выяснять свои мысли» [Лей 1893, с. 11].

Таким образом мы видим, что в XVIII и XIX в. влияние французского языка на русскую культуру было значительным. Многие русские педагоги и общественные деятели давали негативную оценку чрезмерным увлечением французским языком, выступали за чистоту родного языка. Это можно встретить и у М. М. Щербатова, известного историка в памфлете «О повреждении нравов в России», и у Н. М. Карамзина, который был уверен, что русский язык «выразителен не только для высокого красноречия, для живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармонией, нежели французский, способнее для излияния души в тонах» [Куницкий 1886, с. 13] и многих других российских патриотов, которые сами прекрасно владели французским языком, но выступали за чистоту языка родного. При этом нельзя забывать, что существовали и противоположные взгляды, которые подчеркивали неоспоримое положительное влияние французского языка на развитие не только русского языка, но и в целом русской культуры.

Так, в протоколах общепедагогического отделения съезда по техническому и профессиональному образованию в 1890 г. отмечалось, что «французский язык – язык всемирный, язык дипломатии и что Франция, относительно научного общения народов, едва ли менее важна для России, чем Германия» [Из протоколов 1890, с. 29].

В журнале «Гимназия» в 1892 г. указывалось, что «французский язык заключает в себе образовательную силу, которая даже со строго педагогической точки зрения заслуживает большого уважения, а литературу не следует осуждать огулом, а нужно взвесить, в чем заключаются ее недостатки и преимущества, и сообразно с этим делать выбор ее для школы. Если какой-нибудь народ оказал столь значительное, хотя и не всегда благотворное влияние на общее духовное движение как французы, то этому должны соответствовать равнозначные явления в его литературе, которая также в деле обучения юношества не

может быть оставлена без внимания. Если этот народ в развитии так называемых точных наук, в группировке исторических фактов и мыслей и в выработке средств риторического изложения бесспорно занимает почетное место, то он также должен был создать письменные произведения, которые, при всей осторожности выбора, могут дать подходящий материал для образования подрастающего поколения» [Новые 1892, с. 630].

Современные ученые отмечают то положительное влияние, которое оказала культура Франции и, конечно же, французский язык, на развитие русской культуры и русского языка. Так, Е. Д. Брызгалина пишет: «Нельзя утверждать, что французский язык в этот период времени оказал негативное влияние на русскую культуру. Французский язык стал ее частью. Вопрос в том, как русский человек воспринял это влияние в своем сознании, был ли он готов к переменам, которые стали результатом политики просвещенного абсолютизма, родоначальниками которой являлись крупнейшие французские философы-просветители XVIII в. Как отразилась «галантная культура», «искусство жить» Франции на личные взаимоотношения внутри российского общества?» [Брызгалина 2014, с. 346]. И конечно же, нельзя не согласиться с ее правомерным мнением о том, что «французский язык повлиял на поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет и национальный характер российского общества» [там же, с. 3496].

Т. Ю. Загрязкина, осуществив глубокий анализ истории культурных связей России и Франции, констатировала, что в течение XVIII–XIX вв. русским удавалось поддерживать с Францией настоящий диалог культур, который они вели на равных [Загрязкина 2008, с. 19].

В связи с этим интересна мысль Е. П. Гречаной, которая уверена, что «одна только национальная культура не в состоянии питать мысль образованного человека. Он может осмыслить окружающий мир только при условии, что это будет происходить в более широких, не только национальных рамках» [Гречаная 2010, с. 16].

Сегодня, оглядываясь назад, даже трудно представить, что взаимоотношения Франции и России могли иметь совершенно другую историю. Казалось бы, близким контактам двух стран не было суждено иметь такую прочность по причине географической удаленности друг от друга, разного исторического пути развития, мышления народа, языка, культурных традиций. Но несмотря на массу существующих

различий, Франция и Россия уже несколько столетий демонстрируют миру пример возможных крепких связей таких далеких, но одновременно близких друг другу стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брызгалова Е. Д.* Влияние французского языка на русскую культуру // Перевод как средство взаимодействия культур. 2014. № 1. С. 340–350.
- Веденина Л. Г.* Франция и Россия: транскультурное и межкультурное взаимодействие (XI – XXI вв.) // Концепт: Философия, религия, культура, 2017. № 3. С. 65–74.
- Вяткина И. А.* Эпистолярные тексты В. А. Жуковского и А. С. Пушкина: к вопросу о метаперевод // Вестник науки Сибири. 2011. № 1 (1). С. 585–589.
- Вяткина И. А., Лебедева О. Б.* Диглоссия эпистолярная В. А. Жуковского // Вестник Томского университета. 2007. № 294. С. 7–10.
- Ганишина К. А.* Методика преподавания французского языка. М., 1946. 258 с.
- Гречаная Е. П.* Когда Россия говорила по-французски // ИМЛИ РАН. М., 2010. С. 9–16.
- Грибоедов А. С.* Горе от ума. Пермь : Алгос-Пресс, 1995. 158 с.
- Загряжская Т. Ю.* Русско-французские культурные связи // Франция и Россия: культурные контакты. М. : Городец, 2008. С. 5–47.
- Кавказский учебный округ. Комиссия для изыскания мер к улучшению преподавания новых языков в средних учеб. заведениях. Тифлис, 1883. 558 с.
- Куницкий В. Н.* К вопросу об иностранных языках в русской школе. Воронеж : тип. В. И. Исаева, 1886. 24 с.
- Лей Шарль.* Основные элементы преподавания французского языка малоимущим детям иностранцев. Тамбов, 1893. 24 с.
- Ломоносов М.* Избранная проза. М. : Советский писатель, 1986. 541 с.
- Ремер А. Ф.* О значении древних классических и новейших языков в гимназиях. Воронеж : тип. В. Гольдштейна, 1869. 24 с.
- Сумароков А. П.* Стихотворения. М. : Советский писатель, 1953. 340 с.
- Фонвизин Д. И.* Бригадир. Л. : Художественная литература, 1972. 149 с.

ст. преподаватель
соискатель кафедры французского языка и культуры
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: velen2007@mail.ru

ЦВЕТОВЫЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (на материале французского языка)

Действительность окрашивается в соответствии с авторским субъективным отношением, его склонностями и установками. Поэты и писатели активно используют метафорические цветовые образы, где ассоциируют цвета с предметами и явлениями, внешними и внутренними качествами людей, с их чувствами и взаимоотношениями. Метафорический образ с участием цвета является одним из средств создания подтекста, возникающего на основе соединения денотативных и коннотативных, прямых и переносных значений слов.

Цветовые обозначения участвуют в создании многочисленных ассоциативных образов с различной эмоциональной и стилистической окрашенностью. Чаще всего эту роль выполняют неосновные цветовые термины, называемые колоративами и представленные метафорой. В создании авторских метафор используются неосновные семы цветовых обозначений, имеющие скрытые и вероятностные значения. Вокруг них группируются стилистически нейтральные цветовые обозначения, такие как белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый (*blanc, noir, rouge, bleu, vert, jaune*), которые только называют цвет по внешним признакам и деталям реального мира.

В статье рассматривается проблематика ассоциативного восприятия цвета на примере ассоциативного потенциала цветовых обозначений современного французского языка с точки зрения толкования ассоциативно-семантического поля и эмоционального воздействия этих цветов на человека. Богатый ассоциативный потенциал цветовых обозначений позволяет авторам, проецируя эти цвета на прототипические объекты действительности, создавать новые оттенки фокусных цветов с помощью метафорических переносов.

Материалом исследования послужили художественные произведения французских поэтов и писателей XX–XXI вв.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания и осмысления различных культур, объяснения семантики цвета в контексте духовной культуры, поскольку с помощью цветовых обозначений формулируется отношение к происходящему.

Ключевые слова: цветовое обозначение; метафорический образ; ассоциативные связи; коннотация; сема; прототип; бинарная оппозиция.

E. Yu. Vorobyova

Senior lecturer and candidate,
Department of French Language and culture,
Faculty of Foreign Languages and regional studies,
Lomonosov Moscow state University;
e-mail: velena2007@mail.ru

COLOR IMAGES IN ART TEXTS (on the material of French Language)

The surrounding world is painted in accordance with the author's subjective attitude, its inclinations and attitudes. Poets and writers actively use metaphorical color images, where they associate colors with objects and phenomena, external and internal qualities of people, with their feelings and relationships. A metaphorical image involving color is one of the means of creating a subtext that arises from the connection of denotative and association, direct and indirect meanings of words.

Color designations are involved in the creation of many associative images with different emotional and stylistic color. Often, this role is performed by non-basic color terms represented by a metaphor. In the creation of the author's metaphors are used non-basic color symbols, which have hidden and probabilistic values. Around them are grouped stylistically neutral color markings, such as white, black, red, blue, green, yellow (*blanc, noir, rouge, bleu, vert, jaune*), which call color only by external signs and details of the real world.

The article considers the problem of associative perception of color on the example of associative potential of the color notation of modern French language in terms of interpretation of associative-semantic field and emotional impact of these colors per person. The rich associative potential of color terms allows authors, projecting these colors on prototypic objects of reality, to create new shades of focal colors by means of metaphorical shifts.

The material of the study was the art texts of French poets and writers of XX–XXI centuries.

The relevance of this study is due to the need to understand and comprehend different cultures, explain the semantics of color in the context of spiritual culture, because with color tags the person is able to formulate his feelings to what is happening.

Key words: color designation; metaphorical image; associative connections; connotation; seme, prototype; binary opposition.

Помимо видимого цвета существует еще и «цвет мыслимый, данный в представлении или понятии с помощью вербального языка» [Чертов 2014, с. 187]. В этих случаях речь идет не о конкретном визуальном цвете, а переосмыслении цвета и создании образа. Согласно Н. А. Лукьяновой, образные представления – это «отражение конкретного

чувственного представления, имеющего источником конкретную действительность и преломленного через творческое сознание автора» [Лукьянова 1986, с. 12].

Непременным атрибутом художественного текста, по мнению Л. О. Чернейко, является «артистизм, обуславливающий эмоционально-эстетическое состояние сознания читателя» [Чернейко 2017, с. 104]. В художественных текстах и поэзии эмоционально-эстетический эффект достигается с помощью создания цветовых образов, в которых выражается мироощущение автора, его субъективное отношение, склонности и установки, в соответствии с которыми окрашивается действительность.

В создании авторских метафорических образов используются неосновные семы цветообозначений, имеющие скрытые и вероятностные значения. Так, для микрополя *голубой* периферийными семами являются «изящество» платьев и лент (*couleurs des robes et des rubans d'une femme*), шелковых занавесок на колясках (*celui des stores de soie que l'on tire aux fenêtres des calèches*), «воспоминания», которые остаются после танцев под музыку (*celui que laisse dans la tête la musique après que l'on y a dansé*) и «грезы», которые скрываются в любовных романах в синем переплете (*celui qui recouvre les livres où l'on parle d'amour*)¹:

Emma aimait le bleu
Celui des robes et des rubans
que vendent les camelots de passage,
ou des stores de soie
que l'on tire aux fenêtres des calèches.
Celui qui recouvre les livres où l'on parle d'amour.
Celui que laisse dans la tête
la musique après que l'on y a dansé.
Elle n'avait pourtant jamais vu la mer.

С помощью комбинации разных чувств, при которой формируются новые восприятия и представления о вещи, некоторые поэты пытаются соотнести цвет и музыку, создавая цветовые тексты, скоординированные с рядами музыкальных тонов. Поэтов-символистов интересует интерпретация разных чувств, например восприятие цвета, порождающее восприятие звука. Идея соотнесенности цвета

¹ URL: lyricstranslate.com/ru/jean-michel-maulpoix-emma-aimait-le-bleu-lyrics.html.

и звучания нашла отражение в сонете «Гласные». А. Рембо (1854–1891), который выступал за отказ от логических связей и за раскованность семантики. Для него слово по отдельности ничего не значит, полный смысл высказывания передается единством слов, фразой, создающей символический образ, передающий цвет, аромат, звучность. Так, например, *черный А*, с которого начинается сонет – это глубина и тень, которую А. Рембо сравнивает с «бархатным корсетом кишасящих насекомых на куче нечистот» – *noir corset velu des mouches éclatantes qui bombinent autour des puanteurs cruelles*. Белый *Е* – это «белизна седин, палаток и тумана, нагорных ледников и девственных пелен» – *candeur des vapeurs et des tentes, lances des glaciers fiers, rois blancs, frissons d'ombelles* [Степанов 1965]. В основу произведения А. Рембо, по мнению Ю. С. Степанова, положена бессознательная мистификация. Пяти гласным соответствуют пять цветов в произвольном порядке. Вся загадка этого произведения состоит в том, что невозможно объяснить, почему *А* черного цвета, *Е* – белого, *И* – красного, а *У* – зеленого. С одной стороны, мотивация не ясна, с другой – можно предположить, что мотив в данном случае заключается именно в произвольности логических объяснений.

Жан-Мишель Мольпуа (Jean-Michel Maulpoix), продолжая идеи французских поэтов-символистов, полагает, что любая поэзия имеет цвет, который зависит от времени суток, возраста и художественного стиля. Цвета поэтического произведения тоже меняются по мере работы над произведением: сначала оно бесцветное, потом оно становится *белым* по ассоциации с чистым листом бумаги. *Серый цвет*, по мнению Ж. М. Мольпуа, – цвет мечты, который приобретает еще не оконченное произведение, не имеющее четкой формы. *Голубой цвет* – это вдохновение, возвышение над земным и обыденным. *Голубой* доминирует, так как это цвет не только неба и воды (*bleu du ciel, bleu d'eau*), но и цвет физических (*bleus du corps*) и душевных ран (*bleus de l'âme*), цвет загадочности и мечтательности (*couleur du regard des femmes aux yeux noirs, couleurs des robes et des rubans d'une femme*) [Maulpoix 1992, с. 75]. *Черный* символизирует отсутствие вдохновения, пустоту (*rien*) и заточение (*enfermement*). *Красный, золотой, зеленый, белый* передают настроения и чувства. Например, *красный цвет* – это скорость, которую Жан-Мишель Мольпуа ассоциирует с работой сердца и пульсом; *белый* – это спокойствие и безмятежность снега. Есть еще трудно различимый цвет (*couleur indistincte*), который служит для описания смешанных чувств или еще бесцветного начала:

LA COULEUR DU POÈME

La couleur du poème dépend de la quantité de lumière
Qui se réverbère en son encre.
Elle change au gré de l'heure, de l'âge et de la langue.
Incolore au commencement, quand il n'est encore qu'une aspiration vague.
D'un blanc de page vide, il tend vers le gris en rêvant son encre
prochaine.
Aube indécise sur le papier. Tels brouillards ou fumées qui montent.
C'est pourtant vers le bleu qu'il s'enlève le plus souvent,
Accroissant son ciel et son eau, entrouvrant sur la page une vague idée d'azur.
Noir, si rien ne le tire hors de soi, prisonnier qu'il demeure des signes.
Rouge, quand il accélère, s'enfièvre, circule et bat.
Or d'étincelle ici et là en son ballet de feuilles mortes.
Vert en mai devant l'arbre, blanc de décembre sous la neige,
Mais d'une couleur indistincte quand s'y penche un visage aimé

Наиболее разнообразны и многочисленны коннотации с участием белого (*blanc*) и черного (*noir*), так как эти цветообозначения имеют лингвокультурологическое значение для французской культуры. Так, *черный* – это цвет мрака и зла (*le noir du mal, le noir du diable*); грусти (*chagrin noir*), сложного периода в жизни (*période noire*), неблагодарности (*noire ingratitude*); опасности (*point noir*) и сильных эмоций (*folie noire, colère noire*). Белый, как правило, – это идеальный цвет (*blanc-blanc, du blanc parfait*), символ добра и чистоты (*être blanc comme neige*), цвет божественного начала (*ange blanc*), нравственности (*blanche colombe*) и сильных переживаний (*colère blanche, peur blanche*). Данные коннотации, обладая высокой частотностью употребления, зафиксированы в словарях французского языка [Dictionnaire Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle 1975; Mollard-Desfour 2005]. Вместе с тем богатый ассоциативный потенциал цветообозначений *blanc* и *noir* позволяет поэтам, проецируя эти цвета на прототипические объекты действительности, создавать новые оттенки фокусных цветов с помощью метафорических переносов. Особенно часто авторы используют ассоциативные значения черного и белого цвета для создания лингвокультурологической оппозиции *плохой – хороший*. Черный в значении «мрак», «тьма», «страх», «некрасивость», «непристойность», «несчастье», «опасность», «сложный период в жизни», «грусть» противопоставляется *белому*, который

символизирует добро, чистоту, торжественность, божественное начало, нравственность, добродетель и женственность.

Так, Франсис Бриат (1950) с помощью бинарной оппозиции **черного и белого** описывает историю человеческой жизни: начало жизни – *une petite graine blanche*. Это семя развивается в утробе матери (*dans le noir*), жизнь младенца – молоко и белые простыни (*du lait qui nourrit le bébé, le drap qui le recouvre*), его сон – это ночь и темнота (*le noir de son sommeil*). Будни родителей – это утренний черный кофе и черно-белые фильмы. Жизнь представляется как шахматная доска (белые и черные фигуры). Она сравнивается с белой пеной волн, которые обрушиваются на черные скалы (*l'écume sur les vagues de crème qui s'échouent sur les rochers ébène*), с музыкой радостной и грустной (*la musique une noire une blanche*), с чернилами на белом листе бумаги (*l'encre qui sort du stylo sur la feuille*). Огорчения и разочарования ассоциируются с черной от туши слезой матери (*la larme chargée de rimmel*), но это не холодное оружие – *l'arme blanche* (игра слов *larme* – *l'arme*), которым угрожают во мраке. Скоротечность жизни – переход от белого цвета к черному: *mariage, naissance, enterrement – le blanc fini en noir*. Таким образом создается история: *ainsi va l'histoire*. Время представляется совокупностью *белого и черного*, которые, смешиваясь, образуют *серый*, символизирующий течение времени: *tout fini en gris*.

Le blanc et le noir

A l'origine

Une petite graine blanche se développe dans le noir

Puis du lait qui nourrit le bébé

Le drap qui le recouvre

Le noir de son sommeil

Pour les parents le café du réveil

La télé d'avant noir et blanc

Et oui le cinéma !

Comme le damier où se fréquentent

Roi, dame, cavalier

La larme chargée de rimmel

Sur la joue descend de l'œil maternel !

Ce n'est pas l'arme blanche

Que l'on plante dans le noir

Un soir d'orage et de brouillard.

La mer lâche l'écume sur les vagues de crème

Qui s'échouent sur les rochers ébène...
 C'est la musique une noire une blanche
 L'encre qui sort du stylo sur la feuille
 Le papier conservera les mots
 Et les phrases finiront en roman
 Mariage, naissance, enterrement
 Le blanc fini en noir.
 Ainsi va l'histoire
 De l'Afrique à l'Europe
 De la neige au pétrole
 De la farine au caviar
 Les cheveux blancs ou noirs
 Comme le poivre....
 La poussière est ce mélange
 Des deux comme c'est étrange ?
 Le jour, la nuit
 Puis c'est la fin et tout fini en gris

Таким образом, цветовой потенциал *белого* и *черного* передается посредством неосновных вероятностных сем, связанных с субъективным оцениванием действительности. В периферийных зонах образуются ассоциации, передающие новые смыслы, указывающие, не только на цвет, но на фактуру, форму и специфические отличительные черты предмета или явления. Так, цветовая семантика микрополя *blanc* представлена периферийными семами «белое семечко» (*graine blanche*), «молоко» (*lait*), «простынь» (*drap*), «холодное оружие» (*l'arme blanche*), «пена кремовых волн» (*l'écume sur les vagues de crème*), «лист бумаги» (*la feuille du papier*), «снег» (*la neige*), «рождение» (*naissance*), «Европа» (*l'Europe*), «мука» (*la farine*), «седые волосы» (*cheveux blancs*), «день» (*le jour*). Цветовая семантика микрополя *noir* представлена периферийными семами: «темнота сна» (*le noir de son sommeil*), «утренний кофе» (*le café du réveil*), «слеза цвета туши для ресниц» (*la larme chargée de rimmel*), «грозовой и туманный вечер» (*un soir d'orage et de brouillard*), «эбеновые скалы» (*les rochers ébène*), «чернила из ручки» (*l'encre qui sort du stylo*), «погребение» (*l'enterrement*), «Африка» (*l'Afrique*), «нефть» (*le pétrole*), «икра» (*le caviar*), «черные волосы», (*les cheveux noirs*), «ночь» (*la nuit*).

Цветовые образные средства многочисленны и разнообразны, ибо человеческое сознание способно по-разному воспринимать

окружающую действительность, а язык способен давать одному и тому же предмету или явлению названия, отражающие различные свойства. Используя богатый ассоциативный потенциал цветообозначений, поэты и писатели создают художественные образы, которые фиксируют психофизические стороны человека и передают собственное авторское мировосприятие. Появление новых оттенков происходит с помощью метафорических цветовых переносов посредством проекции основного цвета на предметы действительности. Исследование и осмысление художественных цветовых образов способствует пониманию стандартов французской духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблема семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 227 с.
- Степанов Ю. С.* Французская стилистика (в сравнении с русской). М. : Эдиториал УРСС, 2003. 359 с.
- Чернейко А. О.* Как рождается смысл. Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: учебное пособие по спецкурсу для студентов. М. : Гнозис, 2017. 208 с.
- Чертков Л. Ф.* Знаковая призма // Статьи по общей и пространственной семиотике. М. : Языка славянской культуры, 2014. 320 с.
- Maulpoix J-M.* Une histoire de bleu. Paris : Editions du Mercure de France, 1992. 114 с.
- Dictionnaire Trésor de la langue française du XIX et du XX siècle.* Paris, 1975.
- Mollard-Desfour A.* Dictionnaire de la couleur, mots et expressions d'aujourd'hui, XXe-XXIe siècle. Le Noir. P. : CNRS EDITIONS, 2005.
- Mollard-Desfour A.* Dictionnaire de la couleur, mots et expressions d'aujourd'hui, XXe-XXIe siècle. Le Blanc. P. : CNRS EDITIONS, 2008.
- Briatte F.* URL: poesie.webnet.fr/vospoemes/Poemes/francis_briatte/le_blanc_et_le_noir (дата обращения: 23.10.2018).
- Maulpoix J-M.* Emma aimait le bleu. URL: lyricstranslate.com/ru/jean-michel-maulpoix-emma-aimait-le-bleu-lyrics.html (дата обращения: 06.05.2019).
- Rimbaud A.* URL: lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/Soft/PhonoSemant/Arthur%20Rimbaud%20Voyelles.htm (дата обращения: 07.10.2018).

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка и лингвострановедения
Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена;
e-mail: clemence_isaure@rambler.ru

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕНЕТИКА ИНФЕРНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ (на материале произведений английской драмы XIV–XV веков)

В предлагаемом исследовании рассматривается аспект раскрытия взаимоотношений феноменов стиля, текста и дискурса, связуемых в единую модель посредством стиля. Особенности процесса генерации стиля изучаются на материале текстов драмы эпохи исхода периода «осени» Средневековья. Процесс стилепорождения протекает в меняющихся социальных и культурно-эстетических условиях, что находит отражение в появлении «мягкого стиля» феномена универсального характера, в двойственной природе которого сочетаются исчезающая куртуазная культура и культура европейского города, наиболее ярко воплощаемого в смеховой культуре карнавала, среде появления новых литературных жанров со своей национальной историей. Специфику британской островной драмы составляет амальгамация пришедших из Франции жанров мираклей и мистерий, порождающая жанр мираклей. Жанровое расширение произведений английской драмы происходит за счет возникновения жанра моралите, важное место в номенклатуре образов которого занимают inferнальные образы. Стилистическая генетика этой группы персонажей находится под одновременным влиянием преобразованных в карнавальной культуре древних ритуалов очищения и плодородия, переосмысленных в христианской культуре. Образы inferнального мира в произведениях драмы являют собой аналог карнавальных персонажей масок, что на вербальном уровне проявляется в особенности антропонимического пространства драматического произведения, представленный частным феноменом концентрации характера персонажа в способах его номинации. В речевых портретах персонажей находит отражение сложная ситуация полилингвизма (использование одновременно складывающегося национального, французского и латинского языков), как и наличия национальных стилистических традиций.

Ключевые слова: inferнальные образы; дискурс; карнавальная культура; текст; стиль.

Y. P. Vyshenskaya

PhD (Philology), Assoc. Professor, Department of English Language and British Studies, Institute of Foreign Languages, Herzen State University;
e-mail: clemence_isaure@rambler.ru

STYLISTIC GENETICS OF INFERNAL CHARACTERS (on the high medieval english drama material)

The paper deals with the matter of unfolding of the interrelationship between text enveloped by discourse, connected by means of style. Peculiar features of style generating process are analysed on the of English drama textual material dated back to the High Middle Ages period. The very process takes place under non-stable social and cultural- esthetic conditions, the fact reflected by the universal character of the «soft style» phenomenon. Its double nature combines disappearing chivalry as well as burgher cultures which reaches its utmost degree in the phenomenon of carnival culture. It's the carnival environment that causes developing of new literary genres, the evolution of which differs from one European country to another. Specific features of British drama are manifested in the amalgamating process of *miraculum* and *misterium* genres' borrowed from French literary culture, resulted in the appearing of the English genre *miraculum*, contamination of the two genres mentioned. The moral-play genre developing contributes to the genre domain expanding, the infernal characters dominating. Stylistic genetics of the group is under the influence of ancient rituals of purifying and fertility transformed within the scope of carnival culture and reconsidered within the limits of Christian culture. The type of dramatic personages are analogues to carnival personages, that fact is observed in specifically arranged anthroponomical space of a piece of drama, a particular case of which is represented by character concentration in the ways of its nomination. Speech portraits of the characters reflect a complicated situation of pollinguism, id est, the circulation of English, French and Latin, simultaneously as well as existing of national stylistic traditions.

Key words: carnival culture; discourse; infernal characters; carnival word-vision; text; style.

Генетическое родство «объемного историзма», одного из ключевых понятий исторической стилистики, и положений современной теории дискурса иллюстрирует преемственность в эволюционном процессе гуманитарного знания, как и выстраивания единой теоретико-исследовательской базы в эпоху интеграции наук.

Точкой соприкосновения понятий «объемного историзма» и «дискурса», можно считать включаемые в комплекс их составляющих идеологические представления доминанты в социуме определенного этапа развития.

Текст, погруженный в дискурс, связывается с ним посредством стиля (модусом формулирования), направление процесса формирования которого во многом определяет отмеченный тип представлений.

В рамках предлагаемого исследования понимание стиля ограничивается стилем произведения в своей художественной модификации эпохи смены европейского средневековья Возрождением.

В качестве текстового материала используются тексты английской драмы, стилю которых присущи признаки «мягкого стиля», феномена, характеризующего культурной масштабностью и многомерностью, что находит проявление во всех сферах европейского искусства рассматриваемого периода.

Характерную черту «мягкого стиля» составляет двойственность его природы, иными словами причастности одновременно к рафинированной куртуазной культуре феодального рыцарства и крепнущей городской карнавальной культуре европейских городов. Таким образом обуславливается необходимость использования сочетания синхронного и диахронического подходов в исследовании иллюстративного материала текстов драматических произведений, при этом соотношение указанных подходов, как указывает В.П. Григорьев, отличает высокая степень дисгармонии [Григорьев 1975, с. 66].

Фокус синхронически направленных исследований разножанровых пьес, в отличие от имеющихся исследований в области поэзии и прозы, концентрируется на изучении не их языковой основы, а звуковой стороне реализации высказывания, поэтому язык драмы воспринимается в качестве аналога живой речи, а не художественным образом организованной речи.

В многообразии важных аспектов сценической речи в истории литературного языка особую значимость обретает ее «общая антириторическая направленность», в основу которой положен «общий принцип естественности в искусстве, в противовес условности и манерности» [De Sanctis 1962 с. 796].

Проявление действия этого принципа наблюдается в комбинации «книжно-риторического стиля с богатством народно-разговорных интонаций, что дает возможность передать неоднородность и неоднозначность чувств и переживаний и размышлений действующих лиц, динамику их внутренней жизни» [Османова 1982, с. 13].

Сфера диахронии включает исследования по изучению феномена уникальности театрального текста, результата взаимодействия звучащей речи с «искусством игры и искусством слова», чем обусловлена необходимость учитывать «различие в пропорциях игрового и словесного моментов» [Григорьев 1975, с. 66].

Обращение к культурному контексту дает возможность выявить и осознать своеобразие эволюции европейской драмы на английском материале, и одновременно прояснить вопрос стиливого развития театра.

Театральность, присущая средневековой культуре в целом, проявляется в близости драматургической области отдельных средневековых профессий и целых сословий. Опосредованный характер этой связи предполагает отсутствие объединяющих звеньев с собственно театром в сочетании с неотъемлемостью их существования от квазидраматических форм жизнеповедения и этикета (например, рыцарство) [Андреев 1989, с. 166].

Средневековая драма возникает в среде церковных обрядов, впоследствии «органически отторгаясь от церкви», покинув собор, драма приближается к его ограде и выходит затем на городскую площадь [Алексеев 1984, с. 321].

XIV–XV вв. – один из завершающих этапов развития драмы, что тематически соответствует сюжетному заимствованию из жития святых.

Адаптация вышеназванных сюжетов в истории английской драмы являет собой очередной виток заимствований из континентальной французской культуры. После пересечения Ла Манша аутентичные французские термины *miracula* (миракль), обозначающие пьесы о чудесах, творимых святыми, и *misterium* (церковная служба), используемые для обозначения литературной драмы, в Англии контаминируются, чем порождается жанр *miracle-play* (миракль), которым стали обозначать оба вида пьес [Алексеев 1984, с. 322].

Одновременно с мистериями и мираклями на английских театральных подмостках XIV–XV вв. развивается особый драматический жанр, обозначаемый термином «moral-play» (*моралите*) («нравственное действо»), представление аллегорического характера, дидактической направленности.

Номенклатура образов этого жанра, как известно, включает абстракции, прежде всего пороки, добродетели; в качестве разновидности на сцену могли выводить фигуры человека, человеческого рода в целом или людей разных возрастов, которые также представляют собой абстракции.

Сюжет жанра концентрируется вокруг борьбы добродетелей и пороков, воплощаемых в разных образах, за человеческую душу или, как альтернативный вариант, за «вечные нравственные истины», победу в которой одерживают добродетели.

Значение моралите для эволюционного движения драмы в том, что благодаря появлению этого жанра, как отмечает академик М. П. Алексеев, «открывается дорога обсуждению в драме чисто человеческих дел» и житейских принципов поведения. В номенклатуру действующих лиц вводятся персонажи, ранее не известных церковному преданию, хотя и на первых порах «в отвлеченно аллегорических образах». Творческое текстовое наследие весьма разнообразно по своим художественным достоинствам и включает «пьесы однообразного, строго религиозного характера и настоящие драмы, полные реалистических деталей, гротесков и даже довольно грубого шутовства» [Алексеев 1984, с. 334].

В XV в. моралите получает статус жанра, пользующегося особой любовью зрителя, и как следствие, начинает воздействовать на жанр «мистерий» и «мираклей», что находит отражение в проникновении в образную систему таких персонажей, как Чувственность, Плоть, Любопытство, удлиняя тем самым список характерных воплощений, ограничиваемый ранее образами семи Смертных грехов.

Тем, очевидно, вызвана популярность сюжета «Пляски Смерти», более известного в графической версии, представленной серией гравюр Х. Гольбейна. Согласно распространенному мотиву, в доме неожиданно появляется Смерть. Мерсу (Милосердие) и Реасе (Мир) умоляют о спасении человека, в то время как Prudence (Справедливость) и Truth (Истина) вызывают о его вечном наказании [Vaugh 1948, с. 284].

Данный сюжет возникает в результате взаимосвязи и взаимодействия со средневековым карнавалом, одной из сфер бытования «мягко-стилевого начала».

«Пляска Смерти» – реликт древних ритуалов очищения и плодородия. Очищение тождественно избавлению от зла, которое «скопилось за астрономический период», что обуславливает набор «карнавальных масок и сатирический характер карнавальных обычаев», с одной стороны, с другой – «трагикомическое начало всего феномена карнавала в целом» [Андреев 1989, с. 49].

Взаимосвязь пляски Смерти с древними ритуалами проявляется в соотношении карнавальных масок с инфернальными образами демонов и душами предков, сопровождающими чучело Карнавала к эшафоту [Андреев 1989, с. 49].

Редкая театральная постановка обходилась без их участия, что свидетельствует об их важности в карнавальной образной номенклатуре [Никулин 1999, с. 11]. Центральное положение в номенклатуре образов средневекового театра занимает неоднозначная фигура чёрта, воплощения inferнального начала. Привнесение в этот образ иных специфических особенностей превращает его в комический персонаж, который впоследствии трансформируется в фигуру шута. Тем самым чёрт выступает выразителем начала комического, чем обуславливается его роль транслятора народного юмора, что находит соответствующее выражение в используемых выразительных средствах и стилистических приемах, задействованных в «лепке» этого образа.

Для анализа модуса формулирования текста моралите необходимо учитывать следующие выделенные для текста Л. А. Новиковым характеристики: конкретно-исторический подход к толкованию литературного произведения, разграничение в тексте фактов нормативных, свойственных современному употреблению, и различных отклонений от нормы (устарелые слова, значения, формы, индивидуальные авторские употребления и т.п.). При этом объём значения поэтического языка включает понимание его как особой формы постижения действительности, особой формы создания художественного обобщения [Новиков 2007, с. 21].

В основу построения inferнальных образов положен принцип *à l'envers* (колеса), полагаемый краеугольным принципом существования карнавальной культуры.

Действие принципа *à l'envers* (колеса) способствует появлению внутри карнавальной культуры будничного и праздничного (антиповедения) типов поведения, которые согласно воспринимаются как две одинаковые тождественные фигуры [Реутин 1994, с. 11].

Литературной сферой бытования антиповедения являются карнавализованные жанры, представленные, в частности, жанром пародии. Характерная черта средневековой пародии заключается в отсутствии у нее конкретного содержания, что порождает необходимость для нее «инокультурного мифа и инокультурного текста», благодаря которым становится возможным ее переход из потенциального состояния в реальное, из абстрактного в конкретное.

Ареал поисков необходимого для этого перехода речевого субстрата не ограничивается контекстом иной культуры, но расширяется в приграничную зону, образуемую местными инокультурными

традициями (еретическими, клерикальными, куртуазными), что находит место в пирамиде выразительных средств и стилистических приемов [Реутин 1994, с. 37].

Яркий иллюстративный материал предоставляет текст анализируемой ниже пьесы «Mankind» («Человечество», 1475 г.), образца пьесы последующего, более совершенного этапа развития драмы, персонажи которой наделены более индивидуализированными чертами [Алексеев 1984, с. 336].

Фонетический стилистический ярус демонстрирует пародийную экспансию в англо-саксонские поэтические традиции, путем обращения, в частности, к излюбленному в англосаксонской версификации приему аллитерации, придающему устойчивость всему поэтическому текстовому целому.

В ономастическом сегменте использованием аллитерации создается аллюзия на древнюю традицию номинации, согласно которой представителям одного клана или рода давали аллитерирующиеся имена. В силу действия принципа *à l'envers* (колеса) возникает иллюзия родства противоборствующих персонажей, что находит дальнейшее подтверждение по мере развития действия пьесы.

Mercy: Ther ys non such foode be water nor by londe,
So precyouse, so gloryouse, so nedefull to owur entent;
For yt hath dyssolyude mankynde from þe bittur bonde
Of þe mortall enmye, þat vemynousse serpente,
From þe wyche, Gode preserue yow all at þe last Iugement!
For sekyrly þer xall be a sterat examynacyon;
The corn xall sauynde, þe chaffe xall be brente:
I be-sech yow hertily, haue þis premedytacyon [Mankind 1924, с. 4].

Здесь, в этой стране нет пищи, нет воды
Столь ценной, столь чистой, столь нам необходимой.
Поскольку это отторгло человечество от этой горькой участи
Смертного врага, ядовитого змея,
от которого Всевышний убережет тебя на Страшном Суде!
Никому не избежать строгого допроса
Хлеб будет спасен, путы сожжены
Я прошу тебя искренне внять этому предостережению)¹.

¹ Зд. и далее перевод наш. – Ю. В.

Приведенный текстовый фрагмент по своей структуре имеет много общего с текстом молитвы и выстроен с соблюдением всех правил риторического искусства: равностопные строчки, размеренный ритм.

В приведенном фрагменте содержится ряд аллюзий на Священное Писание: *Of þe mortall enmye, þat vemynousse serpente, From þe wyche, Gode preserue yow all at þe last Iugement.*

Ответная реплика Mescheffe яркий пример пародии: те же слова, которые можно рассматривать как «горячие» для христианской культуры (термин О. А. Смирницкой), аранжированы согласно принципу *à l'envers*.

Mescheffe [who now enters]. I be-seche yow hertyly, leue yowur calcacyon;

leue yowur chaffe, leue yowur corn, leue yowur dalacyon!

Yowur wytt ys lytyll, yowur hede mekyll, ge are full of predycacyon.

But, ser, I prey [yow] þis question to claryfye:

Dryff-draff, mysse-masche;

Sume was corn, and sume was chaffe;

My dame seyde my name was Raffe

[Mankind 1924, c. 4].

Я искренне молю тебя отпусти свои сети, оставь свой хлеб,
перестань бездействовать!

Ум твой убогий, ты глуп, и голова полна предрассудков.

Но я прошу тебя, сэр, объяснить всё это

Хаос! Беспорядок!

Мало было хлеба, мало было пут.

Аллитерация в данном фрагменте представлена примерами аллитерации слов, лишенных какого-либо смысла, что являет собой характерную черту английского фольклора: *dryff-draff, mysse-masche*, иными словами, еще один пример взаимодействия с древними версификационными традициями.

В данном текстовом фрагменте наблюдается также расширение набора используемых фонетических выразительных приемов и стилистических средств, прежде всего, ритмики и рифмы.

Под воздействием принципа *à l'envers* стихотворный ритм теряет размеренность с утратой строфой равностопности, что позволяет в целом рассматривать реплику персонажа как пример доггереля, в широком смысле плохого стиха. Неравностопность доггереля, сфера

существования которого ограничивается шуточными карнавализованными жанрами, как известно «выравнивается» посредством добавления так называемых хвостовых рифм (*rime souée*).

Следует отметить, что самая реплика – структурно идентична завершающей строке молитвы Мерсу, что показательно и получает дальнейшее развитие в использовании антонимов ко всем глаголам в его молитве: *haue laue*.

Принцип аллитерации положен также в основу номинации inferнальных персонажей *New-Gyse, Now-a-Days, Naught*.

Небезынтересно отметить своеобразное преломление в анализируемой поэме ситуации полилингвизма, типичной для средневековой Европы, одним из языков, которому отводилась позиция константы, была латынь, вторым – язык чуждой культуры-завоевателя, представленный в Англии англо-норманнским диалектом французского языка, и нарождающийся национальный язык.

Так, первая реплика беса по имени Titivillus (Титивилус), представляет собой сочетание церковной латыни и английского языка. Согласно средневековым легендам, это inferнальное существо всячески мешает монахам исполнять свои обязанности переписчиков в монастырских скрипториях, что требовало от них предельной внимательности и сосредоточенности.

Titivillus [enters, drest lake a devil, and with a net in his hand].

Ego sum dominancium dominus, and my name ys Titivillus [Mankind 1924, c. 18].

Титивилус [входит в костюме дьявола, в руках у него сеть]. Я господин господ по имени Титивилус.

Появление персонажа на сцене сопровождается репликой, в которой он, подобно хору в античной трагедии, дает себе характеристику. Реплика открывается словами на латыни *Ego sum dominancium dominus*, которую можно трактовать и как аллюзию на библейский текст. С исключительно стилистической точки зрения представляет интерес фонетическое оформление фразы: латинские слова и слова германского происхождения подобраны по принципу аллитерации, что позволяет рассматривать данный пример как поглощение национальной стилистической традицией иноязычного материала, принадлежащего к иной жанрово-стилистической сфере. При этом аллитерируются звуки не только внутри каждой языковой группы

слов: *sum – dominancium – dominus*, но также и перекрестно: *sum – dominancium – dominus – name*. Аллитерация согласных в срифмованных *dominus – Titivillus* превращает их в своего рода синонимы.

Применение модели «текст – стиль – дискурс» для изучения стилистических генетики номенклатуры образных единиц в текстах национальной английской драмы периода Высокого Средневековья позволяет рассмотреть данную группу проблем объёмно и многомерно на фоне глобальных изменений, имевшие место в европейской культурно-эстетической среде эпохи смены средневековья Возрождением. В процессе стилепорождения эти перемены находят отклик в возникновении феномена «мягкого стиля», об универсальности характера которого свидетельствуют следы наличия его во всех сферах искусства анализируемой эпохи. Характерную особенность этого явления составляет двойственность природы, следствие социально-идеологических изменений, сопутствующих его появлению как взаимодействия умирающей культуры куртуазного средневекового рыцарства и исполненной энергии и силы карнавальной культуры переживающего этап бурного развития европейского города. В области развития литературы данный тип взаимодействия порождает жанровую экспансию, отмеченную этнической печатью. Ее островное своеобразие заключается в контаминации жанров мираклей и мистерий в единый качественно новый жанр с одновременным развитием жанра моралите, возникающего в недрах карнавальной культуры. Номенклатура образов этого жанра складывается в русле эволюции языческих ритуалов очищения и плодородия, преобразуемых культурой карнавала и переосмысливаемых христианской культурой. Процесс формирования языковой основы стиля произведений драмы отражает также ситуацию полилингвизма, сложившуюся в Англии, аранжировка языкового материала, превращение языка живого в язык художественно организованный в текстах пьес моралите происходит не согласно правилам средневековой риторики, а вопреки им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М. П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М. : Высшая школа, 1984. 351 с.
- Андреев М. Л. Средневековая европейская драма: происхождение и становление (X–XIII вв.). М. : Искусство, 1989. 215 с.

- Григорьев В. П.* Становление языка испанской национальной литературы. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. 87 с.
- Никулин Н. Н.* Золотой век нидерландской живописи XV в. М. : АСТ, 1999. 288 с.
- Новиков Л. А.* Художественный текст и его анализ. М. : ЛКИ, 2007. 207 с.
- Османова А. Г.* Поэтика «Селестины» Фенандо де Рохаса: автореф. ... канд. фил. наук. М., 1982. 22 с.
- Реутин М. Ю.* Игры об Антихристе в Южной Германии. Средневековая пародия. М. : РГГУ, 1994. 40 с.
- Baugh A.* Literary History of England. N. Y. ; London : Appleton-Century Crofts, Inc., 1967. 1604 p. [+ xxx] p.
- De Sanctis Fr.* Storia della letteratura italiana. Milano : Feltrinelli, 1967. 923 p.
- Mankind // The Macro Plays.* London : Oxford University Press, 1924. P. 100–218.

Е. А. Глазова

кандидат филологических наук
доцент кафедры французского языка и культуры
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: a-lionne@mail.ru

**ПРОПАГАНДА В ИНТЕРНЕТЕ
НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ»
ВО ФРАНЦИИ**

В данной статье будет рассмотрена реакция Интернета на современное протестное движение во Франции. В настоящее время, когда любая информация давно признана товаром, оружием, стратегией, постоянно идут поиски ее подачи для получения наибольшего эффекта. Одним из современных приемов является интернет-мем. Мемы – это единицы культурной информации, которые передаются от человека к человеку, осознанно или неосознанно, и таким образом «множатся». Выделяют два типа мемов: мемы-мотиваторы и мемы-демотиваторы. Эмоциональность мемов может быть вызвана двумя способами: изображением и текстом. Нередко изображения, которые должны вызвать чувства, сами выражают какую-либо эмоцию. Изображения, направленные на выражение эмоциональности, чаще всего используют какую-либо понятную символику. Протестное движение «желтые жилеты» может быть отнесено к коллективной абстрактной идее и само по себе является мемом. Интернет-пропаганда очень чутко реагирует на меняющуюся ситуацию в обществе. Каждые новые события, касающиеся движения «желтых жилетов», провоцировали появление новых мемов в Интернете. Образ француза в интернет-мемах неоднозначен. Его выбор зависит от цели сообщения. Тем не менее этот образ тоже всегда символичен и должен вызывать культурологические ассоциации.

Ключевые слова: интернет-мем; протестное движение; символика Франции; президент Франции; эмоциональность.

Е. А. Glazova

PhD (Philology), Associate Professor
Department of French language and culture,
Faculty of Faculty of Foreign Languages and Area
Studies Lomonosov Moscow State University;
e-mail: a-lionne@mail.ru

PROPAGANDA ON THE INTERNET ON THE EXAMPLE OF THE “YELLOW VESTS” MOVEMENT IN FRANCE

This article will consider the reaction of the Internet to the modern protest movement in France. Currently, when any information has long been recognized as a product, arms, strategy, everyone is constantly looking for its supply to obtain the best effect. One of the modern techniques is an Internet meme. Memes are units of cultural information that are passed from person to person, consciously or unconsciously, and thus “multiply.” There are two types of memes: memes-motivators and memes-demotivators. Meme-semotionality can be caused in two ways: image and text. Often images that should excite feelings themselves, express any emotion. Image that expresses emotion, often use any clear symbols. The protest movement “Yellow Vests” can be attributed to the collective abstract idea and in itself is a meme. Internet propaganda is very sensitive to the changing situation in society. Every new event related to the movement of “Yellow Vests”, provoked the emergence of new memes on the Internet. The image of the Frenchman in Internet memes is ambiguous. Its choice depends on the purpose of the message. However, this image is also always symbolic and should cause cultural associations.

Key words: Internet meme; protest movement; symbolism of France; President of France; emotionality.

В данной статье будет рассмотрена реакция Интернета на современное протестное движение во Франции, получившее название «желтые жилеты» – «Gilets Jaunes». Источником исследования являются посты-плакаты из социальной сети *Facebook*.

Протесты начались во Франции осенью 2018 г. Конкретным поводом недовольства общества послужил рост налогов, особенно налога на топливо – внутреннего налога на энергетическую продукцию. Желтый жилет – это предмет, который обязательно есть в каждой машине. Люди в желтых жилетах выходят на улицы, блокируя движение основных магистралей. Планировалось также проводить каждую субботу митинги протеста.

В настоящее время, когда любая информация давно признана товаром, оружием, стратегией, постоянно идут поиски ее подачи для получения наибольшего эффекта. Одним из современных приемов является интернет-мем. Теория мемов была впервые предложена Р. Докинзом [Dawkins 1976]. Мемы – это единицы культурной информации, которые передаются от человека к человеку, осознанно или неосознанно, и таким образом «множатся». Французский исследователь П. Жукстель выделяет четыре типа мемов: индивидуальная абстрактная идея; правило поведения; коллективная абстрактная идея; символ, догма,

идеология; индивидуальный конкретный объект: электрохимическая нейронная схема; коллективный конкретный объект: культурная черта [Jouxtel 2005].

Относительно политической коммуникации Г. Г. Молчанова выделяет два типа мемов: мемы-мотиваторы и мемы-демотиваторы [Молчанова 2017, с. 9]. Кажется логичным, применить эту терминологию не только относительно выборов, но и других политических и социальных явлений.

Идеология движения «желтые жилеты» – этой коллективной абстрактной идеи – была выдвинута в социальных сетях в середине октября 2018 г. Можно отметить, что именно Интернет стал отправной точкой и местом активного развития этого социополитического протеста. Благодаря технологии вирусного маркетинга, интернет-слоганы становились мемами. Один и тот же плакат мог появляться в аккаунтах пользователей в разное время. По этой причине для некоторых мемов трудно установить точный момент их появления.

Интернет-мемы очень часто апеллируют к эмоциональному контексту. По определению философского словаря, эмоция может быть двоякой. Во-первых, эмоция – это шок от какой-либо неожиданной ситуации, который не дает реагировать и парализует. Во-вторых, эмоция, наоборот, связана со стабильным чувством, которое не так уж иррационально, и предполагает активное действие [Laphilosophiede 2011, с. 140]. Именно второе определение эмоции и актуально для интернет-мемов, задача которых – затронуть чувства наибольшего количества людей и подтолкнуть их к действиям.

Эмоциональность мемов может быть вызвана двумя способами: изображением и текстом. Нередко изображения, которые должны возбудить чувства, сами выражают какую-либо эмоцию. Изображения, направленные на выражение эмоциональности, чаще всего используют какую-либо понятную символику. Одним из первых таких символов стал поднятый вверх желтый кулак с французским флагом на запястье. Текст этого плаката достаточно лаконичен: «Поддержим желтые жилеты на улицах Франции». Лозунг, как видно, рационален. А желтый кулак – это то, что выражает причину, почему люди должны выходить на манифестации. Для того чтобы понять коннотацию этого символа, необходимы некоторые знания культуры [Barthes 1964, с. 41]. Поднятый вверх сжатый кулак как символ борьбы пришел во Францию из Германии, где он был символом противостояния фашизму. Вероятно,

на современном французском плакате сжатый кулак – это всё же образ борьбы. Хотя сравнение президента Макрона с Гитлером прослеживается и в других плакатах.

Следующим понятным французам символом, который активно обыгрывался в интернет-мемах, стал петух. Галльский петух – одна из эмблем Франции. На плакатах он может просто появляться в желтом жилете над призывным текстом. Но может быть и главным героем плаката. Например, на одном интернет-меме ошипанный петух обращается к публике: «Как?! Ты никогда не видел француза, заплатившего все налоги?». Петух в данном случае должен символизировать француза, обобранного до нитки.

Еще одним эмблематическим изображением, которое активно использовалось в интернет-мемах, стала Марианна – женский образ, символизирующий Французскую Республику. В интернет-мемах образ Марианны обычно сопровождался какими-нибудь словами из Марсельезы, национального гимна Франции. Стоит напомнить, что этот марш был сочинен в момент объявления войны Австрии. Он стал военно-революционным гимном свободе. И, что важно, он призывает к всеобщей мобилизации и борьбе против тирании. Подобные настроения соответствуют общему характеру движения «желтых жилетов». Таким образом, в меме о всемирном участии в протестах «желтых жилетов» появляется образ Марианны со словами: «желтые жилеты. Против тирании». «Мы против тирании», – это слова из Марсельезы.

Нужно отметить, что интернет-мемы, обращаясь к культурному пласту знаний французов, выбирают не только эмблемы, но и исторические события. Очевидно, что знаковым событием для протестного движения во Франции, была, прежде всего, Французская революция 1789 года. Однако еще одним, и даже более важным явлением в современной истории стали для французов волнения мая 1968 г. Студенческие протесты тогда вылились в 10-миллионную забастовку, что привело не только к смене правительства, но и к кардинальным изменениям социальной, экономической и культурной жизни в стране. И революция 1789 г., и май 1968 г. будят во французе чувство собственной гражданской значимости и, следовательно, сильный эмоциональный подъем. В некоторых мемах эти события объединены. Например, плакат разделен на три части. Наверху – дата: 1798 г. и изображение горящего Парижа и вооруженных революционеров. Посередине – дата: 1968 год и фотографии баррикад и манифестации. Внизу – дата: 2018 год и фотография машины, которая едет по полям,

а на передней панели лежит желтый жилет. На каждой части текст: «Недовольны». Существует также серия фотографий событий 1968 г. с призывами помнить и следовать примеру предков.

Стереотипный образ француза тоже возникает в интернет-мемах. Самый растиражированный облик француза: мужчина в берете, в полосатой футболке с багетом в одной руке и с бутылкой – в другой. На футболке изображен голубь. По щеке у мужчины катится слеза, подчеркивая его трагическую ситуацию. Мужчина говорит: «Я француз. Я зарабатываю 1149,07 евро в месяц». Дальше идет точный подсчет, сколько он платит за квартиру, бензин, электричество, газ, страховку и т. д. «На еду мне остается 2,07 евро, – заключает мужчина, – я работаю, чтобы выживать. Я голубь».

Не везде, однако, француз изображается как несчастный, слабый человек. Есть, например, карикатура, основанная на самых известных комиксах о галлах, которые противостоят Юлию Цезарю. Он стремится их завоевать, но ему это не удастся, так как у галлов есть волшебное зелье, делающее их непобедимыми. Самый сильный и одновременно наивный герой этих комиксов – Обеликс. В одном из интернет-мемов Обеликс выступает как средне-статистический француз. Он одет в желтый жилет. Напротив него стоит министр внутренних дел Франции, Кристоф Кастанер, в образе Юлия Цезаря. Лексика обоих относится к сниженному стилю речи. Министр говорит о реакции правительства на движение «желтых жилетов»: «Я вас услышал, но мне наплевать». «Молчание – лучший ответ», – говорит француз и бьет министра-Цезаря так, что того разрывает пополам.

Обычно, когда в интернет-меме используется изображение какого-либо члена правительства или президента, эмоциональность текста достигает высшего градуса. Хотя, нужно отметить, что и картинка в подобных плакатах тоже призвана будить чувства. Одним из главных требований протестующих стала отставка правительства и уход со своего поста Э. Макрона. Таким образом, можно сказать, что мемы, основанные на данной тематике, являются мемами-демотиваторами. Они часто являются реакцией на слова политиков. Нужно отметить, что каждая реакция правительства или новые события, касающиеся движения «желтых жилетов», провоцировали появление новых мемов в Интернете.

Так, в декабре Э. Филипп, премьер-министр Франции, предложил наложить мораторий на повышение цен на топливо на 6 месяцев

[Сайт правительства Французской Республики]. Тут же в Интернете началась новая пропаганда. Например, фотография Э.Макрона и Э. Филиппа на фоне стада овец, одетых в желтые жилеты. Э.Макрон говорит: «Хорошо сыграно, 6 месяцев для желтых жилетов. Нас оставят в покое до больших каникул». На что Э.Филипп отвечает: «Это известно. Летом бараны молча позволяют себя стричь. Это гораздо проще». Стадо овец или баранов ассоциируется во французском обществе с народом в глазах правительства. Народом, глупым и легко управляемым. Ясно, что такое обращение должно вызвать раздражение и возмущение в обществе.

Э.Макрона часто сравнивают с Гитлером или Терминатором (уничтожителем). Так в сетях был распространен плакат, где нынешний президент Франции изображен на фоне французского флага, забрызганного кровью, и флага с фашистской свастикой. Под ним находится книга «Mein Kampf» с портретом Гитлера. Текст плаката гласит: «Уничтожитель бедных. Позор Франции». Для Франции любой намек на нацизм является очень болезненным. Э.Макрон вынужден был отказаться от очень удачного лозунга своей предвыборной кампании из-за неприятных и неожиданных ассоциаций с про-нацистским режимом Виши.

Самой запоминающейся фразой Э.Макрона за всё время, что он находится у власти, стало обращение к безработному в сентябре 2018 г.: «Мне достаточно перейти улицу, и я Вам найду работу» [Сайт медиа-ресурса Le Figaro 2018]. За эту фразу президента критиковали многие, как за издевательство над человеком в трудной ситуации. Но фраза стала мемом. Даже в феврале 2019 г. премьер-министр Э.Филипп, подчеркивая свое отличие от Э.Макрона, припомнил это выражение и заявил, что он «всегда внимательно подбирает слова» [Сайт медиаресурса Le Journal du Dimanche 2019]. Безусловно, на просторах социальных сетей эта оплошность была растиражирована. Например, существует очень яркий мем-демотиватор о том, как Э.Макрон пришел в больницу предлагать свой план по переустройству. На кровати под капельницами лежит старик. Президент ему говорит: «Вам стоит только перейти улицу, и Вы больше не будете страдать». Он показывает рукой на окно, за которым находится кладбище. Несомненно, подобный черный юмор подчеркнул неуважение к президенту и сомнения в его компетентности.

Главной реакцией президента на движение «желтых жилетов» стало предложение Больших национальных дебатов в декабре 2018 г.

А в январе он написал открытое Письмо французам. В этом письме Э.Макрон раскрывал свою программу: о чем он хочет говорить на дебатах [Сайт Президента Французской Республики]. Разумеется, он заявлял о проблемах в обществе, но выражение «желтые жилеты» не было упомянуто. Неудивительно, что интернет-сообщество отреагировало серией негативных плакатов о проводимых дебатах. «Большие национальные дебаты – большая национальная манипуляция», – гласит очередной интернет-мем. На плакате изображен улыбающийся Макрон, а в зале опять находится стадо баранов. Здесь и изображение, и текст подчеркивают недоверие к власти.

Выводы

- Протестное движение «желтые жилеты» может быть отнесено к коллективной абстрактной идее и само по себе является мемом.
- Интернет-пропаганда очень чутко реагирует на меняющуюся обстановку в обществе. Каждые новые события, касающиеся движения «желтых жилетов», провоцировали появление новых мемов в Интернете.
- Эмоциональные мемы можно разделить на два вида: эмоция, вызванная изображением, и эмоция, вызванная текстом (и изображением).
- Изображения, которые должны возбуждать чувства, часто используют символику, подразумевающую некоторый культурный пласт знаний данного общества. По этой причине интернет-пропаганда «желтых жилетов» прибегала к знакомым всем французам эмблемам: галльский петух, Марианна, Марсельеза, а также проводила ассоциации между современным протестным движением и знаковыми историческими событиями: Французской революцией 1789 г. и майскими волнениями 1968 г.
- Образ француза в интернет-мемах неоднозначен. Его выбор зависит от цели сообщения. Тем не менее этот образ тоже всегда символичен и должен вызывать культурологические ассоциации.
- Изображение в интернет-мемах государственных лидеров и правительства предстает в виде критики. Эмоциональность при этом передается и картинкой, и текстом. Подобные мемы являются мемами-демотиваторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Молчанова Г. Г.* Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.
- Barthes R.* Rhétorique de l'image // Communications. Recherches Sémiologiques. 1964. № 4. P. 40–51.
- Dawkins R.* The selfish gene. New York, 1976.
- Jouxte P.* Comment les systèmes pondent. Paris, 2005.
- La philosophie de A à Z. Sous la direction de Hansen-Love L. Paris, 2011.
- Сайт медиаресурса Le Journal du Dimanche. URL: www.lejdd.fr/Politique/traverser-la-rue-edouard-philippe-marque-sa-difference-avec-emmanuel-macron-3857525 (дата обращения 17.02.19.)
- Сайт медиа ресурса Le Figaro. URL: www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/++09/16/25001-20180916ARTFIG00043-macron-a-un-jeune-chomeur-je-traverse-la-rue-je-vous-trouve-du-travail.php (дата обращения 17.02.19.)
- Сайт правительства Французской Республики. URL: www.gouvernement.fr/partage/10768-le-premier-ministre-annonce-un-moratoire-sur-la-hausse-des-taxes-des-carburants (дата обращения 17.02.19.)
- Сайт Президента Французской Республики. URL: www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/01/13/lettre-aux-francais (дата обращения 17.02.19.)

кандидат педагогических наук
доцент кафедры теории и практики перевода
Института филологии и истории Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ)
e-mail: allahanafievna@gmail.com

ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ФОРМАТЕ ГИПЕРТЕКСТА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В публикации рассмотрены принципы лингвистической обработки научных текстов гуманитарной тематики с целью перевода, представлена методика работы с корпусом текстов, применяемая на практических занятиях по дисциплине «Информатика и информационные технологии в лингвистике» («ИиИТЛ»). Проанализирована технология структурирования иноязычного гипертекста посредством контекстуального анализа (КА), являющегося одним из методов лингвостилистического анализа. В формате дисциплины «ИиИТЛ» явления КА выступают научные тексты на ИЯ, а их индивидуальными величинами является области научного знания и исторические периоды по хронологии историко-научной парадигмы. В работе представлена когнитивная модель перевода, прокомментированы сами понятия *гипертекст* и *гипертекст* как технология обработки текстового корпуса посредством контекстуального анализа. Гипертекстовая организация крупных массивов информации позволяет извлекать из них сведения, которые специально не закладываются при их создании, а различные методы лингвостилистического анализа стандартизируют и ускоряют данный вид деятельности. Проанализирован терминологический аппарат, используемый в лингвистике и переводоведении в контексте интерредактирования гипертекстового формата. Приведена методическая концепция магистерской дисциплины, основанная на изучении и обработке материалов цифровых образовательных ресурсов посредством электронных систем переводчика, а также на анализе, комментировании, реферировании и обобщении результатов научных исследований с использованием современных отечественных и зарубежных методик и методологий. Рассмотрена методика переводческого чтения научных текстов гуманитарной тематики посредством КА, приведены основные характеристики корпуса спецтекстов. Предлагаемая методика формирует навыки работы переводчика с применением технологии интерредактирования текста в процессе чтения оригинала и является одним из способов актуализации знаний о выборе стратегии, видах и способах перевода научных текстов.

Ключевые слова: контекстуальный анализ; контекстуальные признаки; корпус текстов; гипертекст; научный текст гуманитарной тематики; информационная среда; иностранный язык; лингвистическая обработка.

A. H. Guseva

PhD (Philology), Associate Professor
Department of theory and translation practice (IPHH)
Russian State University for the Humanities (RGGU)
e-mail: allahanafievna@gmail.com

PRINCIPLES FOR CONDUCTING CONTEXTICAL ANALYSIS IN THE FORMAT OF HIPERTEXT IN FRENCH LANGUAGE

The publication discusses the principles of linguistic processing of scientific texts of humanitarian subjects with the purpose of translation, presents the methods of working with the corpus of texts, applied in practical classes on the subject «Informatics and information technology in linguistics» («ИТЛ»). Analyzed the technology of structuring foreign hypertext through contextual analysis, which is one of the methods of linguistic stylistic analysis. In the format of the discipline «ИТЛ» the phenomena are scientific texts on the IL, and their individual values are areas of scientific knowledge and historical periods on the chronology of the historical and scientific paradigm. The paper presents a cognitive translation model, commented on the very concept of hypertext and hypertext as a text corpus processing technology through contextual analysis. The hypertext organization of large files of information allows to extract information from them that are not specifically laid out during their creation, and various methods of linguistic and stylistic analysis standardize and accelerate this type of activity. The terminological apparatus used in linguistics and translation studies in the context of hypertext format editing is analyzed. The methodical concept of the master's discipline, based on the study and processing of digital educational resources through electronic systems translator, as well as on the analysis, commenting, abstracting and summarizing the results of scientific research using modern domestic and foreign methods and methodologies. The technique of translational reading of scientific texts of humanitarian subjects is considered, the main characteristics of the case of special texts are given. The proposed technique forms the skills of the translator using the technology of text editing in the process of reading the original and is one of the ways to update knowledge about the choice of strategy, types and methods of translation of scientific texts.

Key words: contextual analysis; contextual signs; corpus of texts; hypertext; scientific text of humanitarian subject; information environment; foreign language; linguistic processing.

Контекстуальный анализ (КА) является одним из методов лингвостилистического анализа. В контексте данной публикации следует указать, что КА является термином также социологическим, так как предусматривает анализ дискурса в тесной зависимости и «привязке» к коммуникативной ситуации. В этой связи приведем следующее

определение КА: «Тип исследования, при котором наряду с индивидуальными признаками явления учитываются признаки контекстов, к которым относится явление; контекстуальные признаки выступают в качестве независимых переменных, оказывающих влияние на индивидуальные величины или модифицирующих взаимосвязи между индивидуальными величинами» [Кравченко 2013, с. 178]. При выполнении практических заданий по дисциплине «Информатика и информационные технологии в лингвистике» (далее – ИиИТЛ) явлениями выступают научные тексты на ИЯ, а их индивидуальными величинами является области научного знания и исторические периоды по хронологии историко-научной парадигмы. В соответствии с вышеизложенным, КА следует понимать как один из методов исследований в функциональной лингвистике, направленный на повышение качества перевода конкретного текста в частности и переводящего языка в целом.

В представляемом образовательном модуле «ИиИТЛ», читаемом студентам Института лингвистики и Института филологии и истории РГГУ (Профиль «Перевод и переводоведение»), к обязательному ознакомлению и обработке посредством контекстуального анализа предлагаются заранее выверенные научные тексты из официальных иноязычных электронных источников, которые служат отправной точкой для создания обучаемыми собственного гипертекста, лексикографической базы данных и прокладывания неповторимых индивидуальных кибермаршрутов.

На сегодняшний день Интернет является неотъемлемым средством обеспечения международного научного и культурного взаимодействия, сотрудничества и информационного обмена, обусловленным фактором образовательного процесса как индивидуального, так и коллективного, аудиторного. В свою очередь, иностранный язык как когнитивный инструмент способствует повышению эффективности получения фундаментальных знаний, более глубокому пониманию роли науки в истории человечества.

Схема познания в Интернете становится циклической и может быть представлена следующими этапами: данные – информация – знания – осмысление – новые (обновленные) знания. В традиционных же информационных средах (бумажные носители, аудиовизуальные средства обучения и средства массовой информации) процесс усвоения знаний менее интенсивен и более узконаправлен.

В данном контексте одна из ключевых задач профессионального обучения будущих переводчиков – совершенствование навыков работы в сетевых средах с использованием текстовых редакторов, электронных энциклопедий, лексикографических баз данных (ЛБД), специализированного лингвистического (ЛО) и программного обеспечения (ПО).

Определим терминологическое пространство данной публикации. Безусловно, данная дисциплина является логическим продолжением освоения лингвистами и переводчиками информационных технологий. В первую очередь, под информационными технологиями в лингвистике понимается «совокупность законов, методов и средств в получении, хранении, передаче, распространении и преобразовании информации о языке и законах его функционирования с помощью компьютера и различного программного обеспечения» [Гиляревский 2012, с. 135].

В соответствии с классификацией известного российского исследователя В.Н.Шевчука, электронные системы, необходимые для освоения и профессионального использования лингвисту и переводчику, подразделяются на следующие группы: «информационные – системы, которые обеспечивают автоматический поиск лингвистической и экстралингвистической информации в Интернете, а также управление информационными потоками (энциклопедии, электронные библиотечные каталоги, банки терминов, серверы поиска и т. д.); переводческие – системы машинного перевода типа PROMT, Translation Memory, StyleWriter, Transcheck и т. д.; коммуникационные – системы, которые обеспечивают общение переводчика с заказчиком через электронную почту и с коллегами через переводческие порталы и сайты» [Шевчук 2013, с. 18].

Предмет дисциплины «ИиИТЛ» можно конкретизировать как обучение анализу информационных систем и овладение функциональными приемами обработки гипертекста и текстового корпуса посредством контекстуального анализа.

В контексте изучения перевода согласимся с Э.Г.Азимовым и А. Н. Щукиным, обозначившими в качестве объекта «исследование взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования» и определившими предмет – «материальная и духовная культура в ее существовании и функционировании, созданная человеком, т. е. все, что составляет языковую картину мира», находящуюся «в кругу смежных наук: социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, культурологии» [Азимов, Щукин 2009, с. 127].

Для «ИиИТЛ» гуманитарные знания человечества непосредственно связаны с вышеупомянутыми науками.

Уточним, что методическая концепция дисциплины «ИиИТЛ» основана на изучении и обработке материалов цифровых образовательных ресурсов посредством электронных систем переводчика, а также на анализе, комментировании, реферировании и обобщении результатов научных исследований с использованием современных отечественных и зарубежных методик и методологий. Компаративный анализ и типологизация научных текстов гуманитарной тематики, обработка иноязычного гипертекста, работа с многоязычной базой данных, разработка интерактивного тематического глоссария составляют предметную область дисциплины.

Такие виды учебной деятельности, как креативные итоговые задания на поиск, анализ, отбор и синтез, продиктованы современными требованиями к обработке и усвоению информации, что повышает мотивацию магистрантов к овладению как спецпредметом, так и иностранным языком. Следует отметить, что разработанная для дисциплины «ИиИТЛ» система контрольно-измерительных материалов опирается на методику Г.П.Щедровицкого, согласно которой организационно-деятельностная игра является «средством деструктурирования предметных форм и способом выращивания новых форм соорганизации коллективной мыследеятельности» [Щедровицкий 2005, с. 146]. В соответствии с положениями указанного методического подхода применяется технология коллективной обработки гипертекста и корпуса текстов в аудиторном режиме, что имитирует работу группы переводчиков в агентствах перевода.

Сформулируем концептуальные подходы решения указанных образовательных задач. Содержание и оценочные средства дисциплины «ИиИТЛ» разработаны с учетом требований методической документации ФГБОУ ВО РГГУ. Среди основных задач реализации данной программы следует назвать такие, как «определение образовательных технологий, необходимых для освоения дисциплины (модуля), отражение использования интерактивных технологий и инновационных методов» и «определение оптимальной системы текущего контроля и промежуточной аттестации обучающихся, с использованием соответствующих оценочных средств» [Положение 2017, с. 2].

Цель освоения первого раздела «ИиИТЛ» – обработка иноязычного гипертекста научно-технической тематики. В контексте данной

публикации мы понимаем термин «гипертекст» прежде всего как «технологию хранения и обработки текстовых документов на естественном языке, которая позволяет устанавливать и поддерживать предопределенные связи между документами и / или отдельными их фрагментами, обеспечивая возможности навигации в такой структуре для перехода от одного ее компонента к другому» [Данилкин, Самсонов 2015, с. 2].

Магистранты выполняют итоговые проекты по дисциплине «ИиИТЛ» не только в презентационном пакете, но также создают исследовательские проекты-сайты, позволяющие разместить гипертекст, необходимые аудио- и видеофрагменты, графические комментирующие изображения, ЛБД и другой анализируемый объёмный лингвистический материал, а также участвовать в научной полемике по заданной теме, корректно используя корректную терминологию и сохраняя стилистику научного дискурса.

Остановимся на когнитивной модели перевода, уточнив, что изначально данный подход состоял в «в выявлении лингвофилософских оснований общей когнитивной теории перевода, которые сводимы к понятиям тождества и когнитивного диссонанса и их диалектическому взаимодействию в семиотическом пространстве переводческого дискурса, и в построении на основе этой теории когнитивной модели переводческого процесса» [Воскобойник 2004, с. 2]. В контексте данной публикации когнитивную модель перевода гипертекста можно рассматривать как «сопоставление когнитосфер отправителя текста и переводчика, переводчика и получателя текста» [Усачева 2012, с. 17].

Гипертекстовая организация крупных массивов информации не только делает их обозримыми и облегчает оперирование ими, но и позволяет извлекать из них такие сведения, которые специально не закладываются при их создании, а эффективность информационной системы зависит, в первую очередь, от тех возможностей, которые она предоставляет пользователю в поиске нужной информации и доступе к ней. Анализируя гипертекст как формат, следует упомянуть определение информационного потока как «множества текстов, выступающих как единый объект: адресатов интересует смысл, заключенный сразу в сотнях и даже тысячах текстов» [Большакова 2011, с. 70]. Для дисциплины «ИиИТЛ» «гипертекст обеспечивает функционирование чрезмерной смысловой избыточности в электронном пространстве» [Соболева 2012, с. 133].

Главной характеристикой гипертекста является нелинейность, т. е. связность, структурированность и насыщенность разнородными

связями, а также содержательная полнота, т. е. отражение всех мыслимых позиций и точек зрения на конкретную историко-научную проблему. Отметим, что такие когнитивные инструменты, как критический отбор, переработка и интерпретация информации, наиболее эффективны при обработке гипертекста и переводе текстовых корпусов.

В процессе освоения второго раздела «ИиИТЛ» студенты выполняют задания в последовательном либо параллельном режимах в специализированном ПО переводчика по блок-схемам, передаваемым в электронном виде, создают эссе-презентации, ЛБД, комментированные глоссарии, корпусы текстов по выбранным областям научного гуманитарного знания.

Безусловно, перечисленные виды переводческой деятельности в основе своей подразумевают объемную и трудоемкую работу, связанную с изучением корпусов специализированных гипертекстов и лексикографических источников, иноязычного лексико-грамматического материала, а также просмотром и отбором мультимедийных материалов. В этой связи в качестве базы для выполнения интерактивных заданий предлагается список источников и цифровых образовательных ресурсов, который следует дополнить, а также аргументировать свой выбор. Согласно разработанному алгоритму работы с использованием ИКТ, первым этапом является проведение лингвистического анализа в процессе чтения: чтение как «рецептивный вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание письменного текста» приобретает новые свойства и существенно модифицируется при помощи соответствующих профессиональных умений переводчика [Фоломкина 2005, с. 194].

Согласимся с мнением Ю. Н. Бирюковой, отметившей, что «переводческое чтение основывается на таких процессах, как восприятие, понимание и интерпретация, которые составляют его основу» и которых «можно достичь на основе дискурсивного анализа научно-технического текста, в результате которого у переводчика формируется концепт текста, который представляет объективный смысл, содержание текста» [Бирюкова 2016, с. 116]. Понимание текста при переводческом чтении является именно средством выполнения перевода, а не целью, поскольку перед переводчиком стоит задача понять и «интерпретировать полученную информацию объективно с целью ее последующей передачи на языке перевода» [Усачева 2012, с. 48]. Применительно к профессиональному использованию средств лингвистического

и программного обеспечения в процессе чтения и перевода корпуса НТГТ студенты исследуют «динамику слова в языке в определенный исторический период» [Жданов 2012, с. 389], составляя в результате работы лексикографическую базу данных (ЛБД) динамического типа, содержащую «лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют языковое сознание современников» [Ваулина 2006, с. 6]. В контексте дисциплины «ИиИТЛ» данный вид работы является одним из способов актуализации знаний о технике чтения оригинала, а также о видах и способах перевода научных текстов, формирует навыки работы переводчика с применением технологии интерредактирования текста в процессе чтения, а также позволяет определить возможную тематику выпускной квалификационной работы.

Приведем схему работы при детальном чтении и структурировании текста оригинала с целью перевода по лексическим (ЛЕ), грамматическим (ГЕ), семантико-стилистическим (СЕ) единицам и организации корпуса текстов по сверх-фразовым единствам (СФЕ) (см. табл. 1).

Таблица 1

Этапы проведения обработки НТ								
№	Контексту- альный анализ		Статистический анализ			Компара- тивный анализ		Частотный глоссарий (T1+T2 + собствен- ный текст)
	ЛЕ	ГЕ	ЛЕ	ГЕ	СЕ	СЕ	СФЕ	Гипертекст
T-1								КНТ-1
T-2								
T-3								
T-4								КНТ-2
T-5								
T-6								
T-7								КНТ-3
T-8								
T-9								
T-10								КНТ-4
T-11								
T-12								

Работа по второму модулю проводится с использованием корпуса текстов, в контексте НТ, понимаемого как «лингвистический, или языковой, корпус текстов – большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач. На основе корпуса можно получить данные о частоте словоформ, лексем, грамматических категорий, об изменениях частот, об изменениях контекстов в различные периоды времени, о поведении языковых единиц разных авторов, о совместной встречаемости лексических единиц, об особенностях их сочетаемости, управления и т. д.» [Боярский 2013, с. 26–27, 16].

Корпус текстов, разработанный для проведения практических занятий по данной методике, включает 36 параллельных текстов на русском, английском, французском и немецком языках, охватывающих 12 периодов развития научных знаний человечества по историко-научной классификации – от доцивилизационного до первого десятилетия XXI века. Магистранты обрабатывают текст с применением ИКТ, стандартного ПО и специализированного ЛО и ПО переводчика.

Далее следует указать этапы проведения контекстуального анализа и интерактивные задания по дисциплине «ИиИТЛ»:

- 1) ознакомление с содержанием корпуса научных текстов гуманитарной тематики (КНТ-36);
- 2) выбор научной дисциплины и исторического периода для переводческого чтения;
- 3) выбор текста (Т-1) для лингвистической обработки в процессе чтения;
- 4) аналитическое и дискурсивное чтение оригинала;
- 5) поисковое и выборочное чтение для создания терминологического глоссария;
- 6) детальное чтение и структурирование текста для перевода по ЛЕ, ГЕ, СЕ и СФЕ;
- 7) дискурсивное чтение для перевода текстов конкретного корпуса.

Основные учебные действия при проведении контекстуального анализа по контекстуальным признакам, выполняемые студентами при освоении данной техники чтения научных текстов гуманитарной тематики с целью перевода, приведены далее:

- 1) формулировка основной мысли Т-1;

- 2) выделение терминов и понятий в процессе чтения оригинала;
- 3) разработка тематического глоссария Т-1;
- 4) пределение в процессе чтения текстов корпуса КНТ-12 терминов и понятий, используемых в выбранном Т-1.

Далее магистранты переходят к аналитическому чтению оригинала:

- 5) пределение ядерных предложений Т-1 в процессе беспереводного чтения;
- 6) составление компресс-текста Т-1;
- 7) пределение ядерных предложений Т-1 в процессе чтения текстов корпуса КНТ-12;
- 8) оставление корпуса компресс-текстов КНТ-12.

В результате применения различных видов обработки текстов данного корпуса студенты вырабатывают стратегию перевода с учетом предметных, языковых, социокультурных и дискурсивных знаний.

В контексте дисциплины «ИиИТЛ» работа с гипертекстом и текстовым корпусом является одним из способов актуализации знаний о технике чтения оригинала, а также о видах и способах перевода научных текстов, формирует навыки работы переводчика с применением технологии интерредактирования текста в процессе чтения оригинала, а также позволяет оптимизировать процесс проведения исследования по теме выпускной работы магистранта.

В заключение следует отметить, что в процессе применения данной методики работы с гипертекстом при переводе научных текстов гуманитарной тематики формируются навыки работы с применением технологии интерредактирования, студенты совершенствуют профессиональные компетенции, необходимые для эффективной и корректной переводческой деятельности в области перевода спецтекстов с учетом производственной необходимости использования ИКТ в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
- Бирюкова Ю. Н.* Интегративная модель обучения чтению как компоненту профессиональной деятельности переводчика (английский язык,

- специальность «Информатика и вычислительная техника»): дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 243 с.
- Большакова Е. И.* [и др.]. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Е. И. Большакова [и др.]. М. : МИЭМ, 2011. 272 с.
- Боярский К. К.* Введение в компьютерную лингвистику: учебное пособие. СПб. : НИУ ИТМО, 2013. 72 с.
- Ваулина Е. Ю.* Толковый словарь современного русского языка: языковые изменения конца XX столетия / Рос. акад. наук. Ин-т лингв. исслед. ; сост. Е. Ю. Ваулина [и др.] / под ред. Г. Н. Складчиковой. М. : Астрель : АСТ, 2006. 894 с.
- Воскобойник Г. Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
- Гиляревский Р. С.* Основы информатики. Курс лекций для студентов гуманитарных специальностей. М. : Изд-во МГУ, 2012. 285 с.
- Данилкин А. А., Самсонов А. В., Дмитриев А. С.* Живой англо-русский словарь по вычислительной технике, информационным технологиям и связи. М. : ВНИИПВТИ, 2009–2015. URL: www.morepc.ru/dict/ (дата обращения: 16.05.2019)
- Жданов Е. А.* Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 388–392.
- Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь: Более 10 000 единиц. М., 2004, 511 с.
- Положение о рабочей программе дисциплины (модуля) образовательной программы высшего образования (новая редакция). Утвержд. от 28.09.2017 № 01-314 осн. / Минобрнауки России, ФГБОУ ВО РГГУ. М. : РГГУ, 2017. 8 с. URL: www.rsuh.ru/upload/main/metodfales/Prilozhenie2_Polojenije%20o%20RPD%202017.pdf (дата обращения: 10.05.2019)
- Соболева О. В.* Гипертекст как способ организации художественной литературы в интернет-пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 130–133.
- Усачева А. Н.* Когнитивная деятельность переводчика. Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : коллективная монография / под общ. ред. В. А. Митягиной. М. : Флинта : Наука, 2012. С. 36–65.
- Фоломкина С. К.* Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М. : Высшая школа, 2005. 207 с.
- Шевчук В. Н.* Информационные технологии в переводе: Электронные ресурсы переводчика 2. М. : Зебра Е, 2013. 384 с.

Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра : сборник текстов (2). М. : Наследие ММК, 2005. 320 с.

Щитицина Л.Ю. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. 128 с.

УДК 327.35

А. И. Емельянов

кандидат политических наук
доцент кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: anton.politolog@ya.ru

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ЗАПАД – ВОСТОК

В статье рассматриваются формы взаимопроникновений западной и восточной культур в условиях ускоренной динамики развития процессов глобализации. Исследуются негативные и позитивные результаты подобного взаимодействия в результате распространения и влияния массовой культуры на общественное сознание, продвижение культа западной культуры, а также идеалов восточного мира, которые сходятся в идеологическом противостоянии. В статье раскрывается взаимосвязь лингвокультурного и политического диалога между Западом и Востоком. В то же время особый интерес представляет современная динамика взаимоотношений «глобального Запада» и «глобального Востока», которая закладывает новый фундамент для продолжения диалога между соответствующими цивилизациями в будущем. Автором дается оценка возможности и перспектив дальнейшего взаимообогащения культур Запада и Востока, несмотря на значительное количество вопросов, которые вызывают взаимные разногласия между представителями западной и восточной культур. Нами был сделан вывод о возрастании значимости культурного суверенитета в эпоху глобализации, его вхождении в нишу самых обсуждаемых вопросов в современной научной среде, в том числе в лингвокультурном аспекте.

Ключевые слова: взаимодействие культур; глобализация; международные отношения; политика.

A. I. Emelianov

PhD (Political Science), Associate Professor
Department of Political Science Institute of International Relations and Social
and Political Sciences (Faculty) Moscow State Linguistic University
e-mail: anton.politolog@ya.ru

POSITIVE AND NEGATIVE RESULTS OF CROSS-CULTURAL CORRELATION WEST – EAST

The article deals with the forms of interpenetration of Western and Eastern cultures in the conditions of accelerated dynamics of globalization processes. The

author studies the negative and positive results of such interaction as a result of the spread and influence of mass culture on public consciousness, the promotion of the cult of Western culture, as well as the ideals of the Eastern world, which converge in ideological confrontation. The article reveals the interrelation of linguocultural and political dialogue between the West and the East.

At the same time, of particular interest is the current dynamics of relations between the "global West" and "global East", which lays a new Foundation for the continuation of the dialogue between the respective civilizations in the future. The author assesses the possibility and prospects of further mutual enrichment of cultures of the West and the East, despite the significant number of issues that cause mutual differences between representatives of Western and Eastern cultures. In conclusion, it is concluded that the importance of cultural sovereignty in the era of globalization is growing, and that it is entering the niche of the most discussed issues in the modern scientific environment, including in the linguistic and cultural aspect.

Key words: interaction of cultures; globalization; foreign policy; politics.

Выстраивание межкультурного общения в наши дни необходимо не только из-за праздной любознательности, но еще и для определения и выработки правильных способов взаимоотношений с носителями других культур. В результате такого взаимодействия происходит диффузия культур и в определенной степени утрата собственных традиций. Формируется новая культурологическая картина мира, во многом благодаря «активизации транснациональных факторов, динамизму и разнообразию форм информационной и интеллектуальной деятельности, активному развитию и распространению по миру новых технологий, мобильности образования способов связанности международной экономической деятельности и ведения бизнеса, постоянному росту или падению трансграничных потоков товаров и финансов, усилению влияния транснациональных организаций и огромных корпораций» [Борзова 2010, с. 282].

Говоря о современной картине мира, о политической и культурной неоднородности, главным объектом противоречия становится противостояние Запада и Востока как двух мировых регионов с коренными различиями в политической системе и культурно-цивилизационной базе. Как отмечает русский ученый Л. С. Васильев, автор концепции о разделении мира на два полюса – Запад и Восток, «мир как и прежде остался ныне биполярным, но противостояние полей напряжения и их конфигурация стали иными. В новых условиях ракетно-ядерная мощь перестала быть приоритетным началом. Главными силами, противостоящими одна другой, стали не ракетно-ядерные установки,

не железный занавес на границах, даже не запрет на свободное слово, но западная демократия, с одной стороны, и тоталитаризм в форме исламского фундаментализма – с другой» [Борзова 2011, с. 177].

Особенности религии и менталитета, а также принципиальные различия в политических системах стали препятствием в диалоге восточных и западных народов. В связи с этим в середине XIX в. появилось такое направление научного знания, как «востоковедение» – явление в системе исторического знания, отражающего взгляд Запада на противостоящий ему, «особый» мир Востока [Борзова 2010, с. 283]. Однако активное развитие это течение получило, скорее, в начале XXI в. и было связано с изменением карты геополитического разграничения: «политический союз восточных стран оформился в огромный регион мирового значения» [Борзова 2010, с. 282], который приобрел роль одного из главных политических акторов на международной арене. В связи с этим можно предположить, что непонимание Востока и Запада стало одной из главных проблем мирового общества, и решение ее становится необходимым.

Интерес к вопросу о различиях Запада и Востока обуславливается тем, что в формирующемся новом мировом порядке основным источником конфликтов становится уже не идеология и экономика, а культурные различия, лежащие в основе разных цивилизаций. При этом культурно-религиозная схожесть лежит в основе организации экономического и политического сотрудничества. Эта концепция описана в работе американского исследователя С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Тем более особенно важно понимание различий между Западом и Востоком в условиях современной конъюнктуры, где господство Запада постепенно сталкивается с растущим могуществом Азии. При этом распределение культуры в мире отражает распределение власти. Если торговые отношения в большинстве своем не зависят от политического и военного доминирования, то культура всегда следует за властью [Хантингтон 2017, с. 141]. Иными словами, рост могущества таких восточных стран, как Китай и Индия неизбежно усиливает растущее влияние восточной культуры на международном уровне.

Как отмечается в французской политической науке, после пятидесяти лет экономической вестернизации мира слишком поздно сожалеть о негативных последствиях этого процесса. Повсюду в мире люди массово убивают себя, а государства распадаются ради «чистоты расы» или из-за религии. Есть все основания полагать, что это

удивительное возвращение этноцентризма Юга и Востока, на самом деле, ответная реакция на скрытое насилие, которое привело к введению западной универсалистской нормы [Latouche 2005, с. 75]. Важно понимать, что культура Востока может развиваться не только путем вестернизации, но и самостоятельно путем усиления самобытных идентификационных моделей, создавая сильную конкуренцию доминирующему Западу во всех сферах жизни.

Главное отличие между Западом и Востоком заключается в подходах решения главных экзистенциальных вопросов и фундаментальных ценностях: «отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии» [Борзова 2010, с. 286]. Особое влияние на формирование западной и восточной культур, менталитет и мировоззрение отдельных народов оказала религия. В восточных странах сложились уникальные психоментальные особенности именно на базе таких религий, как буддизм, даосизм и ислам; западноевропейский менталитет формировался на основе христианства. Подобные различия укоренялись на протяжении долгого времени и создали прочные традиции. Именно эти традиции являются формой единства внутри существующего многообразия культур.

Диалог в культурной сфере возможен только при условии взаимопонимания и признания ценности и уникальности другой культуры. Но на сегодняшний день реальность далека от подобного понимания взаимодействия культур. Западная массовая культура на протяжении долгого времени распространялась на Восток в формате экспансии своих ценностей. Одновременно с этим есть и обратная тенденция, связанная с распространением восточной культуры в западные страны. Это происходит за счет того, что люди восточных стран мигрируют на Запад, сохраняя восточные традиции и формируя свои этнические и культурные меньшинства, что порождает проблемы мультикультурализма и толерантности. Кроме того, в результате массовой миграции мусульман на Запад, в Европе всё чаще поднимается вопрос об исламизации населения. Опасения эти связаны, во-первых, с возможностью политического доминирования ислама, а во-вторых, с опасениями культурного свойства: вытеснения европейских норм, ценностей и образа жизни [Малахов 2014, с. 156]. Начиная с 2015 г., когда

Евросоюз вступил в миграционный кризис, этнические и конфессиональные проблемы стали наиболее уязвимыми местами для Европы.

Кроме того, во второй половине XX в. активно началось продвижение и пропаганда демократических ценностей Западом на Востоке. Рассматривая демократические принципы как самые прогрессивные и общечеловеческие, они «имплантировались» в культуру, которая не была готова и в которой никогда не было таких традиций. И в начале XXI в. стало очевидно, что «одновекторного мирового политического процесса формирования демократической консолидации нет» [Борзова 2010, с. 285].

Одним из главных результатов кросс-культурной корреляции между Западом и Ближним Востоком является Арабская весна. Существует много точек зрения о влиянии Запада и, в частности, США на события Арабской весны. Многие российские эксперты оценивают начавшиеся в 2011 г. социальные протесты в ряде арабских стран как «непосредственный результат внешнего воздействия Запада, т.е. цветные революции» [Косов 2016, с. 474], цель которых – установление контроля над регионом со стороны США. Другая точка зрения основывается на том, что подобные события в арабских странах носили стихийный характер, причинами которых стали «сугубо внутриполитические причины, обусловленные ухудшением социально-экономической ситуации на Ближнем Востоке» [Косов 2016, с. 474]. Если рассмотреть данные события более фундаментально, отойдя от двух вышеперечисленных подходов, то можно говорить о том, что причины Арабской весны именно в культурной сфере.

Постепенное внедрение западных ценностей в культуру Востока привело к коренным изменениям и в общественно-политической жизни. Всё это стало причиной глубокого кризиса и «вместо того, чтобы уверенно и неуклонно продвигаться к демократии, процветанию и стабильности, арабский мир погрузился во тьму неопределенности» [Нурхан Эль-Шейх 2017]. После многочисленных кровавых конфликтов в борьбе за демократические ценности лучшим из сценариев развития Арабской весны является возвращение авторитарных режимов к власти на Ближнем Востоке. Только усиление государственной власти «позволит сокрушить терроризм, подавить исламистов и осуществить необходимые социальные и культурные перемены для подорыва влияния экстремистов в обществе и недопущения захвата ими власти в будущем» [Нурхан Эль-Шейх 2017]. Конечно, в современном

мире демократизация неизбежна, но только как продукт логичного поэтапного исторического развития. Продуктивный диалог между цивилизациями Запада и Востока требует, чтобы «Восток из объекта преобразования и совершенствования в глазах Запада превратился в участника дискуссии по совершенствованию отношений в мире» [Борзова 2010, с. 285].

Говоря о Ближнем Востоке, влияние Запада на культуру с давних времен играло ключевую роль в развитии региона. Однако, если мы посмотрим на ситуацию, сложившуюся в Восточной Азии, она будет отличаться. На сегодняшний день Китай благодаря внутренней и внешней политике, направленной на сохранение культурного суверенитета и национальной идентичности, повсеместной цензуре и другим ограничениям на государственном уровне, почти полностью нивелировал влияние Западной культуры. При этом рост экономического и военно-политического влияния способствует активному распространению культуры в другие регионы мира. Среди восточных стран Китай является лидером по минимальному показателю влияния западной культуры и максимальному уровню присутствия собственной культуры в невоcточных странах.

Культурные особенности во многом оказали влияние на политическое сознание Запада и Востока. На Востоке существует очевидная ориентированность на «традиционный уклад, семейные ценности и культуру предков, в которой доминирующей формой общественного сознания остается религия» [Борзова 2010, с. 283]. Поэтому специфика политической культуры восточных народов опирается на традиционную культуру своей страны, а «модернизации непременно связана с сохранением культурной самобытности и самоидентификации» [Борзова 2011, с. 178]. Логично было бы сказать, что в восточных обществах политическая власть опирается на духовную. При этом именно духовная власть и определяет высшие ценности и этические нормы, а государство обеспечивает их исполнение, выступая гарантом религиозной идеологии.

Таким образом, восточные общества основаны на теократическом принципе. «Кроме того, в силу господствующего влияния общинной этики на социальные и политические процессы, не складывалось необходимости развивать право, бороться индивиду за свои права по отношению к государству» [Борзова 2010, с. 308]. На Западе же главной ценностью являются права каждого отдельно взятого гражданина,

а деятельность государства направлена в первую очередь на создание материальных благ на основе технологического прогресса и высокого уровня благосостояния общества в целом. При этом гражданское общество выступает как альтернатива государственной власти.

Западные государства в подавляющем большинстве относятся к светскому типу правления в системе открытого типа. Цель таких государств – обеспечение высокого социального благополучия граждан, путем ликвидации сословных преград и построения необходимых условий высокой социальной мобильности. При этом как таковые коллективные ценности отсутствуют, существует принцип автономности интеллектуальной деятельности, а национального суверенитета нет или он сводится к минимуму. Западом признается принцип равноценности мировых культур и терпимости, однако в силу верховенства индивидуализма, подобные принципы могут реализовываться иначе, чем со стороны других незаразных государств. Западный мир часто упрекает Восточный в характерном для них постоянстве и стабильности. Эти два состояния как для Востока, так и для Запада понимаются как отрицание прогресса, однако для развития культуры и цивилизации Восточный мир должен верить в прогресс [Guénon 1983, с. 36].

Толерантность по отношению к чужой культуре предполагает ее понимание. Признание культурного разнообразия необходимо для формирования определенного «единства», но не единообразия. Традиции, тип мышления, мировоззрение складывались у народов Востока и Запада на протяжении тысячелетий. Сегодня, несмотря на ускоренную динамику процесса глобализации и необратимости интеграционных процессов, а также влияние ценностей массовой культуры, только возрастает стремление народов к сохранению собственной национальной идентичности [Борзова 2010, с. 288]. «Чтобы исчезла почва для конфликтов, народы должны увидеть друг друга, принимая несходство за благо, а не за оскорбление. Для того чтобы увидеть другого, нужно прежде увидеть себя, самоидентифицироваться. Осознать же себя можно лишь, зная свое прошлое, свои истоки; осознав свое культурное предназначение, свое место в мире. Кто осознал себя, не может не признавать самобытность другого. Такова глубинная диалектика мировых отношений – признание единства разного, многообразия форм Единого» [Григорьева 2004, с. 20]. Эти принципы становятся всё более понятны и очевидны в современном мире. Как логическое развитие этой мысли на международном уровне можно рассматривать принятие

Всеобщей декларации о культурном разнообразии Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2001 г., в которой межкультурный диалог рассматривается как наилучший гарант мира. Этот документ послужил первым шагом к признанию культурного суверенитета разных народов мира и признал культурное разнообразие общим наследием человечества, которое мы должны сохранять и преумножать.

Итак, Запад и Восток представляют собой два монолитных блока с абсолютно разными цивилизационными корнями. Разные культуры, разные ценности и мировоззрение – всё это делает невозможным или, по крайней мере, во многом затормаживает процесс взаимодействия. Однако процесс интеграции и взаимопроникновения культур все-таки есть. Избежать этого в современных условиях невозможно как минимум из-за широкого распространения средств массовой коммуникации и Интернета, как максимум – из-за активного роста транснациональных компаний в культиндустрии. Процесс интеграции западной и восточной культуры проявляется, например, в распространении европейских демократических принципов на Востоке, что привело к так называемой Арабской весне. Однако этот «проект» оказался несостоятельным и привел к еще более глубокому кризису. Причины тому – невозможность насильственного внедрения принципов и традиций чужой культуры без готовой базы для подобных радикальных изменений в устоявшемся образе жизни и мышлении коренного населения. Что касается распространения восточных традиций на Запад, в этом видится положительный эффект, но только до тех пор, пока это не угрожает собственной западной культуре и не подорывает общественно-политический строй. Европейский союз подошел к моменту естественного затухания интеграционного импульса. Платформы мультикультурализма и интеграции натываются на антиэмигрантскую риторику, а массовая исламизация европейского населения вызывает большие опасения со стороны Европейских государств. Кажется, мировое общество уже научилось признавать культурный суверенитет мировых цивилизаций, этническую уникальность и ценность, однако, когда дело переходит от признания к взаимопроникновению, взаимоуважение отходит на второй план, создавая действительность, в которой культурное взаимообогащение, скорее, вызывает опасения и трактуется как угроза национальному единству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борзова Е. П.* Восток и Запад: сравнительный анализ культур / Тр. СПбГИК. СПб., 2010. С. 282–311.
- Борзова Е. П.* Мировая политика и мировая культура: проблемы взаимосвязи // Вестник СПбГУКИ. 2011. С. 175–180.
- Васильев Л. С.* История Востока: в 2 т. М. : Наука, 2005. Т. 2. 572 с.
- Григорьева Т. П.* Логика Срединного Пути // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 19–28.
- Запад – Восток – Россия 2015 // Ежегодник. ИМЭМО РАН, 2016. 205 с.
- Косов А. П.* США и «арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 473–481.
- Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое литературное обозрение : Институт философии РАН, 2014. 232 с.
- Нурхан Эль-Шейх.* Арабский мир: неопределенность после «весны» 2017 // Россия в глобальной политике. URL: www.globalaffairs.ru/valday/Arabskii-mir-neopredelnnost-posle-vesny-18975.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2017. 640 с.
- Guénon R.* Orient et Occident. France, Paris : Les Éditions Vega, 1983. 174 p.
- Latouche S.* L'occidentalisation du monde à l'heure de la «Globalisation». France, Paris : La découverte Poche, 2005. 182 с.

УДК 821.133.1.09

А. В. Карпова

аспирант кафедры романской филологии
Института иностранных языков Московского государственного
педагогического университета
ассистент кафедры французского языка и лингводидактики
Института иностранных языков Московского государственного педагогиче-
ского университета; e-mail: laanekarpova@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКОЕ И АНАХРОНИЧЕСКОЕ В РОМАНАХ ФЭНТЕЗИ (на примере романа Р. Баржавеля «Чародей»)

В статье анализируются авторские приемы воспроизведения и переосмысления исторической реальности в романах фэнтези, использующих в качестве основы материал средневековых легенд. Проводится анализ соотношения реалистических элементов, воспринимаемых в качестве исторических, и анахронизмов, обеспечивающих психологическое сближение истории и современности.

Ключевые слова: фэнтези; французская литература; фантастическое; Средневековье; историческая реконструкция; анахронизмы; Рене Баржавель.

A. V. Karpova

PhD Student
Romance Philology department
Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University
Assistant professor, French language and linguistic didactics department
Moscow State Pedagogical University; e-mail: laanekarpova@gmail.com

HISTORICAL AND ANAHRONIC IN FANTASY NOVELS (based on R. Barjavel's Novel "The Enchanter")

The article provides an analysis of the author's methods of reconsidering and reconstructing the historic reality in fantasy novels that are based on Medieval legends. An analysis has been made of the ratio of realistic elements perceived as historical as well as of anachronisms setting certain ties between history and contemporaneity.

Key words: fantasy; French literature; the Fantastic; Medieval; history reconstruction; anachronisms; René Barjavel.

Связь между литературой фэнтези и средневековым куртуазным романом широко освещалась в многочисленных исследованиях. Но гораздо больше вопросов вызывает связь фэнтези с историческим

романом или, если рассматривать вопрос еще шире, с объективной реальностью. Решающую роль в возникновении фэнтези как жанра сыграл интерес к Средневековью в целом и к легендарному королю Артуру, в частности. Существует несколько Артуров, и если «исторический» Артур прославился в V в. н.э. в «темные века» европейской истории, а Артур как «политическая фигура» восходит к XII в., то Артур «христианский рыцарь» появляется лишь в XIII в. Из-за соединения в едином персонаже нескольких исторических горизонтов и проистекает неоднородность его образа, нашедшая свое отражение в литературе фэнтези: эпоха варварских нашествий, мужественных войнов и язычества «темных веков» сочетаются с политическим величием Артура — преемника Карла Великого, а также с рыцарской традицией куртуазных романов, кодексом чести, приключениями в «сказочном» Средневековье XII–XIII вв. Фэнтези комбинирует эти пласты, и, отдавая дань исторической реконструкции, соединяет средневековые легенды с кельтскими мифами и позднейшими христианскими напластованиями.

Какие бы трансформации легенда не претерпевала, все современные фантастические романы на артуровскую тему сохраняют верность своим источникам, которые открыто цитируют. Это также определяет их амбивалентную природу, поскольку одной, канонической, версии легенды не существует, а есть лишь ее многочисленные вариации, которые отражают не столько исторические реалии, сколько концепцию современной эпохи, в той же мере, как и средневековые романы об Артуре, по сути заново воссоздавали легендарного короля, исходя из духа времени своего создания. Например рассматриваемый нами фэнтезийный роман Р.Баржавеля «Чародей» (1984) содержит в себе все исторические пласты формирования артуровского мифа. Древние кельтские истоки мифа находят свое отражение в культе озер и источников. Вторая «Истории бриттов» (1136) Гальфрида Монмутского, Р.Баржавель изображает Артура не племенным вождем, а прежде всего «собирателем земель», государственным деятелем, создающим могущественную империю. Кретьеновские образы Грааля и страдающего короля-рыбака, «авантюры» рыцарей куртуазной эпохи перемежаются со внезапными появлениями и превращениями чародея Мерлина, свойственны роману Т.Мэлори «Смерть Артура». Морально-этическая трактовка артурианы в ее мистическом преломлении, бытовавшая в XIX в. (А.Теннисон, Р.Вагнера, У.Морриса, О.Ч.Суинберна) также была воссоздана Баржавелем и воплотилась в мифе об идеальной

любви, поисках и служению вечно существующему мерилу чистоты и совершенства, воплощенного в Граале.

История артуровского цикла в литературе соотносится и с развитием исторического романа. Недаром применительно к «артуровским» романам XX в. исследователи используют словосочетания «исторический вымысел», «историческое фантази», «постмодернистская фантастическая историография» (F. Jameson), «псевдоисторический роман» (Ж. Л. Ширяева). Словно желая подчеркнуть «правдивость» описываемых событий, романы фэнтези часто изобилуют многочисленными паратекстами в виде хронологий, генеалогических таблиц, списка пантеонов богов и географических карт. Однако весь этот, подчас энциклопедический арсенал, стремится не столько придать историческую достоверность описываемым событиям, нежели обеспечить внутреннюю связь воображаемого мира. По мнению А. Горжиевски, «автор, как некий демиург, творит собственный мир, который должен быть предельно точен, дабы автор мог передвигаться по нему спокойно и уверенно» [Gorgievski 2002, с. 25].

Вымышленное при этом соединяется с реальным, историческим: детальные описания гербов, средневекового оружия соседствуют со средневековым бестиарием и магией. Историческая реконструкция происходит на нескольких уровнях: эффект реальности происходящего достигается за счет воссоздания прошлого при помощи реалистичных элементов, которые воспринимаются как исторические. Однако использование исторических костюмов, оружия, гербов воображаемых чудовищ, воскрешает прошлое не в форме чисто реалистической, а как некую реликвию. При этом, в отличие от исторических романов об эпохе Средневековья, авторы произведений фантастических не ставили перед собой задачу всестороннего осмысления движущих сил истории. Как отмечает Ж. Л. Ширяева, задача автора заключалась в том, чтобы «стереть какую-либо дистанцию между прошлым и настоящим, показать, что у описываемого прошлого века и современности одинаковые проблемы, что ничего не меняется с течением времени» [Ширяева 2008, с. 10].

Роман Р. Баржавеля «Чародей» (1984) является одним из немногих произведений французской фантастической литературы жанра фэнтези, где обнаруживается четкая корреляция со средневековой символикой чудесного. Одновременно с этим автор превращает Средневековье в некое синкретическое единство мифологии, истории

и современности, изобилующее географическими и временными анахронизмами. Функция анахронизмов в художественном пространстве продиктована авторским намерением психологически сблизить историческую эпоху и современность, сделать исторических персонажей ближе и понятнее современному читателю.

Все анахронизмы, используемые Р. Баржавелем, условно можно разделить на три группы: *анахронизмы гротескно-бытовые*, представляющие собой внедрение реалий XX в. в средневеково-сказочный мир, *анахронизмы лингвистические* и *анахронизмы эпистемологические*, смещающие, в отличие от исторических интерпретаций, легенды, систему средневековых образов к современной концепции чудесного.

Лингвистические анахронизмы в романе «Чародей» выявляют серьезную стилистическую и лингвистическую работу автора по воссозданию средневекового колорита. Он воскрешает сцены средневековой жизни (турниры, посвящения в рыцари), а некоторые слова употребляет в их изначальной, устаревшей форме. Например, слона он называет «олифантом» (*oliphant*), а кузнеца «ковалем» (*fèvre*). Чтобы обозначить корабли, на которых его герои перемещаются из одного мира в другой, Баржавель использует слово «челн» (*la nef*). Однако постоянная рефлексия автора над своим текстом и его стратегия саморазоблачения, в рамках которого подчеркивается литературность написанного, позволяет сохранять дистанцию между текстом и читателем. Желая быть прочитанным и понятым, Баржавель стремится быть посредником и проводником в создаваемом им мире: «В это время... что это означает в это время»? Какое такое время?» / «En ce temps là... Qu'est-ce ça veut dire «ce temps là?» Quel temps-là?» [Barjavel 2012, с. 39]. Подчас автор пускается в разъяснения лингвистических или исторических реалий, объясняя, например, что слово *ужин* (*souper*) происходит от названия блюда, которое имели обыкновение подавать вечером, а название деревни *Folle Pensée* произошло вследствие лингвистической деформации словосочетания *Fol Pansé* (*излечившийся безумец*) [Barjavel 2012, с. 67].

Еще одним приемом, свойственным фантастической литературе в целом и фэнтези, в частности, является гротеск, т.е. соединение фантастического и реально-бытового в едином образе. В романе «Чародей» это реализуется также при использовании *гротескных анахронизмов*. Перенесение реалий в Средневековье также порождает комический эффект и обнаруживает связь «фентэзийного» с научно-

фантастической литературой. В одной из сцен Мерлин решает помочь голодающим жителям средневековой деревни и дарит им современный супермаркет:

C'était la vieille mesure de Joel ... qui se trouvait reconstruite et transformée. Son mur du devant était remplacé par un grande vitre toute transparente qui laissait voir à l'intérieur des rangées de casiers pleins de boîte ... Et une pile de paniers en fil de fer, pour se servir et emporter [Barjavel 2012, с. 279].

Это была старая лачуга Жоэля, которая в одночасье преобразилась. Ее передняя стена превратилась в абсолютно прозрачное стекло, сквозь которое можно было увидеть ряды полок, уставленных консервами... А рядом высились груды металлических корзинок, чтобы в них можно было все это сложить и унести¹.

Однако Баржавель использует гротескные анахронизмы не только для того, чтобы вызвать у читателя улыбку и актуализировать таким образом мифическую эпоху короля Артура. Временам, когда люди жили в согласии с природой, а леса и водоемы населяли боги и духи, автор противопоставляет современную техногенную цивилизацию, уничтожающую природу и несущую, тем самым, зло и разрушение. Поэтому, когда в романе Баржавеля дьявол решил помочь Моргане построить ее дворец в Долине без Возврата, куда она завлечет Ланселота и других рыцарей, то делает он это с помощью современной техники:

Derrière les missile, vinrent les bulldozers, les arracheurs, les excavateurs, les compresseurs, les aplanisseurs... Le ciel était noir de fumées, gris de poussières, rouge de flammes [Barjavel 2012, с. 308].

После снарядов настала очередь бульдозеров, копателей, экскаваторов, компрессоров, нивелировщиков <...>. Небо почернело от дыма, стало серым от пыли и красным от языков пламени».

Однако наибольший интерес представляют *анахронизмы эпистемологические*, заключающиеся в авторском переосмыслении канонических тем и сюжетов. Например, тема Грааля в романе «Чародей» не представляется сугубо «христианской», какой она являлась с XII в., а оказывается обогащена кельтскими и более общими фольклорными чертами. Изначально Грааль в романе Баржавеля является простой глиняной чашей, изготовленной Евой, чтобы собрать кровь Адама, сочащуюся из его ребра после ее сотворения. Как остроумно

¹ Зд. и далее перевод наш. – К. А.

сообщает автор, хозяйственная Ева использовала Грааль в эдеме в качестве посуды, чтобы «*puiser l'eau de la source ou récolter les cerises et les amandes <...>. Et les pommes aussi bien sur*» [Barjavel 2012, с. 21]. (*Зачерпывать воду из источника или собирать вишни и миндаль. Ну и, конечно же, яблоки*). Эта юмористическая ремарка, превращающая священнейшую европейскую реликвию в корзину для фруктов, не столько десакрализует миф для создания комического эффекта, сколько позволяет Баржавелю отступить от сугубо христианского толкования мифологии. С помощью подобной диалектической интерпретации, автор старается уравновесить все наиболее популярные гипотезы генезиса Грааля. Баржавель не стремится ни к истолкованию символов, ни к воспроизведению библейских сказаний: убежденный в том, что в основе каждой религии лежит некое откровение, соприкосновение человека с божественным, сверхъестественным, Баржавель стремится объяснить это простыми словами своим современникам, пользуясь в качестве модели, артурианским мифом.

Персонажи, легенды претерпели сквозь века существенные трансформации, ровно как и их имена. Дева озера Вивиан лишается всей средневековой амбивалентности и не представляет угрозы ни для Мерлина, ни для других персонажей. По мнению О. Вокансон, «Баржавель сохраняет присущий Ниниан эротизм, однако обогащает ее образ современным представлением о женской сексуальности, нейтрализуя, тем самым, традиционный демонизирующий женскую чувственность подход: Вивиан не только сама является объектом желания, но и стремится к обладанию любимым» [Vocanson 2018, с. 54]. Авторское намерение лишить образ Вивиан отрицательных коннотаций с наибольшей силой проявляется в знаменитом эпизоде легенды, связанном с похищением младенца Ланселота после гибели его отца. В отличие от средневековых текстов, Вивиан не сама похищает младенца, а действует по просьбе Мерлина, являясь тем самым орудием судьбы, предначертанной Ланселоту. Когда же, к примеру, она становится приемной матерью Ланселота, то она кормит его грудью и настолько тщательно оберегает от возможных угроз, что ее излишняя забота напоминает современную гиперпортекцию.

В целом нужно признать, что анахронизмы являются в романе Р. Баржавеля «Чародей» фактически самостоятельным стилистическим приемом. Наряду с другими литературными приемами, этот подход позволяет автору наиболее эффективно реализовать одно из

ключевых свойств литературы фэнтези, а именно – слияние и взаимопроникновение в художественном пространстве исторических, мифологических и современных реалий, продиктованное двоякой целью: сделать канонические темы и сюжеты понятными современному читателю, а также выступить с критикой современного мира, противопоставляя ему, идеализированную средневековую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ширяева Ж.Л.* Легенда о короле Артуре в английском романе XX века: на материале романов Т. Уайта и М. Стюарт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 25 с.
- Barjavel R.* L'Enchanteur. Paris : Edition Denoel, 2012. 470 p.
- Gorgievski S.* Le Mythe d'Arthur, de l'imaginaire médiéval à la culture de masse. Liège, éd. du Céfal, 2002. 232 p.
- Vocanson A.* Entre héritage et renouvellement : Viviane dans L'Enchanteur de René Barjavel : mémoire de maîtrise. Université de Lausanne, 2018. 99 p. URL: serval.unil.ch/resource/serval:BIB_S_26744.P001/REF.pdf (date of access 15.12.2018).

E. A. Kogalova

Candidat ès lettres (PhD en phonétique)
Professeure agrégée
Département de la phonétique et de la grammaire française
Faculté de la langue française, MSLU
e-mail :koelena05@mail.ru

SUR LA SPÉCIFICITÉ DU BON USAGE DE LA PRONONCIATION DANS LE MONDE MODERNE

L'article en question traite les problèmes liés aux règles normatives au niveau phonétique et aux différentes variantes de la norme de la prononciation, en fonction des facteurs linguistiques et extralinguistiques.

Dans le monde d'aujourd'hui, malgré le développement rapide des technologies de communication, le discours oral reste la base de la communication humaine, et donc le rôle de la prononciation correcte ne diminue pas. L'importance de la culture de la communication verbale ne peut pas être sous-estimée, car la communication nécessite la capacité de transmettre des pensées - par les moyens de la langue - correctement, d'une manière expressive et précise pour toucher le public, assurer le contact et la compréhension mutuelle. Pour maîtriser la langue en général, et la prononciation en particulier, il est important d'avoir une connaissance non seulement de ce qui est considéré comme correct, normatif, acceptable, mais aussi des phénomènes qui se trouvent en dehors de la norme, c'est-à-dire des phénomènes qui doivent être évités. Il est nécessaire d'avoir une idée des qualités communicatives du discours, à travers lesquelles le plus grand effet positif est atteint dans la communication verbale.

Cet article décrit les facteurs qui affectent la prononciation, tels que l'âge des locuteurs, le sexe, la situation socio-professionnelle, géographique, la situation de la communication, et examine les critères de la norme de prononciation de la langue française aux différentes époques.

Les données obtenues au cours de la recherche auditive sont analysées du point de vue des facteurs linguistiques qui influent sur la perception du discours et contribuent à la définition de celui-ci comme le plus ou le moins réussi sur le plan phonétique.

Mots-clés: bon usage de la langue; traits communicatifs de la parole; orthoépie; norme; variantes de la norme; styles de la langue; le français; analyse auditive.

E. A. Kogalova

PhD, Associate Professor
Department of French Phonetics and Grammar
Faculty of French Language, Moscow State Linguistic University
e-mail: koelena05@mail.ru

ON THE SPECIFICS OF PRONUNCIATION CULTURE IN THE MODERN WORLD

This article is devoted to the problems associated with the norms of oral speech at the phonetic level and with different variants of the pronunciation norms depending on linguistic and extralinguistic factors.

In today's world, despite the rapid development of communication technologies, oral speech remains the basis of human communication, and therefore the role of correct pronunciation is not reduced. The importance of the culture of verbal communication cannot be underestimated, as communication requires the ability to accurately, correctly and expressively convey their thoughts by means of language, successfully influencing the audience, providing contact with it, mutual understanding. To master the culture of speech in general and the culture of pronunciation, in particular, it is important to have knowledge not only about what is evaluated as correct, normative, acceptable, but also about the phenomena that lie outside the norm, that is, about those phenomena that should be avoided. It is necessary to have an idea of the communicative qualities of speech, with which the greatest effect is achieved in verbal communication.

This article touches upon the discussion of such factors that affect the pronunciation, as the age of speakers, gender, socio-professional, geographical location, the situation of communication, as well as the criteria of the norm of pronunciation of the French language in different time periods.

The data obtained in the course of auditory observations are presented, linguistic factors influencing the perception of speech and contributing to the definition of it as the most or least successful in phonetic terms are analyzed.

Key words: culture of speech; communicative qualities of speech; culture of pronunciation; norm; variants of norm; styles of language; French; auditive analysis.

La langue est très mobile et réagit à tous les changements qui se produisent dans la société. Malgré le développement rapide des technologies de communication, le discours oral reste la base de la communication humaine, et donc le rôle de la prononciation correcte ne diminue pas. En conséquence, les fautes orthographiques peuvent interférer avec la perception du contenu de la parole, car en cas de déviation de la prononciation standard, le public est distrait du sens et prête attention au côté externe, c'est-à-dire sonore, de la parole.

Si le locuteur respecte toutes les règles de prononciation acceptées dans cette communauté linguistique, son discours (à l'exception des données sur le sexe et l'âge) ne porte pas d'autres informations que celles contenues dans les unités linguistiques. Si le locuteur s'écarte des normes admises, les caractéristiques phonétiques et intonatoires permettent de juger le locuteur (son appartenance territoriale et dialectale, son origine sociale, son lieu de naissance, son degré de maîtrise de la langue littéraire, l'éducation, la profession) aussi bien que la nature du texte prononcé (temps de création, appartenance à un certain style, genre, destination).

Quelques questions de la norme

Les questions liées au fonctionnement et à l'évolution de la langue, de la norme et de ses variantes, aux traits communicatifs de la parole sont traitées par une discipline scientifique autonome telle que la « culture du discours » (« le bon usage de la langue »).

Dans le processus d'activité vocale, le locuteur et l'auditeur font attention au discours lui-même, à l'utilisation des moyens linguistiques, au style de déclaration et, par conséquent, évaluent le discours. Si au niveau de l'exactitude linguistique, le discours est considéré comme correct ou incorrect, alors au niveau de la culture de la parole il est caractérisé comme le meilleur ou le pire, approprié, précis, logique, expressif, etc., cela signifie que l'un des aspects importants de la culture de la communication verbale est l'étude des traits communicatifs du discours, car ils sont nécessaires pour influencer l'audience.

Dans de différentes langues, diverses qualités de la parole sont importantes. La langue française est caractérisée par la clarté ou la logique, la précision ou la finesse, la sobriété ou la concision, la tenue ou dignité, l'élégance ou l'euphonie [Guillorel 1995, p. 333–348].

Au niveau phonétique, la prononciation littéraire correcte, celle qui conforme aux normes orthoépiques acceptées est très importante. La logique du discours est exprimée par l'utilisation accrue d'accents logiques supplémentaires. La brièveté de la parole peut être obtenue en laissant tomber des voyelles et des consonnes, ainsi que des syllabes entières. L'expressivité du discours est créée par une prononciation claire et nette, parfois par la prononciation syllabique, et des pauses habilement disposées en combinaison avec un accent d'insistance émotionnel, qui ne change pas le contenu principal de l'énonciation, mais l'affine, renforce certains éléments; dans l'expressivité de la parole l'intonation joue un grand rôle

(elle est le meilleur moyen de transmettre des sentiments et des relations émotionnelles), en outre, les changements d'intonation rendent le discours plus diversifié. Il convient également d'accorder l'attention au rythme de la parole, à la force de la voix, à la hauteur du son de la parole, au timbre de la voix [Golovin1980; Ivanova-Lukyanova 2003].

Variantes de la norme

L'emploi des moyens linguistiques dépend non seulement des buts et objectifs de la communication, mais aussi des caractéristiques du fonctionnement de ces moyens dans un certain style. Cela signifie que la maîtrise de la culture de la parole implique la maîtrise de différentes variantes à différents niveaux de la langue, car aucune langue ne peut être représentée sous la forme d'un ensemble unique de règles. Les variantes peuvent être associées à des paramètres temporaires (anciennes / nouvelles variantes-variation diachronique) ; à la position géographique (variantes de différentes régions – variation diatopique) ; aux différences sociales (sociolectes – variation diastratique) ; aux situations de communication (variantes relatives à différents styles ou registres – variation diaphasique) [Moreau 1997, p. 283]. Ainsi, les linguistes constatent que les variantes dépendent de nombreux facteurs : l'âge des locuteurs, le genre, le facteur socio-professionnel, la famille, la situation géographique, la religion, le degré de connaissance d'autres langues, le degré de connaissance des médias, le facteur de situation, le temps, etc. [Gadet 1989; Boyer 1991; Léon 1997; Moreau 1997].

Maîtriser bien la langue signifie non seulement utiliser le vocabulaire varié et la syntaxe correcte et être en mesure d'adapter son énoncé à la situation communicative, mais cela signifie aussi prononcer correctement les sons et les éléments prosodiques [Billières, Borell 1990]. C'est de ce point de vue que les interlocuteurs évaluent les uns les autres. Le respect de l'uniformité dans la prononciation est important, car il facilite et accélère le processus de communication. Les scientifiques notent que la façon dont une personne prononce n'est plus son affaire personnelle, mais intéresse tous ceux qui l'écoutent [Malmberg 2002, p. 119].

Les recherches qui se spécialisent sur les particularités de la prononciation dans le domaine du genre sont de plus en plus populaires. Par exemple, en français le discours féminin est considéré plus correct, ce qui se lie à la volonté de parler conformément aux normes de la langue littéraire, et par conséquent avoir une plus grande influence sur la génération

à venir. Les femmes sont plus précises dans le respect des oppositions vocaliques (p.ex. voyelles ouvertes / fermées), que les hommes qui «ouvrent» souvent les sons fermés ; cependant, là où il y a un choix entre, par exemple, le [ɛ] ouvert et le [e] fermé, les Françaises préfèrent prononcer le [ɛ] ouvert, considérant ce son plus beau et esthétique ; les femmes de la génération plus âgée dans la position finale distinguent l'opposition des voyelles brèves et longues [i] – [i:], [u] – [u] – [u:] ; les femmes réalisent le [ɛ] trop ouvert devant [r], avant la pause et à la fin de l'énoncé ; on peut entendre des [ə] caduc dans le discours féminin plus souvent que dans celui des hommes ; des consonnes à la fin des mots et dans des liaisons sont également prononcées plus clairement par les femmes, tandis que les hommes «avalent» souvent des consonnes ou les assourdissent lors de la prononciation ; dans la perception des nuances émotionnelles, les femmes accordent plus d'attention à l'intonation que les hommes. Il a été noté que les femmes ont un plus grand potentiel d'émotivité dans un discours neutre (en raison de la coupe du dessin mélodique, du changement des registres, ainsi que de la labialisation, de la nasalisation), dans l'ensemble, le discours des femmes est plus riche en diversité intonative [Derivery 1997; Léon 1997].

Les différences dues à l'âge des locuteurs sont également d'intérêt pour l'étude. La parole de la génération de l'âge moyen est la plus diversifiée et se caractérise par une grande mobilité des éléments phonétiques. La génération plus âgée utilise plus souvent les variantes traditionnelles, dans le discours de la jeune génération de nouvelles tendances de prononciation sont tracées. Il est bien connu que, par exemple, l'opposition [a] d'avant – [a] d'arrière a disparu en faveur de [a] d'avant dans le discours de la jeune génération, mais persiste encore chez les personnes plus âgées ; l'opposition [ɛ] ouvert – [ɛ:] ouvert long dans la dernière syllabe fermée, maintenue dans la prononciation de la génération plus âgée, se manifeste moins souvent et plus faiblement chez les jeunes (*maître-maître; tette – tête*) ; dans l'opposition [o] fermé – [ɔ] ouvert dans la syllabe ouverte non finale, les jeunes préfèrent [o] fermé (*apogée, joli, volet*). Dans la prononciation de la jeune génération, il y a un « retour » de certaines consonnes non-prononcées, par exemple [p] dans *sculpteur, dompter* ou [l] final dans *baril, nombril* ; ainsi qu'une augmentation du ton à la fin des phrases [Boyer 1991; Derivery 1997; Léon 1997].

Si on parle des différences socio-professionnelles, on peut dire que les locuteurs natifs éduqués présentent la prononciation littéraire, normalisée.

Dans les groupes où la culture de la parole est plus élevée, il y a moins de phénomènes qui vont à l'encontre de la norme traditionnelle et parfois même il y a une tendance à l'adoption différenciée d'innovations. Par exemple, dans l'opposition [ɛ] ouvert – [e] fermé, le facteur « prestige » affecte le choix et conduit à la prononciation de [ɛ] ouvert. Les réalisations intonatives sont également indicatives, elles peuvent déterminer l'appartenance professionnelle du locuteur : les linguistes considèrent comme signes de supériorité la voix nasalisée, le ralentissement du rythme de la parole, de longues et nombreuses pauses [Boyer 1991; Derivery 1997; Léon 1997].

Les contrastes géographiques sont connus dans la prononciation française (le Nord– le Sud) : par exemple, dans le Sud, il n'y a pas d'opposition [ɛ] ouvert – [e] fermé, et dans le Nord, ces réalisations ne sont pas hétérogènes : cette opposition est réalisée chez les natifs des couches supérieures de la société et dans la communication officielle, elle ne se réalise pas pratiquement dans la communication informelle et chez la population ordinaire. Dans de nombreuses régions de la France, l'avant-dernière syllabe du groupe rythmique est allongée dans le langage courant et la prononciation populaire, ce qui s'accompagne de changements dans la composition mélodique, et le nombre d'accent d'insistance est inversement proportionnel au degré d'archaïsme du discours.

La norme linguistique, en tant que concept central dans la théorie de la culture de la parole, est objective, reflétant l'état moderne de la langue. En règle générale, la norme sélectionne ce qui est déjà disponible dans le système ou est potentiellement posé, donc la notion de norme est étroitement liée à la notion des variantes dont la richesse extraordinaire est contenue dans le système de la langue.

Il existe des variantes qui sont acceptées par la norme et celles qui sont inacceptables. En français, des exemples bien connus comme *mœurs* [mœ:r] et [mœrs], *but* [by] et [byt], *fait* [fɛ] et [fet], *joug* [ʒu] et [ʒug], *second* [sə-gɔ̃] et [zgɔ̃], *donc* [dɔ̃] et [dɔ̃:k], *exact* [eg-za] et [eg-zakt] sont parmi les variantes acceptables. Parmi les variantes non valides : *bourg* [bu:r] comme [burg], *franc* [frɑ̃] comme [frɑ̃:k], *tabac* [ta-ba] comme [ta-bak].

Cependant, la norme n'est pas seulement un choix entre différentes variantes, mais aussi l'utilisation des moyens linguistiques de manière adéquate dans la situation de communication.

Le noyau de la norme phonétique est unique pour tous les styles, mais puisque le langage accomplit sa fonction communicative dans

différents domaines de communication et styles de diverses manières, la norme s'y manifeste différemment. La modification des conditions de communication a un impact sur toutes les caractéristiques phonétiques des unités linguistiques : sur les caractéristiques acoustiques des sons (longueur des voyelles et consonnes, ellipse des sons, etc.) ; sur les caractéristiques prosodiques (vitesse de prononciation, niveau de tonalité du texte, fréquence des pauses, répartition des accents, etc.). Par exemple, dans un style parlé l'omission des voyelles, des consonnes et des syllabes entières est assez fréquente : *peut-être* [ptɛt], *c'est possible* [sɛ-pɔ-sib], *elle vient* [ɛ-vjɛ], *il y en a plus* [jã-na-py], *quelque chose* [kɛk-ʃoːz] ; on observe l'absence de liaison : *j'y suis # allé* ; *de plus # en plus* ; on utilise beaucoup de pauses remplies d'éléments *euh*, *bien*, *bon*, *donc*, *alors*, *enfin*, *et bien* passe souvent à « *ben* », *mais alors* à « *malor* », *mais enfin* à « *menfin* », etc. Le style soigné ne permet pas une telle prononciation, au contraire toutes les règles de la prononciation des sons sont strictement respectées, ainsi que celles de l'emploi des liaisons des contours mélodiques.

Modèles de la prononciation

Il est bien connu que les Français sont sensibles à la façon dont les autres prononcent et croient que parler bien est, tout d'abord, bien prononcer. Cependant, le modèle normatif de la prononciation changeait au fil des siècles.

Jusqu'au milieu du XXème siècle en France, le modèle normatif de la prononciation était présenté par la prononciation des couches éduquées de la société parisienne (« *le français parisien cultivé* »), comme en témoignent les études de plusieurs linguistes, par exemple, F. Martinon écrit : « le français à conseiller à tous est celui de la bonne société parisienne » ; P. Fouché précise : « avec le régime de décentralisation que nous vivons depuis des siècles, Paris est reconnu, consciemment ou non, par tous les Français, comme le modèle du bon ton dans les questions de langage et les autres » [Billières 2015].

Depuis le milieu des années 60, ce modèle est soumis à une critique partielle et se transforme progressivement en un nouveau modèle « le français standard », présenté par la prononciation des annonceurs de la radio et de la télévision, ce que P. Léon souligne « ... il existe une prononciation standard dont le niveau moyen est grosso modo représenté par les annonceurs et les interviewers de la radio <...> leur prononciation reflète l'usage moyen, sans recherche (pour plaire au grand public) et sans familiarité (à cause du micro) » [Léon, 1966].

Un peu plus tard apparaît le « Dictionnaire de la prononciation française dans son usager » (A. Martinet et H. Walter, 1973), qui confirme la diversité de la prononciation française, à la fois phonétique et phonologique, ce qui provoque l'apparition et la diffusion du nouveau modèle « le français standardisé » au début des années 80. Le nouveau concept de la norme de prononciation reflète la prononciation dans toute la France à l'intérieur de ses frontières européennes et comprend les caractéristiques de la prononciation de la population ordinaire (à l'exception des caractéristiques régionales trop spécifiques).

Depuis le début des années 2000, le modèle « le français de référence » est mis en place, couvrant toutes les grandes villes. Dans les travaux des linguistes français concernant la prononciation normative, il est indiqué que le concept même de « norme française » contient dans l'esprit des locuteurs natifs des éléments différents et qu'il n'y a pas de concept de « norme homogène ». Il est erroné de penser que la « norme française » représente une langue française unique et que tous les Français parlent cette langue standard. Selon le degré de culture linguistique du locuteur le « standard » lui-même peut être considéré comme moyen, recherché ou familier. Du point de vue géographique, « le français sans accent », « le français normal », est la langue française que les Français reconnaissent comme non marquée au niveau régional, même s'ils ne peuvent pas reproduire eux-mêmes cette prononciation [Rittaud-Hutinet 2011].

Données de l'étude expérimentale

Au cours de notre étude expérimentale nous avons pu identifier des facteurs qui ont influencé les auditeurs dans le choix du discours – le plus et le moins réussi du point de vue phonétique. Le corpus expérimental a été composé des émissions de télévision (genre « discussion », « table ronde »¹), qui représente un des types les plus fréquents dans les médias (la parole des participants n'est pas un discours préparé, ce qui permet de dire que les participants contrôlent moins leur comportement vocal, mais le discours devant un grand public doit rester quand même élaboré).

À la suite de l'analyse auditive deux participants dans chaque émission ont été choisis, l'un présentait la meilleure prononciation et l'autre – la

¹ « Culture et dépendances » (France 3 – 2001, 2002, 2003), « Vie privée, vie publique » (France 3 – 2002, 2003), « Campus, le magazine de l'écrit » (France 2 – 2001, 2003), « On n'est pas couché » (France 2 – 2013, 2014), « Tout compte fait » (France 2 – 2014, 2015), « Ce soir (ou jamais!) » (France 2 – 2014, 2015, 2016).

moins efficace sur le même plan, et les critères du choix des auditeurs ont été également analysés.

Lors de l'évaluation du discours « positif », le facteur le plus fort est l'articulation minutieuse ; le rythme du discours est aussi primordial, caractérisé comme optimal, moyen, ni rapide, ni lent ; le rôle important appartient au mouvement de la mélodie dans les phrases, et il a été noté que plus l'intonation est diversifiée, plus le discours est réussi ; le timbre de la voix importe de même, il a été décrit par les auditeurs comme grave, profond, clair, ensoleillé, joyeux, doux, en général agréable et non agressif ; les pauses correctement placées, le manque de pauses d'hésitation et la distribution appropriée des accents d'insistance de nature différente (logique et émotionnelle) ont été perçus positivement.

Pendant la détermination de la version moins réussie, les critères d'évaluation de la parole sont des phénomènes phonétiques pratiquement opposés : l'articulation relâchée, floue ; la présence d'un grand nombre de pauses d'hésitation et de pauses remplies de divers éléments tels que *et cetera*, *bon*, *c'est-à-dire*, *enfin*, *je veux dire*, *si vous voulez*, *toc*, *je sais pas*, *ah*, et des gestes insignifiants ; un certain nombre d'autres caractéristiques sonores (l'assourdissement des consonnes, l'ellipse des voyelles et des consonnes, l'allongement des sons finaux).

Ainsi, les résultats de l'étude expérimentale confirment le rôle important des niveaux phonématique et prosodique de la langue, montrent que la bonne construction sonore du texte reste une exigence indispensable d'une culture de la parole et que des informations significatives peuvent ne pas trouver une compréhension appropriée auprès des auditeurs, étant mal exprimées du point de vue phonétique.

Il convient de rappeler que dans l'esprit du locuteur, un certain modèle de prononciation « standard » est fixé, basé sur les règles de l'orthoépique et ayant de nombreuses réalisations en fonction de la situation de communication.

Avec un développement constant de la langue se produisent des changements dans des variantes de prononciation, et la prononciation, qui peut être considérée comme une référence, change. Souvent, l'appréciation de la parole au niveau phonétique est intuitive et se base sur un instinct linguistique des locuteurs. Cependant, la culture de la communication verbale et la culture de la prononciation sont une partie importante de la culture générale de l'homme, sans laquelle à l'heure actuelle toute information intéressante peut passer inaperçue ou même incompréhensible, n'étant pas phonétiquement claire, explicite et précise.

BIBLIOGRAPHIQUES

- Billières M., Borell A.* Quelques problèmes soulevés par les différentes variétés d'accents dans les méthodes de français langue étrangère // *Revue de phonétique appliquée*. 1990. # 94.
- Billières M.* La norme phonétique en français // *Phonétique générale*. 2015.
- Boyer H.* *Eléments de sociolinguistique. Langue, communication et société*. P. : Dunod, 1991.
- Derivery N.* *La phonétique du français*. P. : Seuil, 1997.
- Gadet F.* *Le français ordinaire*. P. : Colin, 1989.
- Golovin B. N.* *Osnovy' kul'tury' rechi*. M. : Vy'sshayashkola, 1980.
- Guillourel H.* *La politique entre la purification et le laisser-aller linguistiques // La qualité de la langue? Le cas du français. Textes réunis par J.-M. Eloy*. P. : Champion, 1995.
- Ivanova-Luk'yanova G. N.* *Kul'tura ustnoj rechi : intonaciya, pauzirovanie, logicheskoeudarenie, temp, ritm*. M. : Flinta : Nauka, 2003.
- Léon P.* *Prononciation du français standard*. P. : Didier, 1966.
- Léon P.* *Précis de phonostylistique*. P. : Nathan, 1997.
- Malmberg B.* *La phonétique*. P., 2002.
- Mangin Cl.* *Culture de la communication*. P. : L'homme et la société, 2013.
- Moreau M.-L.* *Variation // Moreau M.-L. Sociolinguistique. Les concepts de base*. Mardaga : Sprimont, 1997.
- Rittaud-Hutinet Ch.* *Parlez-vous français ? Le cavalier bleu*. 2011.

УДК 811.133.1

О. А. Кулагина

кандидат филологических наук
доцент кафедры романских языков им. В. Г. Гака
Московского педагогического государственного университета
e-mail: lynxik@yandex.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДВОЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ НАТАЛИ САРРОТ (на материале романа «Детство»)

Роман Натали Саррот «Детство» («Enfance», 1983) является одним из многих текстов, где писательница раскрывает свою двойственную (русско-французскую) культурную идентичность. В статье рассматриваются основные языковые средства изображения двойственной идентичности, в частности будут показаны лексико-грамматические и стилистические приемы, используемые автором для передачи идеи принадлежности либо «инаковости» по отношению к русской или французской культуре. На основании лингвистического анализа делаются выводы о потенциальном доминировании той или иной культуры при самоидентификации автора в романе.

Ключевые слова: культурная идентичность; «инаковость»; языковая репрезентация; Натали Саррот; русская культура; французская культура.

O. A. Kulagina

PhD. (Philology), Associate Professor
Moscow State Pedagogical University
Department of Romance Languages V. G. Gak
e-mail: lynxik@yandex.ru

LINGUISTIC REPRESENTATION OF DUAL CULTURAL IDENTITY IN NATHALIE'S SARRAUTE WORKS (at the example of «Childhood»)

Nathalie Sarraute's novel «Childhood» («Enfance», 1983) is one of the few texts where the writer reveals her dual (Russian-French) cultural identity. The article deals with the main linguistic means of the image of dual identity, in particular, lexico-grammatical and stylistic techniques used by the author to convey the idea of belonging or otherness in relation to Russian or French culture. On the basis of linguistic analysis we make some conclusions about the potential dominance of a culture in the self-identification of the author in the novel.

Key words: cultural identity; otherness; linguistic representation; Nathalie Sarraute; Russian culture; French culture.

Проблема идентичности составляет предмет исследования в равной степени философии, социологии, лингвистики, культурологии и т. д. Однако можно утверждать наверняка, что идентичность отражает как различия, так и сходство между индивидами либо культурами [Drouin-Hans 2006, с. 17]. В этой связи представляется важным разграничение, которое подчеркивал П. Рикёр между идентичностью тождества (*l'identité-idem*, или же *la mêmeté*), которая обозначает принадлежность индивидов или объектов к одной категории, и идентичностью «самости» (*l'identité-ipse*, или *l'ipséité*), подразумевающей, скорее, осознание себя как части некоей группы [Ricoeur 1990, с. 13]. Эти аспекты идентичности интересуют нас в равной степени, с учетом специфики материала нашего исследования. Культурную идентичность в данной статье мы будем рассматривать в тесной связи с идентичностью языковой, так как лингвистическая принадлежность представляет собой один из важнейших факторов идентичностного становления индивида – таким образом, принадлежность к той или иной культурной группе в значительной степени определяется выбором языкового кода [Blanchet, Francard 2010, с. 159].

Языковую и культурную идентичность французской писательницы Натали Саррот (настоящее имя – Наталья Черняк, 1900–1999 гг.) с полным правом можно определить как двойственную. Саррот родилась в г. Иваново-Вознесенск (ныне Иваново) Российской империи, но уже в возрасте восьми лет она окончательно переезжает в Париж к отцу, что существенным образом повлияет на становление ее культурной идентичности. Отметим, что писательница, обычно не склонная раскрывать подробности своей автобиографии и своего мировосприятия как перед читателями, так и перед журналистами, и чьи тексты отличаются безликостью, анонимностью рассказчика, делает исключение для романа «Детство» («Enfance», 1983). Роман написан в форме непрерывного диалога между автором и ее вторым «я» и примечателен трансформацией фигуры рассказчика: если в автобиографических художественных произведениях она обычно распадается на оппозицию «взрослый – ребенок», то в романе Саррот происходит «раздвоение» уже взрослой рассказчицы (причем рассказчик в данном случае полностью идентичен автору), которая словно вступает в противоречие сама с собой [Savéan 1998, с. 303]. Если одна ее ипостась стремится воскресить и удержать в памяти далекое прошлое, то вторая демонстрирует определенный критический настрой относительно

успешности этой затеи. Подобное нарративное расслоение, очевидно, усиливает эффект культурной амбивалентности самой Саррот.

Анализ репрезентации двойственной идентичности в романе «Детство» мы начнем с изображения России и, соответственно, русской культурной идентичности писательницы. Сразу бросается в глаза повествование в настоящем времени – этот грамматико-стилистический прием создает эффект действия, которое разворачивается здесь и сейчас, на глазах у читателя. Также следует отметить, что в тексте преобладают предложения, заканчивающиеся многоточием, что создает впечатление незавершенности мыслей рассказчицы и недостаточной четкости ее воспоминаний. Однако впечатление это обманчиво: воспоминания рассказчицы (вернее, по сути, обеих рассказчиц) удивительно точны и практически не подвержены воздействию времени, хотя с момента повествования до публикации романа прошло, как мы можем судить, немало лет и даже десятилетий. В качестве подтверждения этого тезиса приведем несколько примеров из текста:

1. Tout a conservé son exquise perfection : la vaste maison familiale pleine de recoins, de petits escaliers... la « salle », comme on les appelait dans les maisons de la vieille Russie, avec un grand piano à queue, des glaces partout, des parquets luisants, et tout le long des murs des chaises couvertes de housses blanches... La longue table de la salle à manger où à chacun des bouts sont assis, se faisant face, se parlant de loin, se souriant, le père et la mère, entre leurs quatre enfants, deux garçons et deux filles... <...> Les domestiques sont comme il se doit gentiment familiers et dévoués... Rien ne manque... même la vieille « niania » douce et molle dans son châle et ses jupes amples [Sarraute 1998, c. 32–33].
2. Comme dans une éclaircie émerge d'une brume d'argent toujours cette même rue couverte d'une épaisse couche de neige très blanche, sans trace de pas ni de roues, où je marche le long d'une palissade plus haute que moi, faite de minces planchettes de bois au sommet taillé en pointe... – C'est ce que j'avais prédit: toujours la même image, interchangeable, gravée une fois pour toutes. – C'est vrai. Et en voici une autre qui apparaît toujours au seul nom d'Ivanovo... celle d'une longue maison de bois à la façade percée de nombreuses fenêtres surmontées, comme de bordures de dentelle, de petits auvents de bois ciselé... les énormes stalactites de glace qui pendent en grappes de son toit étincellent au soleil... la cour devant la maison est couverte de neige... Pas un détail ne change d'une fois à l'autre. J'ai beau chercher, comme au « jeu des erreurs », je ne découvre pas la plus légère modification [Sarraute 1998, c. 41–42].

3. Cette maison-là, je n'ai pas pu la regarder... J'ai voulu conserver la mienne... Elle est demeurée pour moi telle qu'elle m'apparaissait, blottie au creux de cette ville, au coeur de ces hivers, la condensation de leurs transparences bleutées, de leurs scintillements... [Sarraute 1998, c. 77].

В приведенных примерах мы можем наблюдать повтор глагола *conserver*, а также элементы лексико-семантического поля «перемены» (такие, как *changer, modification*), сопровождаемые отрицаниями. Помимо этого, неизменный характер воспоминаний рассказчицы подчеркивается повтором лексемы *toujours* и метафорическими эпитетами с оттенком гиперболизации *inchangeable, gravée une fois pour toutes*. В то же время метафоры *brume, transparences, scintillements* показывают, что, как это ни парадоксально, детские воспоминания рассказчицы представляют собой нечто хрупкое, и что сама рассказчица относится к ним крайне бережно, пытаясь сохранить в памяти любое проявление своей русской культурной идентичности. Приведем примеры из романа, которые демонстрируют это стремление рассказчицы:

4. Aucune maison au monde ne m'a jamais paru plus belle que cette maison. Une vraie maison de conte de Noël... et qui de plus est ma maison natale [Sarraute 1998, c. 42].
5. Après j'ai mis hors de sa portée les boîtes russes en bois gravé, la ronde et la rectangulaire, le bol en bois peint, je ne sais plus quels autres trésors à moi, personne d'autre que moi ne connaît leur valeur, il ne faut pas que vienne les toucher, que puisse s'en emparer ce petit être criard, hagard, insensible, malfaisant, ce diable, ce démon... [Sarraute 1998, c. 186].

Значимость воспоминаний о России для рассказчицы показана, в первую очередь, посредством гипербол *aucune maison au monde ne m'a jamais paru plus belle que cette maison, une vraie maison de conte de Noël* и *je ne sais plus quels autres trésors à moi*. Отдельно отметим описание сводной сестры Саррот, от которой, собственно, та прячет свои «сокровища»: здесь мы можем видеть и перифразу *ce petit être*, и восходящую градацию эпитетов *criard, hagard, insensible, malfaisant*, и гиперболы с ярко выраженной негативной коннотацией *ce diable, ce démon*. Все эти приемы призваны показать всю интенсивность реакции рассказчицы, когда кто-то (пусть даже это член семьи) пытается посягнуть на память о ее жизни в России.

В то же время жизнь во Франции неизбежно накладывает свой отпечаток на мировосприятие рассказчицы и способствует

формированию у нее новой культурной идентичности. Эта амбивалентность наиболее заметна в романе при репрезентации двуязычия рассказчицы. Сама Саррот всю жизнь писала только на французском и даже называла его своим «первым языком» [Zanoaga-Rastoll 2016]. В связи с этим представляется логичным, что чужие языковые способности она оценивает именно с позиции носительницы французского языка, при этом русский язык порой представляет для нее определенные сложности. Приведем наиболее показательные примеры, иллюстрирующие эту мысль:

6. Il parle souvent français avec moi... je trouve qu'il le parle parfaitement, il n'y a que ses « r » qu'il prononce en les roulant, je veux lui apprendre... Écoute quand je dis Paris... écoute bien, Paris... maintenant dis-le comme moi... Paris... mais non, ce n'est pas comme ça... il m'imité drôlement, en exagérant exprès, comme s'il s'éraflait la gorge... Parrris... Il me rend la pareille en me faisant prononcer comme il faut le « r » russe, je dois appuyer contre mon palais puis déplier le bout retroussé de ma langue... mais j'ai beau essayer... [Sarraute 1998, c. 45]
7. Par moments ma détresse s'apaise, je m'endors. Ou bien je m'amuse à scander sur le bruit des roues toujours les mêmes deux mots... venus sans doute des plaines ensoleillées que je voyais par la fenêtre... le mot français soleil et le même mot russe solntze où le l se prononce à peine, tantôt je dis sol-ntze, en ramassant et en avançant les lèvres, le bout de ma langue incurvée s'appuyant contre les dents de devant, tantôt so-leil en étirant les lèvres, la langue effleurant à peine les dents [Sarraute 1998, p. 107].
8. On ne pourrait pas croire que c'est la première fois de sa vie qu'elle est en France... En l'écoutant parler, on serait sûr qu'elle y a toujours vécu, il n'y a aucune trace d'accent étranger dans sa prononciation, dans ses intonations, elle ne cherche jamais ses mots... [Sarraute 1998, c. 227–228].

В приведенных примерах обращает на себя внимание эпитет *accent étranger* (пример 3), который четко показывает, что рассказчица эксплицитно занимает позицию носителя французского языка. Эпитет *drôlement* из примера (1) дополнительно акцентирует французскую идентичность рассказчицы, так как ей странно слышать, как носитель русского языка (пусть даже это ее родной отец) произносит французские слова с погрешностями (при этом сама она произносит русское слово «солнце» с ошибкой и затрудняется с произношением русского «р»). Уверенность рассказчицы в своем праве оценивать уровень владения других людей французским языком подчеркивается за счет

мелиоративного эпитета *parfaitement* и гиперболического сравнения *en l'écoutant parler, on serait sûr qu'elle y a toujours vécu*. Обращает также на себя внимание глагол *apprendre*, который передает в некотором роде дидактический подход рассказчицы к проблеме неидеального французского ее отца, – пытаюсь «научить» его правильному произношению, она словно демонстрирует свое превосходство как носительницы языка, хотя таковой на самом деле не является.

Наряду с этим заслуживает внимания своего рода лингвистическая антитеза между двумя «я» рассказчицы, одно из которых, по всей видимости, владеет речевыми нормами русского языка несколько лучше, чем другое. В качестве подтверждения этой мысли приведем следующий пример:

Je suis retournée dans ma chambre, j'ai sorti du tiroir de ma table un épais cahier recouvert d'une toile cirée noire, je l'ai rapporté et je l'ai tendu au Monsieur...

À « l'oncle », devrais-tu dire, puisque c'est ainsi qu'en Russie les enfants appellent les hommes adultes ... [Sarraute 1998, с. 84].

Контекстуальная антитеза *Monsieur – l'oncle* дополнительно подчеркивает «инаковость» рассказчицы (и, соответственно, самой Саррот) по отношению к России и русской культуре. Эта «инаковость» тем более заметна, что в тексте романа Россия чаще всего обозначается посредством наречия места *là-bas*. Приведем несколько примеров:

9. Est-ce vrai ? Tu n'as vraiment pas oublié comment c'était là-bas ? comme là-bas tout fluctue, se transforme, s'échappe... [Sarraute 1998, с. 8].
10. « Ta grand-mère va venir te voir »... maman m'a dit ça... Ma grand-mère ? la mère de papa ? Est-ce possible ? Elle va venir pour de vrai ? elle ne vient jamais, elle est si loin... je ne me souviens pas du tout d'elle, mais je sens sa présence par les petites lettres caressantes qu'elle m'envoie de là-bas... [Sarraute 1998, с. 25]
11. ...il fait extrêmement chaud, elle a baissé sa robe de chambre sur ses épaules, un peu trop, elle s'est trop dénudée, et cela me choque un peu, et puis je me rappelle que ce sont des choses qui là-bas, en Russie, ne choquent pas comme ici... [Sarraute 1998, с. 252].

Наречие *là-bas*, которое обычно обозначает некое относительно удаленное место, выступает в качестве наиболее частотной номинации России в романе, демонстрируя значительную дистанцию между

рассказчицей и ее родной культурой. Эта дистанция показана не только на языковом, но и на содержательном уровне: так, привычка припускать халат на плечи в жаркую погоду, являющаяся нормой для России того времени, кажется рассказчице странной, так как во Франции, где она живет, это не принято.

Подводя итог, мы можем констатировать, что в романе Н. Саррот «Детство» рассказчица обладает двойственной культурной и языковой идентичностью. Однако составляющие ее идентичности не равнозначны: так, несмотря на всю привязанность рассказчицы к своему русскому прошлому, ее русская идентичность сохраняется, главным образом, только в виде воспоминаний. Ее бытовое и речевое поведение в большей степени соответствует тому, что принято во французской лингвокультуре, нежели в русской, поэтому можно говорить о доминировании французской идентичности в самосознании рассказчицы. Идентичностная двойственность показана посредством таких языковых средств, как повторы, метафоры, гиперболы, а также многочисленные умолчания (выраженные многоточиями в конце предложений).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Blanchet Ph., Francard M.* Identités culturelles // Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles / sous la direction de Gilles Ferréol et Guy Jucquois. Paris : Armand Colin, 2010. P. 155–161.
- Drouin-Hans A.-M.* 2006. Identité // Le Télémaque. 2006. № 29. P. 17–26.
- Ricoeur P.* Soi-même comme un autre. Paris : Seuil, 1990. 424 p.
- Sarraute N.* Enfance. Paris : Gallimard, 1998. 337 p.
- Savéan M.-F.* Dossier // N. Sarraute. Enfance. Paris : Gallimard, 1998. 337 p.
- Zanoaga-Rastoll C.* Les langues des tropismes chez Nathalie Sarraute // Carnets [En ligne]. № 7. URL: /journals.openedition.org/carnets/1062 (дата обращения: 05.04.2019).

И. А. Максимкин

студент магистратуры
Институт иностранных языков Московского педагогического
государственного университета;
e-mail: makkir@list.ru

**МЕСТО И РОЛЬ ФРАНКОФОНИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается проблема роли и места явления франкофонии в учебниках французского языка, изданных во франкоязычных странах. Приводится анализ современных учебников на предмет всестороннего и нестереотипного описания феномена франкофонии. Предпринимается попытка структурировать основные аспекты франкофонии как лингводидактического объекта – институциональный, культурный, лингвистический, необходимые для ее объективного отражения в учебной литературе.

Ключевые слова: франкофония; учебник французского языка; стереотипы; аутентичный текст; обучение франкофонии.

I. Maksimkin

Master's program
Institute of Foreign Languages
Moscow State Pedagogical University
e-mail: makkir@list.ru

**PLACE AND ROLE OF FRANCOPHONIE
IN MODERN MANUALS OF THE FRENCH LANGUAGE**

In the article we trace the problem of the role and the place of the Francophonie phenomenon in the manuals of French, which were published in French speaking countries. Modern manuals are analyzed for the exhaustive and not-stereotypical description of the Francophonie phenomenon. The attempt to structure the basic aspects of the Francophonie as linguo-didactic object -institutional, cultural, linguistic, is necessary for its objective reflection in the educational literature.

Key words: Francophonie; manual of French; stereotypes; the authentic text; teaching of Francophonie.

В эпоху глобализации, когда человечество оказалось в едином информационном пространстве, иностранные языки выходят за пределы одной культурно-языковой общности и служат фактором культурного

единения народов, позволяют преодолевать всевозможные противоречия и конфликты. В связи с этим неправильно было бы обучать иностранному языку, фокусируясь на культурно-лингвистических особенностях одной страны и тем самым недооценивать его (языка) значение, искажать его образ в глазах учащихся, которые надеются получить полную информацию о широте его использования, месте среди других языков, о культурных ценностях которые он несет. Стремление к тому, чтобы представить в учебнике иностранного языка культурное и лингвистическое многообразие его носителей, лишенное ложных стереотипов, является залогом повышенной мотивации и успеха в его изучении, который будет выражаться в умении ориентироваться в различных речевых ситуациях, вести культурный диалог, выступать *медиатором* между своей и чужой культурой [Языкова 2009].

Полноценное изучение французского языка невозможно без формирования у учащихся представления об уникальной культурной и лингвистической общности *франкофонии*, играющей немаловажную роль на международной арене. Франкофония – это уникальная культурно-лингвистическая общность, объединяющая благодаря французскому языку и ценностям, которые он несет, людей по всему миру.

В настоящее время франкофонии отводится всё больше места в учебниках французского языка, но ее присутствие часто носит фрагментарный и стереотипный характер, в целом еще сохраняется франкоцентрическая парадигма. Впервые, франкофония появляется в учебных пособиях только в 2000-х гг.. Ранее учащиеся занимались по учебникам, содержание которых было посвящено исключительно Франции, французской культуре, и представлениям о том, что французский язык – это язык элиты, ассоциирующийся с модой, литературой, кулинарными изысками [Barbier 2013]. Однако со временем образовательная модель сменилась, и было сформировано новое представление о французском языке, как об одном из самых распространенных в мире, используемых на пяти континентах, и объединяющих людей разных национальностей и культур – Европы, Азии, Африки, Северной Америки – в единое сообщество. Такая смена образовательной модели была обусловлена, прежде всего тем, что в результате потери колониальных владений, с которыми Франция хотела сохранить культурные и экономические связи, ей нужно было предоставить места на рынке труда для многочисленных мигрантов; адаптироваться к вызовам глобализации, противостоять культурной унификации и господству английского языка.

Другой причиной сдвига франкоцентрической образовательной модели послужили лингвистические исследования, появление новых лексикографических словарей и баз данных, охватывающих особенности французского языка Бельгии, Швейцарии, Квебека, Африки [Poirier 2004]. Ранее в лингвистике наблюдалось крайне негативное отношение к регионализмам, бельгицизмам, гельветизмам, квебецизмам, употребление которых совсем не приветствовалось.

Начиная с середины 2000-х гг. ряд крупных французских издательств вводит аутентичные материалы по теме «Франкофония» («Francophonie») сначала в приложении, или в рубрике *Civilisation*. Например, в учебнике *Connexions* (2005) говорится о различных акцентах франкофонии, а в пособии *Rond-Point* (2005) авторы рассказывают о том, что в силу исторических причин на французском языке говорят не только во Франции и в Европе, но и на других континентах. Постепенно в этих учебниках появляются страницы о Квебеке или о туристических достопримечательностях Брюсселя, есть упоминания о франкоязычной литературе и кинематографе, объясняется роль франкофонии как политического института, выступающего за сохранение и распространение французского языка. Но пока этот материал носит несистемный характер.

С появлением учебников *Alter ego, Ici, Pourquoi pas* в 2007 г. учащиеся получили возможность с самого начала обучения работать с аутентичными франкофонными документами, вокруг которых строится весь образовательный процесс. В этих учебниках внимание уделяется не только общекультурным и фонетическим аспектам, но и лексике. Так, в учебнике *Pourquoi pas* объясняются различия в употреблении числительных, дается альтернатива, принятая в Швейцарии, *septante, huitante, nonante* вместо привычных *soixante-dix, quatre-vingts, quatre-vingt dix*. Более того, в 2015 г. появляется учебник *Echo Méthode de français pour l'Amérique du Nord* уровня A1, A2, специально для тех, кто интересуется франкофонией Северной Америки. В нем описываются традиционные праздники и виды спорта, рассказывается о том, как построен процесс обучения в канадских университетах, приводятся фрагменты радиопередач и канадских телесериалов. Можно полагать, что это один из первых и пока единственных учебников, полностью посвященных отличной от Франции франкофонной общности.

Франкофония со временем перестает быть представлена в учебниках как экзотика, о ней говорят все более и более естественно.

Так и должно быть, поскольку французский язык и порождаемая им культура гуманизма не замыкается на Франции и «не принадлежит исключительно ей», а все говорящие на нем народы вносят свой вклад в его развитие, лексическое разнообразие, культурную уникальность [Diouf 2012]. Обучающиеся в идеале должны познакомиться со всем культурным и лингвистическим многообразием франкофонии и уметь сравнивать и сопоставлять ее черты с родной культурой, осознавать сходства и различия. Благодаря изучению франкофонии в сопоставлении со своей родной культурно-языковой общностью студенты смогут осознать окружающее их культурное многообразие, с уважением относиться к другим культурам.

Существует ряд проблем, над которыми нужно работать преподавателям с учебником, имеющим франкофонное содержание. Прежде всего, в любом учебнике, рассчитанном на объективное ознакомление учащихся с франкофонией, должны быть равномерно представлены три аспекта: институциональный, лингвистический и культурный.

Институциональный аспект включает статистику, которая бы мотивировала учащихся, служила бы аргументом в пользу изучения французского языка как языка международного общения. Обязательно нужно говорить об основателях франкофонии из Африки и Азии, причинах, по которым они переосмыслили понятие «франкофония», предложенное впервые Онезимом Реклю.

Лингвистический аспект означает, что должна быть представлена вариативность акцентов, богатство лексического разнообразия. Работа с аутентичными франкофонными материалами в идеале равномерно происходит во всех видах речевой деятельности: аудировании, чтении, письме, говорении. Учащиеся таким образом постепенно привыкают к франкофонии. Важно объяснить, что все варианты французского языка равны, не существует какой-либо иерархии, как следствие, необходимо придерживаться принципа эколингвистики, по которому все варианты французского языка находятся в равновесии, конкурируют друг с другом в естественной среде. Они не сводимы к единой норме. Не стоит исправлять то, что естественно, переводить непереводимое, а просто говорить о различиях. От преподавателя требуется своевременно обновлять содержание учебных пособий, внимательно следить за лингвистическими исследованиями, отмечать появление фундаментальных работ по франкофонии, лексикографических словарей.

Культурный аспект означает, что необходимо в учебнике концентрироваться на *общих* идеях гуманизма представителей франкофонии больше, чем на этноцентрических и культурно-антропологических различиях между народами. Стоит предоставлять возможность самим носителям культуры высказывать свое мнение, при этом следовать принципу равенства культур и принципу отсутствия стереотипов. Важно проводить параллель с другими культурными общностями, родными для обучающихся (Русским миром, испаноязычной и англоязычной языковой общностью), поскольку «знание своей культуры в ее сопоставлении с культурой иного лингвосоциума (в данном случае франкофонии), становится глубоко осознанным и многогранным». Язык и культура иного лингвосоциума действуют как «зеркало, которое отражает неосознаваемые особенности родного языка и собственной культуры» [Тарева 2014, с.102]. Когда присутствует принцип сопоставительного изучения культур, должное внимание отводится как родной культуре, так и изучаемой (франкофонии), значительно повышается мотивация, быстрее происходит усвоение материала, а главное из этого процесса вытекают «истинные, а не провозглашаемые на бумаге толерантность и эмпатия, как важнейшие качества личности, готовой к межкультурному диалогу» [там же].

Важным моментом при составлении учебников является отбор документов, изображений, видеоряда, который должен делаться на основе семиотического анализа, критических размышлений об опасностях стереотипов [Barbier 2013]. К сожалению, авторы часто приводят данные, которые способствуют стигматизации, а не единению между франкоязычными странами. Фольклорный характер франкофонии Юга, сопоставляется с современностью стран Северной франкофонии (например, африканские страны сравнивают с Канадой). Много стереотипов повествуют о колониальной Африке, большое количество иллюстраций отсылает к колониальному прошлому, и создает ложное впечатление, что франкофония – «аватар колониализма» [Diouf 2007]. На африканские и азиатские страны франкофонии постоянно «навешиваются ярлыки» социальной и экономической отсталости, коррупции.

Только при соблюдении условий, обозначенных выше, можно говорить о подлинном образе франкофонии в учебниках, который бы был источником мотивации для обучающихся, и залогом успеха в изучении французского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тарева Е. Г.* Коммуникативный подход: в поисках лингводидактических инноваций // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 98–103.
- Языкова Н. В.* Культура и обучение иностранным языкам: лингводидактический аспект // Вестник МГПУ: Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 95–100.
- Barbier C.* Pourquoi inclure la francophonie dans l'enseignement du Fle. Chemins actuels. # 75. 2013. P. 1–9. URL: amifram.com.mx/revistas/0075/arts/barbier.pdf.
- Diouf A.* Le français ne vous appartient plus. Nous l'avons en partage // Le Monde. 2012. URL: www.lemonde.fr/international/article/2012/07/01/entretien-avec-abdou-diouf-secretaire-general-de-l-oif-le-francais-ne-vous-appartient-plus-nous-l-avons-en-partage_1727585_3210.html.
- Diouf A.* La francophonie, une réalité oubliée // Le Monde. 2007. URL: www.lemonde.fr/idees/article/2007/03/19/la-francophonie-une-realite-oubliee-par-abdou-diouf_884956_3232.html.
- Poirier C.* Une représentation dynamique de la francophonie : la base de données lexicographiques panfrancophone. Québec français n 134. 2004. P. 97–99. URL: www.erudit.org/fr/revues/qf/2004-n134-qf1184730/55592ac.pdf.

УДК 327:7

G. V. Markov

étudiant en master

département de la théorie en études régionales

Institut des relations internationales et des sciences socio-politiques

Université linguistique d'État de Moscou,

e-mail : 89854823628gr@gmail.com

DE L'UNITÉ À LA DIVISION DE L'OCCIDENT: L'EUROPE AMÉRICAINE OU EUROPÉENNE

L'Europe à travers les époques servait de modèle exemplaire pour le reste du monde. Avec l'avènement d'une nouvelle ère du 21e siècle on commence à sentir le fardeau des écueils et des obstacles sous lequel courbent le dos les responsables politiques européens. Force est de constater qu'en période d'euphorie comme dans la tourmente, les « artisans de l'Europe » s'engageaient souvent dans une quête des fondements de l'unité du continent, de l'essence de son identité et des limites de la diversité. Or les relations entre les États-Unis et leurs alliés européens au sein du bloc de l'Ouest sont un véritable point d'achoppement. Vu le recul de la première puissance mondiale les responsables politiques du « Vieux Continent » devraient s'apprêter à gravir de nouveaux sommets en cherchant l'autonomie et l'indépendance qui n'existe pas encore. De nos jours, le continent européen traverse une période de crise de grande envergure. L'afflux des migrants, américanisation sauvage, valeurs sombres – tout cela enfonce le clou, fait en sorte que l'Europe puisse s'écrouler et s'effriter. Afin de ne pas s'enliser dans le borbier la prise des mesures décisives et déterminées est fortement recommandée. À l'ordre du jour c'est sa souveraineté et indépendance. À la croisée des chemins on se pose la question: L'Europe américaine ou européenne?

Mots-clés: Europe; Etats-Unis; américanisation; mondialisation; crise; géopolitique.

G. V. Markov

Master's student

Department of theory in regional studies

Institute of international relations and socio-political sciences

Moscow State Linguistic University

e-mail : 89854823628gr@gmail.com

FROM UNITY TO THE DIVISION OF THE WEST: EUROPE, AMERICAN OR EUROPEAN

Europe through the ages has been an exemplary model for the rest of the world. With the beginning of a new era in the 21st century, we feel the burden of the pitfalls and obstacles under which European politicians bend their backs.

It is clear that in times of euphoria and turmoil, the “artisans of Europe” were often engaged in a quest for the foundations of the continent’s unity, the essence of its identity and the limits of diversity.

Relations between the United States and its European allies within the Western bloc are a real stumbling block. In view of the retreat of the world’s leading power, the political leaders of the “Old Continent” should prepare to climb new heights by seeking autonomy and independence that does not exist yet. Today, the European continent is going through a period of a major crisis. The influx of migrants, unbridled Americanization, gloomy values – all this is driving the nail to the ground, ensuring that Europe can crumble and crumble. In order not to get bogged down in the quagmire, decisive and determined action is strongly recommended. On the agenda is its sovereignty and independence. At the crossroads, the question arises: is Europe American or European?

Key words: Europe; United States; Americanization; globalization; crisis; geopolitics.

L’américanisation passée au crible

L’américanisation désigne l’influence exercée par les États-Unis sur la vie des citoyens d’autres pays. Cette emprise est indubitablement liée à la richesse et à la grandeur du pays. Progressivement le monde s’est américanisé suite à tels évènements comme la guerre mondiale, la guerre froide – à laquelle le communisme a mordu la poussière. Et en corollaire les fervents supporteurs du capitalisme ont pris les ficelles du pouvoir mondial. Les USA qui s’en faisaient le chantre se sont retrouvés alors auprès du gouvernement.

Cette américanisation résulte d’un transfert vers l’Europe des méthodes de production, des modèles de consommation, du mode de vie. Notamment parce qu’il n’a pas de concurrent à l’échelle globale, le modèle de la modernisation américaine s’est progressivement imposé en Europe, malgré par ailleurs de notables résistances. Le mode de vie américain, y compris vêtement, alimentation, musique s’est propagé aussi vite que la lumière en Europe dès la Libération avec la distribution de produits (par exemple Coca-Cola ou chewing-gums). Les progrès techniques de la radio, du cinéma, de la télé expliquent eux aussi une vague de popularité de la culture américaine depuis l’après-guerre. Les États-Unis avaient les particularités séduisantes: la liberté d’entreprendre, liberté des échanges, propriété privée des moyens de production et recherche du profit.

La diffusion de ce modèle se fait souvent inconsciemment par les médias. Au cinéma, le rêve américain (Hollywood) est diffusé dans

le monde entier grâce à des films à gros budget aux thèmes universels (Titanic...). Force est de constater que les États-Unis remportent le titre du pays producteur des films. Par exemple, en 2013 en France, dans les 10 films qui ont fait le plus de spectateurs 9 sont américains.

Films sortis en 2013 ayant dépassé 1 000 000 de spectateurs en France

Sources : cbo-boxoffice.com, Cine-directors.net et jpbox-office.com

Class.	Titre	Pays	Réalisateur	Box-Office France	Semaines
1	<i>La Reine des neiges</i>		Chris Buck et Jennifer Lee	5 149 518	27 (fin) ²
2	<i>Le Hobbit : La Désolation de Smaug</i>	 	Peter Jackson	4 701 246	10 (fin) ³
3	<i>Moi, moche et méchant 2</i>		Pierre Coffin et Chris Renaud	4 655 036	22 (fin) ⁴
4	<i>Iron Man 3</i>	 	Shane Black	4 386 939	10 (fin) ⁵
5	<i>Django Unchained</i>		Quentin Tarantino	4 303 569	19 (fin) ⁶
6	<i>Gravity</i>	 	Alfonso Cuarón	4 094 466	23 (fin) ⁷
7	<i>Les Profs</i>		Pierre-François Martin-Laval	3 957 176	20 (fin) ⁸
8	<i>Hunger Games : L'Embrasement</i>		Francis Lawrence	3 140 889	12 (fin) ⁹
9	<i>Le Loup de Wall Street</i>		Martin Scorsese	3 009 494	15 (fin) ¹⁰
10	<i>Insaisissables</i>	 	Louis Leterrier	3 005 837	14 (fin) ¹¹

Il est de mise de jeter un coup d'œil sur les produits exportés. La nourriture (Coca-Cola, Mac Donald's), les vêtements (Jeans) s'impose autant dans les supermarchés que dans la restauration où l'on impose presque la façon de manger (les fast-foods par exemple).

À rappeler que même l'internet était une invention de l'armée américaine. Tout ce dont on se sert (Google, Facebook, Youtube, Paypal...) sont des services américains qui peuvent héberger, recenser, analyser les données mondiales.

En plus de ça, au-delà des images, l'art, la recherche ... bref toute l'élite culturelle sortant souvent des grandes universités (Harvard, Stanford, Princeton...) ont une influence sur le phénomène de la mondialisation à l'américaine.

Pour en finir, la cerise sur le gâteau c'est la langue « anglo-américaine » où qu'on aille, ce sera celle-ci au niveau des échanges internationaux commerciaux, au niveau scientifique ou diplomatique, sur internet. C'est aussi la partie intégrante de la domination culturelle des américains et plus généralement des anglo-saxons.

Pour dresser le bilan il faut se rendre compte que l'américanisation demeure en phénomène complexe, mais qui ne recouvre qu'en partie une réalité plus vaste, celle de la mondialisation.

De la crise de la société américaine vers celle de la mondialisation ?

Comment on en est arrivé là? Les doigts dans le nez on peut constater que les États-Unis ont tiré le meilleur parti de la globalisation. Leurs entreprises sont présentes partout dans le monde. Qu'il s'agisse de McDonald, de Gillette, de Coca Cola ou de tant d'autres, les exemples ne manquent pas qui témoignent de l'omniprésence américaine. À telle enseigne qu'on finit par confondre les deux gouttes d'eau – la mondialisation et l'américanisation comme si le monde nouveau, celui qui est né dans les années 80 mangeait et se distrayait à l'américaine, vivait à l'heure américaine, pensait à l'américaine. Mais sans l'ombre d'un doute il y a anguille sous roche.

Il faut essayer de comprendre pourquoi le monde anglo-saxon, qui a imposé au monde les règles du libre-échange, la globalisation, ne supporte plus les conséquences de ses propres valeurs.

Il est évident que dans le monde d'aujourd'hui on établit un parallèle entre l'américanisation et la mondialisation. La culture américaine gagne haut la main et impose le règlement à également celle d'Europe. Sans coup férir leur mode, applications, musique ou cinéma explosent en termes de popularité.

La domination exercée par leur culture est souvent acceptée mais elle est aussi critiquée et bafouée, car elle engendre les transformations bouleversantes de la société. Pour certains ce n'est qu'une menace de grande taille. Pour les autres ils en tirent d'importants bénéfices.

Économiquement et politiquement les États-Unis font encore la course en tête, mais leurs poursuivants les rattrapent, et parfois les dépassent¹.

D'une part, il y a un dollar faible et peu fiable dont plusieurs pays font fil. Les dépenses incommensurables accroissent considérablement la dette publique².

Outre cela à cause de la mondialisation beaucoup d'entreprises américaines se sont installées à l'étranger. Cette implantation, délocalisation ne rapporte pas gros au budget américain, ne crée pas d'emplois.

¹ Par exemple, taux de croissance de la Chine est supérieur à celui des USA.

² La dette nationale américaine n'en finit pas de s'alourdir. Plus massive que l'économie des États-Unis elle-même, elle a atteint 22.000 milliards de dollars, un record historique (*capital.fr* publié le 17/02/2019).

Il est judicieux de rappeler que les Etats-Unis représentent 25 % du PIB mondial en 2016, c'est-à-dire ils sont le meilleur contributeur au PIB mondial devant l'UE¹, ce poids économique est en baisse constamment.

Par ailleurs les statistiques démontrent que l'économie américaine affiche des chiffres insolents: 4 % de croissance au deuxième trimestre de 2018 avec un taux chômage à 3,9 %. Ces chiffres sont indubitablement liés à la gestion du président Donald Trump qui veut mettre fin à la mondialisation.

L'imposition de tarifs sur l'acier et l'aluminium par l'administration américaine suscite des émois dans le monde. Un peu partout, on a l'impression qu'on est en voie de retourner au protectionnisme, donc en rupture avec les politiques libre-échangistes qui dominaient le cycle de mondialisation néolibérale amorcé dans les années 1980.

Pour y voir plus clair, Trump s'est mis à sauver l'industrie de son pays, car elle est menacée de disparition par des concurrences étrangères déloyales. Ce type de mondialisation lui convient pas. Soit l'économie forte, soit la domination mondiale. Sa gestion est très favorable à l'introduction de la politique « Europe européenne ».

(In)dépendance européenne face aux Etats-Unis

Il est pertinent d'indiquer qu'il existe une forte dépendance européenne à l'égard des fameux Gafam (Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft) qui est sans doute une pomme de discorde importante. Tout le marché de l'intelligence artificielle est dominé par ces fleurons de l'industrie américaine.

En ce qui concerne la télé européenne, nombreux sont les cas quand ces chaînes ne font que recopier des « soap operas » américains.

Les films les plus populaires en Europe sont ceux de l'Hollywood. Décor tape-à-l'œil, blagues pré-écrites, sketches joués par les invités : plusieurs talk-shows européens tentent de reprendre les codes en vogue outre-Atlantique. En plus l'Europe est dépendante des USA sur le plan militaire par le biais de l'OTAN.

La fissure dans l'alliance militaire

Il n'y a pas d'avis tranché sur le sujet d'influence militaire et politique des USA en Europe. Un vrai point d'achoppement divise les esprits: d'une

¹ L'Union Européenne ne représente plus que 22 % du PIB mondial contre 30 % voici dix ans (2016–2006).

part les Européens dépensent très peu pour leur défense et profitent en quelque sorte du parapluie américain de l'OTAN. D'autre part, le président français Emmanuel Macron a suggéré la création de leur propre armée pour protéger l'Europe contre les États-Unis, la Chine et la Russie. La chancelière allemande a prôné à son tour la création d'une force militaire européenne. C'est un signe visible qui démontre l'intention de créer l'Europe forte et indépendante. Par ailleurs, cette idée a déjà bouleversé des politiques européens à plusieurs reprises. Au fil des ans, ce vieux dossier, faute d'avancées concrètes, s'est mué en véritable « serpent de mer », avant de finalement retrouver une actualité avec le Brexit et l'élection de Donald Trump, qui ont signé l'effondrement du multilatéralisme. De nouvelles structures ont ainsi vu le jour. Cette fois-là c'est le couple franco-allemand qui se trouve à la manœuvre.

D'ailleurs il ne faut pas tarir d'éloges sur l'état militaire de l'UE. De nombreux éléments des forces armées ont été réduits à néant par des décennies de réductions des dépenses de défense. Donc il y a encore du chemin à faire.

La volonté incontestable de bâtir l'autonomie européenne trouve des rivaux à gauche et à droite. Par exemple, Donald Trump souffle le chaud et le froid sur son engagement vis-à-vis de l'OTAN. En se rendant compte du fait que l'Union Européenne se constitue aujourd'hui en puissance politique capable d'équilibrer les États-Unis, les responsables politiques américains sont montés sur ses grands chevaux.

Alors, l'indépendance des uns nuit gravement à la force des autres. Cela pourrait saper l'amitié et la confiance transatlantique.

On se souviendra à ce propos de l'appui américain qui poussait, pour des raisons géostratégiques, à la formation d'une Europe unie. Ces motifs, ces ressorts qui ont puissamment drainé l'énergie et donné toute l'impulsion de la construction européenne n'existent plus.

Pour recouvrer leur autonomie et leur puissance, ils sont donc obligés de se concerter et de s'unir dans la forte intention sans précédent.

Le système de droit: différences incontestables

Le système juridique utilisé dans les pays anglo-saxons est La Common law. Il est basé sur la jurisprudence comme principale source de droit. Le système de droit Europe est le droit romano-germanique.

Quelle est la différence entre le droit romano-germanique et la common law ?

Le droit le droit romano-germanique est généralement opposé à la Common law.

Le système juridique common law est un système dont les règles sont principalement promulguées par les tribunaux à mesure des décisions individuelles. Alors que les systèmes juridiques basés sur la « common law » considèrent les décisions judiciaires comme la source la plus importante de la loi, les systèmes juridiques basés sur le droit de tradition civiliste mettent surtout l'accent sur le droit codifié. Pour rendre leurs décisions, les juges des pays de droit romano-germanique sont fortement liés par le contenu des codes.

En matière de nombre de pays, le droit romano-germanique est le droit le plus répandu au monde. En effet, à l'exception du Royaume-Uni, il est présent dans les pays européens et dans la majorité de leurs anciennes colonies. Cette différence sépare l'Union transatlantique elle aussi.

Deux chemins qui ne se convergent pas

1. L'Europe défend sur le Continent Européen, en Méditerranée ainsi qu'en Afrique, des intérêts économiques et politiques qui ne sont pas ceux des États-Unis.

2. La vision de l'Europe est multipolaire et multirégionale. L'UE prône les grandes institutions qui nécessitent d'ailleurs d'être réformées.

3. Il y a une forte distinction entre deux types du capitalisme¹. Le capitalisme rhénan (majoritaire en Europe) se caractérise par la place importante de l'activité industrielle et une culture du travail bien fait, ainsi que par le souci de la solidarité, le rôle important des grandes banques et une relativisation du rôle de la Bourse dans le financement des entreprises, un système de protection sociale très développé. Le capitalisme anglo-saxon se définit par son exaltation de l'individualisme et la présence de fortes inégalités. Il privilégie les activités financières, et le gain le plus rapide et le plus fort reste son ambition première.

4. La lutte contre les changements climatiques.

Déshumanisation ou la liberté ?

Donald Trump a tourné le dos à la lutte contre les changements climatiques en sortant de l'Accord de Paris sur le climat. Une bête noire dans

¹ « Capitalisme rhénan ou capitalisme anglo-saxon? » Publié le 23 mars 2008 par Sciences – Eco – St Paul (2ses07-08sp.over-blog.com/article-18013342.html).

les relations. Il cède ainsi aux intérêts des énergies fossiles, au détriment de la majorité des Américains et du reste de la population mondiale et tout particulièrement les plus vulnérables aux impacts des changements climatiques. L'acte si controversé nuit à l'image du pays qui se croit sorti de la cuisse de Jupiter. Un signe de déshumanisation.

Cependant, cette décision ne remet pas en question l'urgence climatique et déjà certaines villes comme New York ou Pittsburgh ont annoncé vouloir continuer à appliquer l'Accord de Paris. De même, des Etats comme la Californie et Hawaï continuent à mettre en place leur plan climat afin de baisser les émissions de GES. Il est à rappeler qu'il y a une responsabilité en matière de la protection environnementale.

En même temps il faut se dire qu'on a beau jeter le tort aux Etats-Unis, en les culpabilisant de tout et de rien. Il n'y a pas de bouc émissaire dans cette affaire. L'important est de savoir distinguer la différence de deux chemins. Celui vers la liberté, que ce soit écologique, militaire ou financière. L'Europe s'est mis sur de bons rails tout en essayant de trouver sa souveraineté et indépendance. Il ne s'agit pas d'antiaméricanisme¹, mais de la protection de ses propres valeurs. Europe américaine ou Europe européenne – c'est aux Européens de faire un choix.

Si on regarde de près les faits historiques, les États-Unis souhaitent diluer le projet européen – par exemple, en prônant un élargissement sans fin de l'UE ou en manifestant réserves et réticences face à la création d'une monnaie unique susceptible de rivaliser avec le dollar. Les États-Unis affectionnent les populistes au pouvoir en Europe sans la moindre honte. L'Europe devrait mettre la puce à l'oreille.

Maintenant la puissance mondiale des États-Unis ne tient qu'à un fil. Trump essaie avec sa politique de se replier dans sa coquille.

C'est l'heure pour l'Europe de se cheminer vers l'indépendance et l'autonomie. Même si elle avance en dents de scie, de fil en aiguille elle est capable de foncer vers l'Europe européenne, en défendant ses propres intérêts et valeurs.

D'ores et déjà l'Europe peut s'autonomiser. Le potentiel industriel, le savoir-faire dans les domaines de pointe sont là. Il va falloir mettre toute la gomme. Il est fort probable que pour peser dans le monde, l'Europe ait besoin de la Russie et inversement. En s'appuyant sur ses atouts incontestables, en prenant la conscience de leur responsabilité vis-à-vis du monde, l'Union Européenne pourra devenir encore mondialement attirante quel que soit le domaine.

¹ décrit une position hostile, négative ou méfiante vis-à-vis des États-Unis.

BIBLIOGRAPHIE

- Mokhtar Ben. Barka et Jean-Marie Ruiz* ÉTATS-UNIS / EUROPE Des modèles en miroir. Espaces Politiques, 2006, 288 p.
- Guy Verhofstadt.* Les Etats-Unis d'Europe. La Renaissance du livre, 2006, 66 p.
- Coralie Delaume.* Europe Les Etats désunis. Michalon, 2014. 217 p.
- Coralie Delaume.* Le couple franco-allemand n'existe pas. Michalon, 2018. 235 p.
- Alexandre Del Valle.* Islamisme et Etats-Unis, une alliance contre l'Europe. l'Age d'Homme, 2000, 359 p.
- Robert Kagan.* La puissance et la faiblesse. Hachettes Littératures, 2006. 162 p.
- Enrico Letta, Sébastien Maillard.* Faire l'Europe dans un monde de brutes». Fayard, 2018. 208 p.
- Ivan Krastev.* Le destin de l'Europe. Premier Parallèle, 2017. 153 p.
- La France et la francophonie d'aujourd'hui. Les grands défis face aux mutations économiques, politiques et sociales dans le monde, XII colloque international d'étudiants et de jeunes chercheurs, Moscou, 2018, 134 p.
- Alexandre Andorra.* L'Europe vue des Etats-Unis Ou comment s'assurer que l'UE ne soit ni un complet échec ni un franc succès». URL: www.diploweb.com/L-Europe-vue-des-Etats-Unis,1447.html
- Florence Autret.* L'Europe et les Etats-Unis au bord de la rupture ? URL: www.latribune.fr/economie/union-europeenne/l-europe-et-les-etats-unis-au-bord-de-la-rupture-723699.html.

Ю. В. Мархутова

поэт-переводчик

президент Региональной общественной организации

«Общество дружбы с народом Маврикия»

e-mail: markhutova@bk.ru

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ ЛОГАЭДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

**(на материале стихотворения Роберта-Эдварда Харта
«Les Enfants Ont Sauvé Le Monde»)**

Работа посвящена сопоставительному изучению специфики перевода французских логоэдов на русский язык. Материалом исследования является стихотворение франкофонного маврикийского поэта начала XX в. Роберта-Эдварда Харта «Дети спасли наш мир» (« Les enfants ont sauvé le monde »). Рассматриваются особенности логоэда с позиций теории перевода и трудности, с которыми сталкивается переводчик во время работы с творчеством Р.-Э. Харта, так как необходимо учитывать языковые, исторические и культурологические особенности острова Маврикий. Следует отметить и то, что язык Роберта-Эдварда Харта сложен для перевода, поскольку он балансирует на грани поэтического языка и языка философско-эстетического.

Анализируются исторические формы практики и теории поэтического перевода, взгляды современных переводоведов на поэтический текст. Главное требование к переводу – это адекватность, то есть точная передача формы и содержания подлинника равноценными средствами. В связи со спецификой современного этапа развития поэзии и теории перевода выдвигается гипотеза о доминанте прагматического аспекта реализации поэтического текста в культуре как основы для оценки адекватности поэтического перевода. Чтобы состоялось принятие «другим» установки, нужно чтобы был передан без искажений исходный эмоциональный образ. Поэзия является языковой репрезентацией определенных ментальных структур и субъективных оценок поэта. Поэтому лингвистический анализ должен производиться на основе комплексного исследования данного текста, включающего в себя подготовительный этап исторического, культурологического, поэтологического и эстетического изучения фоновой, т. е. довербальной и паравербальной содержательности поэтического текста.

Ключевые слова: наследие франкоязычного поэта Роберта-Эдварда Харта; методы перевода логоэда; переводческие трансформации.

Y. V. Markhutova

Poet-translator, The President of Regional Public Organization «Society of Friendship with Folk of Mauritius»; e-mail: markhutova@bk.ru

THE SPECIFICS OF THE TRANSLATION OF FRENCH LOGAOEDIC INTO RUSSIAN

(on the material of the poem Robert-Edward Hart
«Les Enfants Ont Sauvé Le Monde»)

The work is devoted to comparative study of the specifics of the translation of French logaoedic into Russian. The foundation of the study is given a poem by the francophone Mauritian poet of the early 20th century, Robert-Edward Hart, "Children have saved our world" ("Les enfants ont sauvé le monde"). The peculiarities of logaoedic are considered from the standpoint of translation theory and the difficulties in translating when working with poems of R.-E. Hart, as it is necessary to take into account the language, historical and cultural characteristics of the island of Mauritius. It should be noted that the language of Robert-Edward Hart is complicated for translation, as it balances on the verge of a poetic and a philosophical-aesthetic languages.

Historical forms of practice and the theory of poetic translation, the views of modern translation studies on a poetic text are analyzed. The main requirement for translation is adequacy, that is, the exact transfer of the form and content of the original by equivalent means. In connection with the specifics of the modern stage of development of poetry and the theory of translation, a hypothesis is put forward about the dominant pragmatic aspect of the implementation of a poetic text in culture as the basis for assessing the adequacy of poetic translation.

Key words: the legacy of the francophone poet Robert-Edward Hart; methods of translation of logaoedic; translation transformation.

Le poète est un appareil spécial, perfectionné, ultrasensible,
qui reçoit et transmet des ondes.
C'est sa sensibilité qui le conditionne...
"et tout le reste est littérature".
(Robert-Edward Hart)¹

Продолжаем цикл статей, посвященных творчеству выдающегося франкоязычного поэта начала XX века, композитора и художника острова Маврикий, Роберта-Эдварда Харта (1891–1954), который не перестает удивлять нас своими разносторонними, а подчас и экспериментальными, находками версификации [Hart 1976]. Представляем,

¹ «Поэт – это особенный, сложный, сверхчувствительный аппарат, который принимает и передает волны. Именно чувствительность и определяет его ... “а все остальное – литература”» (из неопубликованной Антологии Р.-Э. Харта). Автор считал, что произведение поэта, стихотворение, – это искусство. Зд. и далее прим. автора статьи. – Ю. М.

в рамках нашего исследования, стихотворение « Les enfants ont sauvé le monde » и его перевод «Дети спасли наш мир» [Логаэды, дольник, тактовик и акцентный стих URL].

Специфическое орудие, которым пользуется поэзия, осуществляя свои изобразительные задачи, есть стих, реализующий в слове, в живом потоке осмысленной речи, законы ритма. Стих – мощное орудие идейной, эмоциональной и смысловой выразительности, и поэт должен владеть им виртуозно. Только слыша и чувствуя стих в его тончайшей пульсации, можно достигнуть высокого уровня поэтической выразительности [Шенгели 1960, с. 7].

Ключевым в процессе художественной коммуникации является тот факт, что «произведение искусства должно производить эффект не только на аудиторию, но и на самого художника; впечатление, которое художественное творение оказывает на одного воспринимающего субъекта, должно быть идентично тому, какое оно оказывает на “другого”, иными словами, должен осуществиться процесс “принятия установки другого”» [Черникова 1998].

Чтобы состоялось принятие «другим» установки, нужно чтобы был передан, без искажений, исходный эмоциональный образ. Поэзия является языковой репрезентацией определенных ментальных структур и субъективных оценок поэта.

Необычайно важно ритмополе поэтического текста. Ведь просодия задает стиль перевода, порождает определенный образ у переводчика, который он и должен постараться передать в том же эмоциональном ключе.

Приведем оригинал стихотворения и подстрочник.

оригинал

Les enfants ont sauvé le monde
Les enfants ont sauvé le monde
Et le monde ne le sait pas
Mais les fées nous sont revenues
Pour respirer les parfums innocents.
Oubli de soi-même, oubli
Dans les carillons limpides
Du matin tourbillonnant.
Evohé ! Le monde est fluide
Et tout ce qui pèse ment.

подстрочник

Дети спасли мир
Дети спасли мир
А мир этого не знает
Но феи к нам вернулись,
Чтобы вдохнуть аромат невинных.
Забвение самого себя, забвение
В хрустальном звоне
Вихревого утра.
Эвоо! Мир текущий
И всё, что имеет вес – лжёт.

Redeviens un petit enfant
 Si tu veux voir les choses vierges
 Danser parmi la lumière
 Du soleil et de la lune.
 L'essentiel est d'aimer
 Dans la douleur ou la joie.
 Mais la douleur est meilleure
 Pour rythmer les élans cosmiques
 Du monde solaire et mystique
 Où les larmes sont plus belles
 Que les fraîches rosées.

Снова стань маленьким ребёнком
 Если ты хочешь видеть девственные вещи
 Танцевать среди света
 Солнца и луны.
 Главное любить
 И в боли, и в радости.
 Но боль это лучшее,
 Чтобы принимать космические импульсы
 Мира солнечного и мистического,
 Где слёзы более прекрасны,
 Чем утренняя роса.

Chanson XVI,
 Vingt-quatre chansons.
 Florilège. 1937

Проанализируем оригинал данного поэтического текста.

Несмотря на то, что во французском языке ударение в словах падает на последний слог можно вычленить особый ритмический рисунок стихотворения, а также бросается в глаза античный возглас вакханок в честь Вакха – *Evohé!*¹

Схему можно определить, где «_» – безударный слог, а «/» – ударный, как: _ _ / _ / _ / – строка построена следующим образом: анапест, ямб, ямб или _ / _ _ / – ямб, анапест, ямб.

Перед нами поэтический текст, написанный логоэдом. Это типичный логоэд, подражание сапфической строфе. Подобные логоэды, порожденные античными образцами, о которых мы вели речь выше.

Проведя предпереводческий анализ, мы выяснили, что:

1. Оригинал стихотворения написан логоэдом, о чем нам «любезно намекнул» автор стихотворения, обращаясь к греческой мифологии, а также об этом говорит название цикла, в который оно входит – *Vingt-quatre chansons* (24 Шансона). Греческое слово логоэд можно перевести как «прозо-песня». Так с древних времен называют особую группу стихотворных размеров, которые составлены из разнородных стоп.

¹ Патетизм овации Эвоэ (*Evohé!*) связывается с восторженным состоянием охватывающим всех, приветствующим существо трансцендентного мира, дающего им возможность приобщенного в трансгрессивном экстазе переживания, приближающего для них в ощущениях этот более совершенный и иначе устроенный мир [Червинский 2014, с. 44].

2. Стихотворение написано в 1937 году, фашизм уже «поднимал голову» по всему миру. Поэтому автор обращается к светлой стороне человеческой натуры, ассоциируя с образом детей.

3. В одной строке стопы разного размера. Строки оканчиваются на женские и мужские рифмы в произвольной последовательности.

4. Текст разделен на шесть строф-тем, каждая тема оканчивается точкой в конце предложения, завершая этим мысль автора. Темы очень сжаты, количество слов сильно ограничено.

Переводчик решил не менять стихотворный размер, тем более, что теоретические основы использования логаязов в русской поэзии восходят к середине XVIII в., а именно – к фундаментальным работам Ломоносова и Тредиаковского, которые осуществили реформу русского стихосложения и переход от силлабической системы к силлаботонической.

Нередко возникает вопрос: можно ли соединять в одной строке или строфе разные размеры? Упорядоченное соединение размеров в строфе и даже в строке – такое соединение, которое сразу может быть уловлено слухом и узнаваемо при повторении, – вполне допустимо. Организованные стихи называются логаядическими. Термин этот заимствован из греческой метрики; но там он прилагался не ко всем «смешанным размерам» [Шенгели 1960, с. 150].

«Логаяд – это разновидность строки, которую мы, как из кирпичиков стенку, собираем из стоп разного типа, смешивая в одной строке двухсложники, трехсложники и даже пеоны. Кто-то умышленно (почему нет?) конструирует логаяд и пишет стих под получившуюся логаядическую схему, кто-то бессознательно творит ломаным ритмом, скорее всего на зазвучавшую в голове мелодию. Но, безусловно, при любом способе создания логаяда, хоть осознанном, хоть неосознанном, всегда следует придерживаться определенных правил. Беспорядочность в этом вопросе недопустима» [Stefan Hart de Keating 2002].

Русские логаяды характеризуются отчетливым, твердым ритмом, для которого типична стабилизированность, полная выверенность положения ударных и безударных слогов и отсутствие сверхсхемных ударений или пропусков ударений. С этим, по-видимому, связано относительно редкое использование логаязов в русской поэзии: с одной стороны, возникает дополнительная сложность строгого выдерживания метрической схемы, с другой – ритмическое разнообразие внутри одного стихотворения очень сильно ограничено?

Теперь рассмотрим акцентную основу логоэдов. Кроме силлаботонических принципов и законов образования ритмических конструкций, вступают в силу еще и законы фразовой акцентуации, т. е. ударение может падать не на каждое слово, а на одно, находящееся во фразе. И чтобы разбить акцентный логоэд на стопы, нужно придерживаться всех трех принципов. Занятие это довольно сложное, нужно хорошо знать основы всех трех принципов, чтобы суметь правильно разбить на стопы акцентный логоэд.

«Стихи представляют собой целостное единство, в котором слиты несколько специфических и независимых друг от друга уровней сотворения и восприятия поэзии. Таких уровней, по крайней мере, три:

1. Словесный уровень, через который передается смысл и эмоциональность стихов.

2. Звуковой уровень, в котором содержится мелодика стихов, их инструментовка, аллитерация и рифма.

3. Ритмический уровень, несущий в себе ритмический «каркас», на котором держатся словесный и звуковой уровни стихов.

Принципиально важно осознать, что эти уровни, будучи «спаяны» между собой в конкретном стихотворении до того, как оно написано, относительно независимы друг от друга. Однако любой из них, выбранный изначально в качестве основы для стихов, становится довлеющим и диктует свои законы остальным уровням.

Например, если поэт пытается наилучшим образом выразить свою мысль и подбирает нужные для зачина слова, он слышит ритм, возникающий в череде этих слов, и укладывает в этот ритм последующие строки. Если же поэту изначально задана мелодия, он обнаруживает в ней ритм и на этот ритм может написать десятки вариантов стихов, совершенно разных по содержанию. Композитор, наоборот, на заданные стихи может написать несколько мелодий на одной и той же ритмической основе. Если же у поэта изначально зарождается некий ритм (гул – по выражению Маяковского), то он, перебирая слова для выражения своей мысли или разработки темы, отбирает те из них, которые ложатся в заданный ритм.

Как видим, в любом случае, какая бы художественная задача ни стояла перед поэтом, он обязательно приходит к тому, что «каркасом» стихов, их основой, должен стать ритм, который затем обрастает смыслом и звучанием. Именно поэтому при исследовании перевода стихов, насладившись сначала их смыслом, эмоцией и звучанием, переводчик должен найти их секрет и понять, как они устроены на словесном, звуковом и ритмическом уровне» [Портер 2003, с. 40].

Посмотрим, какую стратегию выбрал переводчик и как он решил задачу перевода. Приведем перевод стихотворения.

Дети спасли наш мир

Наши дѣти спасли наш мир,
Только мир не заметил мук,
Но вернулись к нам феи вдруг,
Окропив чистотой эфир.
Чтоб забыл ты себя навек
Разнесётся хрустальный звон
В летаргический ввергнув сон.
Эвоэ! Мир изменчив есть,
Постоянство обычно жѣт.
Стань вновь маленьким, прямо здесь,
Если хочешь увидеть свет
Вещей девственных и планет
В этом мире невзгод и бед.
Мир любить – это крест и рок,
Это радость, а может боль.
Но она лишь даёт приток
Из галактики импульс-ток
Мира мистики: там юдоль,
Где слезы превосходней блеск,
Чем росы, ранним утром, всплеск.

Проанализируем передачу образной системы и ритмико-интонационных особенностей перевода. Для удобства будем исследовать каждую рифмо-тему отдельно.

Удалось сохранить размер стиха – логоэд, но в отличие от оригинала логоэд – строчный, и каждая строка состоит строго из 8-и слогов, со строением стопы: анапест, анапест, ямб; схема: _ _ / _ _ / _ /. Но окончания, у оригинала женские и мужские рифмы, были заменены только на мужские, что создало ощущение большей строгости стихотворения и уверенности в правоте автора. Хотя чувствуется отстраненность автора, как постороннего наблюдателя и судьи, а не действующего лица.

Этот поэтический текст носит философский характер, отсутствуют события, нет эксплицитно выраженных желаний, просто свидетельство эпохи и времени.

Les enfants ont sauvé le monde
Et le monde ne le sait pas
Mais les fées nous sont revenues
Pour respirer les parfums innocents.

Наши дѣти спасли наш мир,
Только мир не заметил мук,
Но вернулись к нам феи вдруг,
Окропив чистотой эфир.

В первой рифмо-теме четыре строки (для удобства номера строк будем писать в скобках). Для усиления эмоционально-экспрессивности текста было применено лексическое добавление: притяжательное местоимение (наш) (1). Присутствует семантическая оппозиция, тема жертвы (2), которую удалось полностью сохранить, добавив существительное (мук). Выведена антитеза: неблагодарные взрослые (только мир не заметил) и невинные дети (innocents). Полностью сохранена третья строка, хотя была и произведена перестановка, ввиду различия в строе (порядке слов) предложения ИЯ и ПЯ. Глагол *respirer*, который имеет значение «вдохнуть», переведен как окропить (сделана замена), хотя действия разные, но общий смысл был сохранен (4), а также сделано целостное преобразование этой строки.

Вторая рифмо-тема имеет три строки, в которой автор усиливает для нас иллюзию неземной чистоты, забытья, звона колоколов – эпитетами (*les carillons limpides*, *matin tourbillonnant*), обращаясь к вере человечества в доброе и вечное.

Oubli de soi-même, oubli
Dans les carillons limpides
Du matin tourbillonnant.

Чтоб забыл ты себя навек
Разнесётся хрустальный звон
В летаргический ввергнув сон.

Индивидуальная авторская метафора – гапакс «*matin tourbillonnant*» (*вихревое утро*) индивидуальное выражение поэта (3). К сожалению, переводчику не удалось сохранить авторскую метафору, так как пришлось сделать целостное преобразование всей строфы. Эпитет *les carillons limpides* был переведен, как *хрустальный звон* (2). Однако при переводе этого эпитета есть подвох, неправильно было бы перевести – *кристальные куранты*. Куранты – это старинное название башенных или каминных часов, а ведь автор говорит именно о колокольном звоне. Мы считаем, что образная замена образных выражений с помощью целостного преобразования, несомненно, важное условие достижения адекватного перевода.

Evohé ! Le monde est fluide
Et tout ce qui pèse ment.

Эвoз! Мир изменчив есть,
Постоянство обычно лжѣт.

Возглас Эво́! – это древнегреческий возглас вакханок в честь бога Вакха. Поэт создал образ «текучести» и непостоянства мира рифмо-темой всего в две строки. Глагол *pèse* заменим на существительное *постоянство* и сделаем перестановку (2).

Redeviens un petit enfant	Стань вновь маленьким, прямо здесь,
Si tu veux voir les choses vierges	Если хочешь увидеть свет
Danser parmi la lumière	Вещей девственных и планет
Du soleil et de la lune.	В этом мире невзгод и бед.

Сквозной образ – это обилие лексики, имеющее тему солнца и света. Красной линией проходит тема невинности *un petit enfant* и *les choses vierges*. Было сделано лексическое опущение глагола *danser* (3) и эпитет *девственные вещи* был перенесен из второй строки в строку три. Добавление конструкции наречий *прямо здесь* (1). И сделано целостное преобразование четвертой строки.

L'essentiel est d'aimer	Мир любить – это крест и рок,
Dans la douleur ou la joie.	Это радость, а может боль.

В переводе с одного из восточных языков, фраза «я люблю тебя» звучит так: «я возьму твою боль на себя...». Эти слова присутствуют во всех религиях мира. Роберт-Эдвард Харт считал, что самое главное на Земле – это любовь, эта тема присутствует во всем его творчестве [Stefan Hartde Keating 2002]. В этих двух строках заложена глубокая философская мысль автора, его отношение к бренности бытия. Здесь переводчику пришлось сделать целостное преобразование и добавление конструкции *это крест и рок* и лексемы *мир* (1).

Mais la douleur est meilleure	Но она лишь даёт приток
Pour rythmer les élans cosmiques	Из галактики импульс-ток
Du monde solaire et mystique	Мира мистики: там юдоль,
Où les larmes sont plus belles	Где слезы превосходней блеск,
Que les fraîches rosées.	Чем росы, ранним утром, всплеск.

Сделано целостное преобразование заключительной мысли автора, но полностью передан смысл поэтического текста. Однако надо заметить, что сохранены основные лексемы: *импульс*, *галактика*, *мистика*, *слеза*, *роса*.

Последняя рифмо-тема связаны с религиозными воззрениями автора. Р.-Э. Харт был человек, обладающий энциклопедическими

знаниями. На рабочем столе, в его знаменитом доме «La Nef», рядом лежали томик Корана и Бхагавад-гиты. Маврикий – мультикультурный остров, на нем «переплеты» культуры многих национальностей, языков, вероучений.

Поэтому лингвистический анализ должен производиться на основе комплексного исследования данного текста, включающего в себя подготовительный этап исторического, культурологического, поэтологического и эстетического изучения фоновой, т.е. довербальной и паравербальной содержательности поэтического текста [Казарин 1999, с. 228].

В результате проведенного анализа можно сделать вывод:

1. Переводчику удалось сохранить форму и содержание.
2. Ритмический уровень перевода максимально приближен к оригиналу.
3. Логаэд великолепно ложится в русский перевод.
4. К сожалению, не везде удалось сохранить индивидуальные авторские метафоры.
5. Наиболее употребительный метод трансформации данного поэтического текста – целостное преобразование, но с сохранением главных лексем.

Главная задача переводчика поэзии – сохранить поэтическую форму оригинала, хотя не все компоненты содержания удастся передать. Задача выполнимая, хотя потери неизбежны у любого переводчика, и не случайно всегда равноправно существует несколько версий перевода стихотворного произведения: каждой из них присущи свои утраты и свои победы [Магомедзагиров 2016, с. 106].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 260 с.
- Магомедзагиров Р. Г.* Методы и принципы поэтического перевода. переводческие преобразования при переводе поэзии // Вестник РУДН. 2016. № 4. С. 100–108.
- Портер Л. Г.* Симметрия – владычица стихов: Очерк начал общей теории поэтических структур. М. : Языки славянской культуры, 2003. 256 с.
- Черникова В. Е.* Художественная коммуникация как объект философского исследования: на материале зарубежных теорий XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина, 1998. 360 с.

- Шенгели Г. А.* Техника стиха. М. : Госиздат. худ. лит., 1960. 312 с.
- Robert-Edward Hart.* Anthologie Poétique, exemplaire № 123 (hors commerce). France, 1976. 127 p.
- Stefan Hart de Keating.* Pérennité. Anthologie inédite de Robert-Edward Hart. Port-Louis, île Maurice : Les Arts Editions, 2002. 130 p.
- Логаэды, дольник, тактовик и акцентный стих: семинар Юрия Петровича. Гл. 5 // Стихи.ру URL: stihi.ru/2013/10/18/6805 (дата обращения: 05.04.2019).
- Littérature mauricienne Trois textes de Robert-Edward Hart. Maurice: ile-en-ile URL: ile-en-ile.org/trois-textes-de-robert-edward-hart/ (дата обращения: 20.03.2019).

кандидат педагогических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: irina.k.melnik@yandex.ru

LE TEXTE LITTÉRAIRE EN TANT QUE PARTIE INTÉGRANTE DE LA FORMATION EN COMMUNICATION PROFESSIONNELLE EN FRANÇAIS JURIDIQUE

Cet article porte sur l'utilisation de la littérature pour la formation des étudiants en français juridique. Sont définis les techniques de base dans l'enseignement du français. Les principales difficultés dans l'apprentissage du français pour les étudiants sont liées à la limite des heures d'étude, le manque de motivation. Pour les enseignants la réorientation est un grand problème. Apprendre le français à l'Institut de droit international et de justice MGLU – c'est commencer par deux années de FLE (Français Langue Étrangère) et ensuite deux années de Français de spécialité pour les années terminales. Afin de maintenir un bon niveau de la langue on utilise la littérature de droit. Presque toute la littérature est la littérature de droit. Le thème juridique est partout: cinéma, théâtre, opéra, sociologie, économie, philosophie, littérature, BD, musique etc. Les noms les plus illustres des juristes qui enseignaient en utilisant la littérature ce sont John H. Wigmore, Benjamin N. Cardozo, Richard Weisberg et de James Boyd White. Ils ont créé le système d'utilisation des romans dans l'enseignement juridique. Jean Carbonnier, juriste français a écrit son livre « Flexible droit » sur le même sujet. L'art est ainsi souvent utilisé par les enseignants comme un moyen de créer une situation en classe. L'apprentissage devient très efficace lorsqu'il y a une composante émotionnelle: de la musique, des vidéos, de la peinture, etc.

Mots-clés: littérature ; formation des étudiants ; français juridique ; droit ; juristes ; créer une situation ; cas.

I. K. Melnik

PhD (Pedagogy),
Associate Prof.
Department of Professional Communication in the field of Law
Institute of International Law and Justice
Moscow State Linguistic University
e-mail: irina.k.melnik@yandex.ru

LITERARY TEXT AS AN INTEGRAL PART OF TRAINING IN PROFESSIONAL COMMUNICATION IN FRENCH LEGAL

This article focuses on the use of the literary for the training of students in legal French. Basic techniques are defined in the teaching of French. The main difficulties in learning French for students are related to the limit of hours of study, the lack of motivation. For teachers retraining is a big problem. Learning French at the Institute of International Law and Justice MSLU- it starts with two years of FFL and then two years of specialty French for the final years. In order to maintain a good level of the language teachers use the legal literature. Almost all literature is legal literature. The legal theme is everywhere: cinema, theater, opera, sociology, economics, philosophy, literature, comics, music, etc. The most illustrious names of jurists who taught using literature were John H. Wigmore, Benjamin N. Cardozo, Richard Weisberg and James Boyd White. They created the system for using novels in legal education. Jean Carbonnier, French lawyer, wrote his book "Flexible droit" on the same subject. Art is often used by teachers as a way of creating a classroom situation. Learning is more effective when there is an emotional component: music, videos, painting, etc.

Key words: literary; student training; French legal; law; lawyers; create a situation; case.

Techniques de base dans l'enseignement du français

Actuellement, dans l'enseignement du français comme langue étrangère, en fonction des objectifs de l'enseignement, les enseignants français, ainsi que leurs collègues russes, mettent en évidence plusieurs techniques de base.

Ici on peut se référer à notre collègue française Mme Marie Beillet, professeur à l'Université d'Artois qui l'a souligné lors d'un séminaire à MGIMO le 13–14 décembre 2017 (www.institutfrancais.ru/ru/node/5583) qu'il existe différentes approches pour apprendre la langue française :

FLE (Français Langue Étrangère) – le programme est axé sur l'apprentissage approfondi des langues étrangères pour les linguistes et les futurs enseignants (Langue française en tant que matière enseignée) ;

FOS (Français sur objectifs spécifiques) implique la maîtrise de la langue à des fins professionnelles et comprend un cours accéléré de français général dans les entreprises avec une étude plus approfondie de la spécialité dans cette langue, mais n'implique pas une formation de longue durée, au maximum de 6 mois ;

FLM (Français Langue Maternelle) – étude approfondie des règles de la langue maternelle ;

FLS (Français Langue de Scolarisation) – le français pour les écoliers étrangers ; FLSCO (Le français seconde langue) – le français enseigné aux enfants nouvellement arrivés ;

Français de spé (Français de Spécialité). Cette technique est conçue pour étudier la spécialité pendant une période assez longue afin d'étudier en détail des situations de communication professionnelle dans le but d'élargir l'érudition professionnelle sans être liée à un domaine d'application spécifique dans le cadre d'une spécialité pour un large éventail d'étudiants;

FOU (Le français objectifs universitaires) – cours de formation biennaux pré-universitaires.

Les principales difficultés

Ce qui nous intéresse dans cet article c'est le Français de Spécialité pour nos étudiants des années terminales. A quoi se heurtent les étudiants dans cet apprentissage ? Les difficultés sont :

difficultés liées à la limite des heures d'étude. L'apprentissage se déroule sous la forme d'un cours intensif, car la plupart des apprenants abordent la langue à partir de zéro, La langue professionnelle est également étudiée pendant les deux ou trois dernières années dans les plus brefs délais.

Le manque de motivation pour l'enseignement. Souvent, les étudiants ne voient pas l'utilité pratique de suivre un cours, à l'exception de l'obtention d'une mention appropriée dans un diplôme. Cela signifie qu'il y a une tâche de convaincre ses étudiants qu'il y a des avantages qu'ils pourront utiliser après l'étude, les meilleures positions de départ sur le marché du travail, la promotion à l'échelle professionnelle, l'augmentation du salaire.

Les enseignants, à leur tour, sont également confrontés à de certaines difficultés:

Difficultés financières et manque de temps pour la mise à niveau ou réorientation. Ce n'est pas tous les enseignants qui peuvent se permettre de suivre des cours, comme par exemple les cours de la Chambre du Commerce et d'Industrie de Paris (www.fda.ccip.fr) en raison de leur coût élevé et de l'emploi des professeurs au travail. Par conséquent, il est souvent nécessaire pour le professeur lui-même de développer sa compétence de fond. Si pour une spécialité particulière on a déjà créé un tutoriel de qualité de la langue française à des fins spéciales, il est certainement beaucoup plus facile pour le travail des enseignants novices. A ce stade, l'enseignant

recueille également du matériel sur le sujet étudié afin que l'étudiant ait le sentiment nécessaire d'un contact réel avec le domaine professionnel, ce qui augmente la motivation de l'apprentissage. Développement d'un appareil méthodologique adéquat. Il doit correspondre, d'une part, à l'état actuel de la pensée pédagogique scientifique et, d'autre part, prendre en compte les besoins professionnels des spécialistes d'un profil donné, et non seulement ceux du présent, mais aussi ceux de l'avenir.

APPRENDRE LE FRANÇAIS À L'INSTITUT DE DROIT INTERNATIONAL ET DE JUSTICE MGLU

Apprendre le français à l'Institut de droit international et de justice MGLU

C'est apprendre le Français de Spécialité parce qu'il ne s'agit pas d'une étude à court terme et ne vise pas un résultat spécifique comme FOS, mais vise à former un juriste compétent dans tout domaine du droit, la durée d'études étant de 4–5 années (premier cycle ou spécialité). Lorsque les étudiants maîtrisent un cours spécial de langue française, ils sont généralement guidés par le désir de trouver un travail utilisant une langue étrangère dans une spécialité de leur pays d'origine ou *s'essayer* à l'étranger. En outre la langue peut être étudiée à des fins académiques, par exemple pour la rédaction des articles scientifiques.

Étant donné que l'intérêt pour la langue française augmente dans le monde entier, il existe malheureusement en Russie une mauvaise tendance contraire. Par conséquent, les étudiants de la première année sont de vrais débutants ou très rarement de faux débutants (environ 2 ou 3 personnes par groupe de 10 à 15 personnes). C'est-à-dire que le pourcentage des étudiants qui ont les connaissances de base a considérablement diminué. Compte tenu de cette situation, on a décidé de diviser l'étude en deux cours: a) cours intensif de français général, en tant que langue étrangère pour la première et la deuxième année d'études ; b) le français du droit qui est réservé pour deux ou trois années terminales – où on étudie le vocabulaire juridique, les lois et les règlements français etc.

Maintenir une langue française générale

Les cours de français général finis, les étudiants apprennent les dispositions de la loi. Au fur et à mesure qu'ils progressent dans le programme, beaucoup de connaissances professionnelles apparaissent. Malheureusement quelque temps après, le manque d'entraînement pour

maintenir une langue française générale en état de fonctionnement normal commence à se faire sentir. Cette dernière commence progressivement à être oubliée. Afin d'éviter cette situation dans les programmes a été récemment introduite le travail indépendant des étudiants sur l'étude des œuvres littéraires au sujet juridique d'une manière autonome avec un contrôle pendant les cours une ou deux fois par mois et comme la question supplémentaire à l'examen.

Presque toute la littérature est la littérature de droit

Le thème juridique est partout: cinéma, théâtre, opéra, sociologie, économie, philosophie, littérature, BD, musique etc. Choisir la littérature pour maintenir les connaissances des juristes c'est facile, puisque si on analyse les sujets de la littérature dans le monde entier, on peut arriver à une conclusion inattendue que presque toute la littérature est la littérature de droit. Le rapprochement entre le droit et la littérature a lieu en Angleterre à la fin du XIXe siècle. Les noms les plus illustres ce sont John H. Wigmore, Benjamin N. Cardozo, Richard Weisberg et James Boyd White. Au début du vingtième siècle, une tendance similaire se dessine aux États-Unis. On plaide en faveur d'une éducation classique basée sur l'étude des cas pour la lecture d'un certain nombre d'œuvres littéraires, ce qui permettra aux étudiants de comprendre mieux l'image du monde. Parallèlement on souligne l'importance pour le juriste d'avoir l'élégance de l'écriture, le style pour convaincre. Dans les années soixante-dix du vingtième siècle, le mouvement du droit et de la littérature s'est poursuivi. Ce mouvement se développe dans des directions différentes. Le système d'utilisation des romans dans l'enseignement juridique a été repensé et approfondi [Damette 2017, p. 223].

Jean Carbonnier (1908–2003)

En parlant du rôle de la littérature dans l'étude du droit, il est impossible de ne pas mentionner le nom de Jean Carbonnier, juriste français, professeur de droit privé et de droit civil, qui rassemble la Littérature et la Loi. «La littérature à son avis est présentée comme une sociologie juridique» [Arnaud 2012, p. 180] qui essaye de prendre en compte les facteurs vitaux, ce qui entraîne l'apparition d'une discipline juridique rénovée illustrée d'une manière littéraire. «Le droit n'existant que par la société, on peut admettre que tous les phénomènes juridiques sont, d'une certaine manière au moins, des phénomènes sociaux... Le droit que nous considérons ici est

le droit en tant que science, tel qu'il est traditionnellement enseigné dans les facultés de droit, pratiqué dans les tribunaux le droit dogmatique, ainsi qu'on le nomme pour plus de clarté, mais sans intention de dénigrement, car il va de soi qu'en utilité sociale le droit dogmatique l'emporte sur la sociologie du droit. On pense d'abord à des différences d'objet, dont la plus simple serait celle-ci : que le droit dogmatique étudie les règles de droit en elles-mêmes, alors que la sociologie juridique s'efforce de découvrir les causes sociales qui les ont produites et les effets sociaux qu'elles produisent» [Carbonnier 2016, p. 254].

Jean Carbonnier auteur de «Flexible droit» mérite d'être considéré comme l'un des prédécesseurs les plus cultivés qui a utilisé ses modèles de jurisprudence qui a utilisé la littérature comme une ressource précieuse. Il faut aujourd'hui accorder plus d'attention à la diversité et à la portée de ses activités, dont on peut tirer des renseignements précieux de l'humanisme juridique, ce qui est différent de la position des spécialistes dogmatiques trop liés au caractère scientifique ou technique de leurs disciplines, et qui ont rejeté la littérature qui est en fait un « résumé des expériences sociales » [Teissier-Ensminger 2015, p. 254].

Son livre «Flexible droit» met l'accent sur l'intérêt anthropologique, «qui combine disciplines juridiques et non juridiques en un tout expressif, modèle de comportement humain» [Teissier-Ensminger 1999, p. 220]. Enfin, il illustre en insistant sur le fait que la littérature couvre non seulement l'homo juridicus, mais, dans un sens plus général, l'humanité légale. Sa jurisprudence est une jurisprudence à visage humain.

Il a pu établir une réciprocité critique juste et instructive entre les deux disciplines.

Ainsi, son ouvrage «Flexible droit» illustre la supériorité de la littérature comme antidote au dogmatisme juridique, parfois paradoxalement étayé par des concepts théoriques des sciences sociales. Etant donné que les phénomènes sociaux ne sont pas toujours logiques, leur compréhension «littéraire» est certainement la plus complète et c'est en ce sens que le texte fournit, dans une certaine mesure, la clé de l'écriture poétique du droit, qui symbolise le mieux le génie d'un juriste.

Sans aucun doute, pour atteindre cet objectif de son retour à la tradition humaniste de médiateur entre législateurs littéraires et juristes instruits, cela n'est pas inutile, puisque Jean Carbonnier savait déjà comment élargir et relancer les tentatives modernes de repenser l'idée de droit.

***Vulnérabilité de la créativité de l'écrivain.
La récente avalanche de condamnations judiciaires pour atteinte à la vie
privée rend l'exercice littéraire risqué***

C'est surprenant mais il y a une tendance moderne de poursuivre les écrivains pour atteinte à la vie privée. Il faut dire qu' à partir de Rousseau, Proust, Stendhal ou Balzac tous les écrivains mettent toujours en scène des personnes réelles, qui peuvent se reconnaître. Si on suit la logique des condamnations récentes, les ruptures amoureuses, la vie familiale, les turpitudes des personnages publics sont des territoires désormais interdits à toute forme de littérature. Ces jugements sont de véritables attaques en règle contre le fondement de la littérature: l'inspiration. Pour faire simple, le tribunal cherche celui qui est de mauvaise foi. Les verdicts, pourtant, sont lourds. 50.000 euros pour Marcela Iacub et son éditeur (bénéficiaire : DSK, vedette du conte cochon « Belle et bête »), 10.000 euros pour l'éditeur de Lionel Duroy (bénéficiaire : le fils de l'écrivain, exposé dans « Colères »), 40.000 euros pour Christine Angot et son éditeur (bénéficiaire : Elise Bidoit, rivale de la romancière et muse démolie de son roman « les Petits »). « Un avocat partage son inquiétude : le raisonnement des juges, si on le pousse à son extrémité, c'est qu'un auteur peut être condamné dès lors qu'une personne, dans son livre, est identifiable et que sa santé ou sa sexualité est évoquée sans bienveillance » (Caviglioli, D. Les romanciers peuvent-ils encore s'inspirer de personnes réelles? 2013. *bibliobs.nouvelobs.com*)

***Utilisation de la littérature
dans les cours de droit français***

Dans la célèbre monographie *The Learning Revolution* by Gordon Dryden (Dryden, G. *The Learning Revolution*. Springfield : Revised edition 1999. 543 p.), l'auteur souligne que l'apprentissage est alors efficace lorsqu'il y a une composante émotionnelle à la leçon. Il souligne que, par exemple, il peut y avoir de la musique comme dans la méthode de Lozanov où l'aspect artistique devient un élément fondamental. Une attitude émotionnelle correctement choisie peut accélérer l'assimilation du matériel. En plus de la musique, il peut s'agir de regarder des vidéos, d'utiliser de la peinture, etc. L'art est ainsi souvent utilisé par les enseignants comme un moyen de créer une situation en classe, comme un moyen de faire une pause et d'éviter la monotonie et la fatigue pendant la leçon, lui donner du volume en agissant sur divers organes sensoriels.

Par exemple si on commence la leçon avec passage de Georges Simenon afin de créer ensuite une étude de cas, prenons par exemple sur son livre «Le Chien jaune» cela sera très bien pour le début d'une leçon sur le droit pénal le sujet de meurtre:

«...Alors il court à l'Hôtel de l'Amiral. Le café est presque vide. Accoudée à la caisse, une fille de salle. Près d'une table de marbre, deux hommes achèvent leur cigare, renversés en arrière, jambes étendues.

– Vite !... Un crime... Je ne sais pas...

Le douanier se retourne. Le chien jaune est entré sur ses talons et s'est couché aux pieds de la fille de salle.

Il y a du flottement, un vague effroi dans l'air.

– Votre ami, qui vient de sortir...

Quelques instants plus tard, ils sont trois à se pencher sur le corps, qui n'a pas changé de place. La mairie, où se trouve le poste de police, est à deux pas. Le douanier préfère s'agiter. Il s'y précipite, haletant, puis se suspend à la sonnette d'un médecin.

Et il répète, sans pouvoir se débarrasser de cette vision :

– Il a vacillé en arrière comme un ivrogne et il a fait au moins trois pas de la sorte...

Cinq hommes... six... sept... Et des fenêtres qui s'ouvrent un peu partout, des chuchotements...

Le médecin, agenouillé dans la boue, déclare :

– Une balle tirée à bout portant en plein ventre... Il faut l'opérer d'urgence... Qu'on téléphone à l'hôpital...» (Simenon, G. Le Chien Jaune. Paris : Le Livre de Poche, 2003. 190 p.)

Bien sûr la pratique habituelle pendant les cours de communication professionnelle en français consiste le plus souvent à étudier des articles de presse de style neutre illustrant une règle juridique particulière. Mais la lecture de temps en temps des œuvres littéraires comporte une composante artistique, donnant l'émotivité à la leçon.

Pour les étudiants – juristes leur profession est partout :

1. pour la première année d'études on peut prendre les livres pour ados comme par exemple «Le concert en Bretagne» où il y a tout le lexique nécessaire pour les études du français débutant et en plus c'est intéressant : le vol à la bijouterie, la poursuite, l'interrogatoire :

«L'homme assis devant Gwen, c'est l'inspecteur Le Grand, l'inspecteur de la télé. Il a des cheveux gris et des petites lunettes sur le bout du nez. Et surtout il porte de grosses bretelles : ça fait beaucoup rire Gwen. Il a l'air sympathique. L'inspecteur interroge l'adolescente.

- Gwen, je ne comprends pas pourquoi tu es ici. Est-ce que tu peux raconter ton histoire ?» (Talguen, C. Concert En Bretagne. Madrid : Rachel Barnes, 2006. 47 p.)

2. pour la deuxième année on peut utiliser des bandes dessinées pour développer le discours de dialogue. Ainsi, par exemple, des bandes dessinées de Tibet et A.P. Duchateau «L'ombre de Cameleon» où le journaliste Rick Hochet participe activement aux enquêtes de la police :

«Cependant au même moment au Quai des Orfèvres...

- Hein ? Mais ce n'est pas possible !.. Ça alors quelle gaffe terrible ! Vite prévenir tout de suite le commissaire ...
- Quoi ? Qu'est-ce que vous racontez Ledru !?
- Oui chef ! Une grave erreur a été commise ... en vérifiant la liste des détenus du pénitencier ...
- Laquelle ? Eh bien... je... il faut agir immédiatement...» etc. (Tibet, Duchateau, A. L'ombre de Cameleon. Bruxelles : Le Lombard, 1996. 62 p.).

Pour poursuivre on peut lire une multitude de romans, tous à succès Guillaume Musso «Et après...» «Sauve-moi», «Seras-tu là?» «Parce que je t'aime» etc, Fred Vargas «L'Homme aux cercles bleus» «Pars vite et reviens tard» etc. Ou bien Patrick Modiano : «l'Herbe des Nuits», «Pour que tu ne perdes pas dans le quartier», «Souvenirs dormants» etc.

Ou bien on peut étudier le thème du crime, du procès et de l'exigence morale au sens du dilemme que l'homme a à résoudre avec lui-même sans a priori, dans le roman d'Albert Camus «l'Etranger» «pour se poser la question : est-ce qu'on va enfin accepter la difficulté d'être un homme libre, parce que Camus, c'est l'exemple d'un homme libre et c'est au combien difficile d'être un homme libre? Y compris dans notre société aujourd'hui peu d'hommes sont libres. C'est ça la leçon d'Albert Camus, c'est pour ça qu'il faut l'enseigner» [Babey 2013, p. 118].

Il faut ajouter qu'aux cours supérieurs on peut utiliser la littérature traduite de la langue anglaise. Sans compromettre les mérites littéraires des écrivains français, les traductions de l'anglais sont plus saturées avec le vocabulaire nécessaire pour l'étude, en raison de la plus grande compacité de l'anglais. Par exemple «l'Affaire Jane Eyre» de Jasper Fforde, comme une illustration fantastique de l'application du droit d'auteur :

«Gad's Hill accueille plusieurs milliers de visiteurs par jour : c'est le troisième lieu de pèlerinage littéraire après le cottage d'Anne Hathaway et la maison des Brontë à Haworth. Une telle affluence pose un très gros problème de sécurité ; personne ne veut prendre de risques depuis qu'un détraqué a fait

irruption à Chawton, menaçant de détruire toute la correspondance de Jane Austen si l'on ne publiait pas sa biographie franchement banale et ennuyeuse de l'écrivain. Ce jour-là, il y avait eu plus de peur que de mal, mais c'était un sinistre présage pour les années à venir. À Dublin, l'année suivante, une bande organisée avait fait main basse sur les papiers de Jonathan Swift, exigeant une rançon. Au terme d'un siège prolongé, deux des bandits avaient été tués, et plusieurs pamphlets politiques originaux ainsi qu'un premier jet des Voyages de Gulliver, irrémédiablement perdus. L'inévitable devait se produire. Les reliques littéraires furent placées dans des vitrines blindées, gardées par des caméras de surveillance et des policiers armés. Personne n'aimait ça, mais c'était la seule solution. De fait, il y avait eu peu de problèmes majeurs depuis, et le vol de Chuzzlewit n'en était que plus remarquable» (Fforde, J. *L'Affaire Jane Eyre*. Paris : Fleuve Noir, 2004. 408 p.).

Avec la lecture on peut lancer une discussion sur le cas, composer les dialogues, accomplir un travail écrit etc.

Pour conclure on peut dire que ce soit Raskolnikov ou bien Don Juan ou bien l'oncle d'Hamlet Claudius ou les garçons vicieux des Faux-monnayeurs d'André Gide, c'est toujours avec de l'humanisme que les auteurs traitent le thème de la morale (la punition du méchant) et expriment à travers l'oeuvre leur position sociale. Tous ces sujets littéraires sont des cas sophistiqués qui provoquent l'intérêt intellectuel, qui font réfléchir aux détails des affaires qui sont beaucoup plus difficiles à comprendre pour appliquer une telle ou telle loi parce que la loi peut être parfois trop rigide, incomplète et même injuste (p. ex. auto-défence). La littérature c'est comme de la nourriture pour l'esprit et c'est impossible de priver les étudiants futurs juristes de la possibilité de réfléchir et de s'épanouir en lisant pour avancer et évoluer encore en mieux la législation.

BIBLIOGRAPHIE

- Arnaud A.-J.* Jean Carbonnier. Un juriste dans la cité. Paris: LGDJ / lextenso éditions, Collection Droit et Société Classics, 2012. 201 p.
- Babey S.* Camus. Une passion algérienne. Baixas : Balzac éditeur, 2013. 134 p.
- Carbonnier J.* Sociologie juridique. Thémis-PUF, 2016. 416 p.
- Teissier-Ensminger A.* Fabuleuse juridicité : Sur la littérarisation des genres juridiques. Editions Classiques Garnier, 2015. 866 p.
- Teissier-Ensminger A.* La Beauté du Droit. Paris, Descartes et Cie. 1999. p. 281.
- Damette E.* Méthode du français juridique. Dalloz, 2017. 300 p.

УДК 811.133.1

Я. Д. Новикова

студент-бакалавр факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: anytownn@gmail.com

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКИХ ОСНОВ В СТАРО- И СРЕДНЕФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена истории формирования французского языка. Описываются некоторые теоретические подходы при анализе развития латинских основ. Раскрывается влияние латинского языка на развитие французского языка. Приводятся примеры лексической эволюции некоторых французских слов.

Ключевые слова: французский язык; латинский язык; лексика; диахрония; номинация.

Y. D. Novikova

student bachelor Faculty of the French language
Moscow State Linguistic University
e-mail: anytownn@gmail.com

DIACHRONIC ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF LATIN STEMS IN THE OLD AND MIDDLE FRENCH LANGUAGE

This article is devoted to analyzing the French language history. The author describes some theoretical approaches in the analysis of the development of Latin stems, reveals the Latin language influence to the French language development. There are some examples of lexical evolution of some French words.

Key words: French language; Latin language; vocabulary; diachrony; nomination.

Хорошо известно, что французский принадлежит к группе романских языков и что он унаследовал много слов от латинского языка. Словарный запас современного французского состоит на 80 % из слов латинского происхождения, но эволюция этих слов во французском языке происходила нелинейно. На разных этапах своей эволюции французский язык, обогащаясь словами латинского происхождения, изменял их, учитывая, с одной стороны, коммуникативные особенности того или иного периода, с другой – некоторые внутренние правила смысловой эволюции. В данном случае можно говорить о взаимодействии экстралингвистических и чисто лингвистических

факторов. Диахроническое изучение лексической семантики помогает лучше понять функционирование единиц в современной речи.

Отношения номинации – единица семантического аспекта языка, элементарная частица эволюции его семантики. Эти отношения устанавливают связь между языковым элементом (словом) и обозначаемой им действительностью. Означающее – внешняя форма наименования, референт – то, что необходимо обозначить.

Означаемым слова (или словосочетания) может быть только результат интеллектуальной деятельности человека, т.е. понятие или идея. Этот мыслительный конструкт, связанный с означающим в сознании носителей языка, формирует означаемое в семантической структуре слова. Означаемое является частью языка: это результат разделения и обобщения элементов действительности, который принимает специфическую форму в каждом языке. Означаемое выделяется, так как у него есть закрепленное в языке вербальное обозначение.

В речи слова применяются для обозначения экстралингвистических объектов действительности – предметов. Связь между словом (означающим) и предметом (референтом) возможна только благодаря означаемому: на основе ярко выраженных свойств объекта говорящий связывает его с конкретным понятием, имеющим в языке соответствующее обозначение. Поскольку у любого объекта есть множество отличительных свойств, он может получать различные обозначения в речи.

По своей природе обозначаемые элементы внеязыковой сферы можно разделить на три группы:

- те, которые не зависят напрямую от деятельности человека (природные объекты: реки, горы, земля; состояния: огонь, влага; свойства предметов: цвет, размер; наименования фауны и флоры...);

- те, которые связаны с деятельностью человека: жилище, орудия, питание, предметы быта, а также все социальные институты, общественные организации, формы государственного устройства и социальной иерархии, обычаи, мода...;

- сфера духовной жизни общества: понятия, чувства, ощущения, психологические феномены, этические и эстетические понятия, результаты работы воображения человека.

Деление на группы необходимо для исторической лексикологии, так как слова, обозначающие элементы каждого из этих блоков, проявляют определенную специфику в развитии.

Среди причин развития лексической системы языка можно назвать изменение предмета действительности. Явления действительности, не зависящие от деятельности человека, изменяются достаточно медленно. Осязаемая действительность, созданная человеком, более подвержена изменениям.

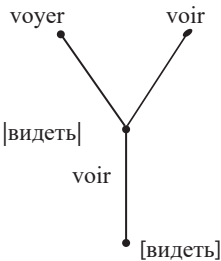
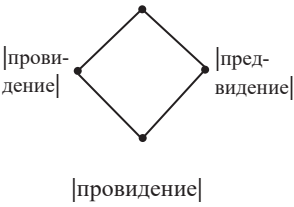
Но объективная изменчивость предметов, явлений внешнего мира, не единственный и не самый важный фактор семантической эволюции. Систематические изменения происходят даже тогда, когда действительность стабильна. Способность человека перегруппировывать явления, изменять границы понятий приводит к изменениям наименований объектов, не зависящих от людей. Объекты образуют динамичные микросистемы, в которых отношения номинации постоянно эволюционируют. Объединение, членение и перегруппировка значений слов как результат этого процесса.

Семантические составляющие, или семы, это дифференциальные компоненты значения, совокупность которых формирует значение данного слова в отличие от другого значения того же слова или значения другого слова. Содержание любого слова, или семема, представляет собой совокупность простых значений, сем. Какие-то семы объединяют данное слово с другим, какие-то, наоборот, различают их.

Предмет обладает бесконечным числом признаков и свойств. Эти свойства могут быть менее важны для распознавания данного предмета, выделяемого на основании дифференциальных признаков. В некоторых условиях некоторые дополнительные свойства предмета могут выдвинуться на первый план, стать актуальными.

Изменение лексического знака может быть обусловлено факторами, относящимися к одному из трех планов аспектов семантического треугольника: к плану выражения (форма знака), к плану содержания (смыслу) или к плану самой действительности (предмет). Если сравнить лексические номинации в их эволюции, можно обнаружить, что есть различия в каждом из этих планов, поэтому можно выделить восемь возможных типов номинации [Бородина 1979, с. 11], которые в данной статье разбираются на примере старо- и среднефранцузских основ, произошедших от латинского глагола *vidēre* (см. табл.):

Таблица

Схема	Условные обозначения	Описание
Слово (C) Понятие (П) Объект (O)	$C_0P_0O_0$ 1 – сходство 2 – различие	
<p>1.</p> 	$C_1P_1O_1$	Все компоненты номинации остаются неизменными
<p>2.</p> 	$C_2P_1O_1$	Единство плана и содержания сохраняется, но есть расхождение в плане выражения, которое заключается в замене самой лексемы (одна лексема вытесняет другую)
<p>3.</p> 	$C_1P_2O_1$	Внешняя форма номинации и обозначаемый объект остаются идентичными, однако изменяется объём значения слова. Одно из значений может исчезнуть из языка или стать еще одним значением другого слова

<p>4.</p> <p>[способ ность видеть]</p> <p>[видение (действие)]</p> <p>[видение (действие)]</p>	<p>$C_2P_2O_1$</p>	<p>Один и тот же объект дейст- вительности обозначается разны- ми словами, имеющими неодина- ковый объём значения. Получается, что французское слово шире по объёму значения, нежели латин- ское, и они различаются лексиче- ской формой</p>
<p>5.</p> <p>[пересмотр]</p> <p>[пересмотр]</p> <p>[обозрение]</p>	<p>$C_1P_1O_2$</p>	<p>Одному слову и п о н я т и ю соответствуют две реалии, охва- тываемые общим широким по- нятием</p>
<p>6.</p> <p>[ясновидение]</p> <p>[видение]</p> <p>[зрение]</p>	<p>$C_2P_1O_2$</p>	<p>От предыдущего типа дан- ный тип отличается дополни- тельным расхождением в лексической форме номи- нации (два латинских слова с общим значением дают два французских объекта действи- тельности)</p>
<p>7.</p> <p>[запас]</p> <p>[аванс]</p> <p>[провиант]</p> <p>[первый взнос]</p>	<p>$C_1P_2O_2$</p>	<p>Латинское слово расширяет объём своего значения и впо- следствии изменяется в объек- тивной соотнесенности</p>

<p>8.</p> <div style="display: flex; justify-content: space-around; align-items: center;"> <div style="text-align: center;"> <p>visièe</p> <p> </p> <p>[взгляд]</p> <p> </p> <p>[прицеливание]</p> </div> <div style="text-align: center;"> <p>visière</p> <p> </p> <p>[забрало шлема]</p> <p> </p> <p>[забрало]</p> </div> </div>	$C_2P_2O_2$	<p>Речь идет о двух разных словах, развивавшихся по-своему и не имеющих <u>никаких</u> соприкосновений. Но остаются сомнения, так как не всегда легко установить, можно ли объединить данные реалии в общем понятии и так как иногда существуют трудности, связанные с внешней формой номинации одно ли это слово, омонимы, полисимия</p>
--	-------------	--

В таблице представлена эволюция корней латинского глагола *vidēre*. Среди причин изменений можно выделить две: объективная трансформация вещей и субъективная деятельность человека. Вторая причина важнее, потому что язык, в первую очередь, зависит от человеческого разума, то есть его существование возможно только благодаря человеку, который изобретает, развивает и использует лексические единицы, в то время как объективная реальность почти не меняется, если не брать во внимание деятельность человека. Для понимания механизмов формирования слов и их развития в плане содержания и выражения освещены такие элементы отношений номинации, как обозначающее, обозначаемое и предмет (референт). Представлены все возможные типы номинации и логические отношения между понятиями.

Это базовые знания, которые помогают проследить диахроническую эволюцию отдельных слов или лексико-семантических полей. Проведенный анализ позволил выявить некоторые механизмы семантической эволюции упомянутых производных от глагола *vidēre*, таких как перенос смысла различных типов, а также некоторые дифференцирующие особенности, характерные для разных периодов истории французского языка, а также обнаружить связь между различными понятиями, на первый взгляд не имеющими ничего общего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1979. 232 с.

Dictionnaire du Moyen Français, version 2015 (DMF 2015). ATILF - CNRS & Université de Lorraine. URL: www.atilf.fr/dmf.

Duchâcek O. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960. 215 p.

Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris, 2011. 2640 p.

Е. И. Свиридова

заведующий сектором Института международного образования
кафедра французской филологии факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета;
e-mail: zhenia.korypaeva@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»
КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
ПОСЛЕВОЕННОГО ОБЩЕСТВА ФРАНЦИИ
(на примере трилогии Э. Базена «Семья Резо»)**

В статье рассматривается концепт «семья» как важная часть культуры Франции периода после Второй мировой войны. Специфика концепта изучается в контексте трилогии Э. Базена «Семья Резо», выбранной в качестве представителя жанра нового французского семейного романа. Исследование проводилось с использованием исторических и литературоведческих источников. Центральное место в статье занимает определение причин трансформации концепта «семья» и анализ исследуемого текста с целью определения специфики индивидуально-авторского концепта. Доказывается, что проблематика семейных отношений исследуемого периода актуальна для трилогии Э. Базена. Связь между историческими, социальными и лично авторскими событиями рассматривается как ключевая для понимания концептуальных основ художественного текста и мотивации персонажей. Трансформация содержания концепта «семья» позволяет видеть противоречия героев как через внешний конфликт, так и через внутренний мир. Предложенный анализ концепта «семья» является ценным при изучении творчества писателей и различных языковых картин мира.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт; художественный текст; семейный роман; концептосфера; лексико-семантическое поле.

E. I. Sviridova

Hied of the Sector of the Institute of International Education
Department of French Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology
Voronezh State University; e-mail: zhenia.korypaeva@yandex.ru

**THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF "FAMILY"
AS A RESULT OF CHANGES IN CONCEPTUAL PICTURE
OF THE WORLD OF POSTWAR FRENCH SOCIETY
ON THE EXAMPLE OF E. BAZIN, TRILOGY "FAMILY REZO"**

The article considers the concept of "family" as an important part of the culture of France after World War II. The specificity of the concept is studied in the

context of H. Bazin's trilogy "the Rezo Family", chosen as a representative of the genre of the new French family novel. The study was conducted using historical and literary sources. The Central place in the article is the definition of the reasons for the transformation of the concept of "family" and the analysis of the studied text in order to determine the specifics of the individual author's concept. It is proved that the problems of family relations of the studied period are relevant for the trilogy of H. Bazin. The connection between historical, social and personal events is considered as a key to understanding the conceptual foundations of the literary text and the motivation of the characters. The transformation of the content of the concept "family" allows to see the contradictions of the characters, both through external conflict and through the inner world. The proposed analysis of the concept of "family" is valuable in studying the work of writers and various linguistic pictures of the world.

Key words: individual author's concept; artistic text; family novel; conceptsphere, lexical and semantic field.

Литературный процесс и процесс исторический тесно взаимосвязаны – самые важные и судьбоносные исторические события страны непременно будут прочувствованы, переосмыслены и сохранены на бумаге поэтами и писателями.

Знаковые события французской истории XIX–XX вв. оказали большое влияние на выбор основных тем и жанров литературных произведений. Отправной точкой литературы Нового времени может быть условно названо поражение Франции во франко-прусской войне, за которым последовало возникновение Парижской коммуны, ее разгром и утверждение Республики буржуа, принесшее кризис крестьянам, рабочим и буржуазии. Более того, мир вступил в Первую мировую войну, которая продемонстрировала возможную глубину падения человеческой личности, фактически, война нивелировала достижения цивилизованного мира и заставила переосмыслить пройденный путь.

Кульминацией нарастающего напряжения становится Вторая мировая война, повергшая весь мир в хаос и надолго оставившая в памяти народов острое чувство страха и незащищенности. Французский прозаик, сценарист и кинорежиссер Ален Роб-Грийе характеризовал состояние французского общества послевоенного периода следующим образом: «Мы только недавно вышли из войны, и в людях жили энергия, любопытство, жажда каких-то новых форм, смыслов – всё то, что постепенно исчезло. Главное сегодня – разочарование, как будто сама идея преобразования мира – литературой, политикой, искусством, мыслью – исчезла» (referatwork.ru/international_literature/section-7.html).

Разрушались не только традиционные представления о мире, но и традиционные представления о человеке. Литература провозглашает нравственную «смерть человека» и «смерть» прежних форм его описания, что, в свою очередь, повлекло за собой появление «нового романа» или «антиромана». Главный герой превращается в коллективного человека, раздваивается на несколько личностей, конфликтующих внутри него. Человек в новом романе не в силах изменить действительность, но он и не может смириться с ней.

В совокупности семейный роман того времени обращается к осмыслению динамики взаимоотношений человека и семьи, видоизменяющейся на фоне мировых событий. Во главу угла была поставлена история личности, включенная в пространство семьи – общества в миниатюре. Подобная демонстрация несовершенств буржуазного общества в малом масштабе вскрывала конкретные пороки старого строя (5fan.ru/wieviewjob.php?id=34536).

Понятие «семья» становится синонимом враждебной силы, стремящейся уничтожить индивидуальность героя и навязать неотвратимость подчинения семейным интересам. Герой начинает бороться против семьи, как против символа традиционного уклада.

Из вышесказанного становится очевидным, что концепт «семья» по праву является одним из центральных концептов исследуемого литературного периода. Это лежащая на поверхности идея, ставшая результатом анализа состояния потрясенного общества, но вместе с тем идея, развитие которой подразумевает глубокое понимание жизнедеятельности социума, его реакции на происходящие события и, что более важно, реакции отдельного человека, как представителя конкретной эпохи, конкретной семьи и конкретного возрастного периода.

Далее в имеющемся контексте рассмотрим трилогию Э.Базена «Семья Резо», ее лично авторские основы, а также выделим лексико-семантические группы, вербализирующие центральный концепт «семья».

В любом художественном тексте возможно выделение концептов, объединенных личностным инвариантным смыслом, соответствующим миропониманию автора. Художественному тексту приписывается статус индивидуальной опосредованной картины мира. Термин «картина мира» сопровождается уточнением «концептуальная», а единицами картины мира признаются индивидуально-авторские концепты [Красавский 2010, с. 118–133]. Изменение авторских взглядов и оценок как

реального мира, так и моделируемого в тексте мира художественного, выражается в развитии содержания индивидуально-авторского концепта на разных этапах творчества. В художественных текстах часто представлены концепты, объединенные инвариантным личностным компонентом, который характеризует авторское видение действительности. Рассматривая индивидуально-авторский концепт как часть концепта общезыкового, испытывающую его влияние и кристаллизирующую имеющиеся смыслы, мы считаем возможным обратиться непосредственно к авторскому наполнению концепта «семья», как отражению реальной картины мира. В связи с противоречивостью и комплексностью наполнения указанного концепта отмечаем, что наиболее актуальным в рамках исследуемого текста является термин «авторская концептосфера», как совокупность двух центральных и противоборствующих концептов произведения, которые будут рассмотрены в дальнейшем.

Э. Базен ощутил на себе не только сложность семейных взаимоотношений, но и нищету, и ужасы войны. Литературные критики отмечают в образе и судьбе главного героя трилогии «Семья Резо» – Жана Резо определенные автобиографические черты, характерные приметы и события жизни автора. Благодаря синтезу полученного Э. Базеном опыта и его личных переживаний, связанных со взаимоотношениями в семье и поиском своего дела и места в обществе, мы получаем трилогию, в которую входят романы «Змея в кулаке» (1948), «Смерть лошадки» (1950) и «Крик совы» (1972).

Центральной личностью нашего исследования является главный герой трилогии Жан Резо. Герой, стремящийся к одиночеству, разрывает связи с семьей. Он резко противопоставляет себя семье, и, в частности, ее главе в лице матери, которую со злой иронией называет Психиморой. Стоит подчеркнуть, что исходя из описания внешности и воспитательных приемов матери, становится очевидным – именно она представлена в трилогии как воплощение пережитков старого патриархального, точнее, матриархального семейного уклада, при котором новое поколение является лишь калькой с предыдущего.

На протяжении трилогии главный герой устанавливает для себя ряд тезисов, осмысление которых дает ему возможность перешагнуть на следующую ступень личностного развития.

Первый тезис был принят главным героем в первой книге трилогии и остался неизменным до окончания повествования:

я – самостоятельная единица. Мать жестко ограничивала права и свободы детей, что заставило главного героя объединить своих братьев в отряд – «cartel des Gosses» – и начать вести неустанную борьбу против материнской диктатуры:

Quant à moi, pour la première fois, je me rebiffai. Folcoche reçut dans les tibias quelques répliques du talon et j'enfonçai trois fois le coude dans le sein qui ne m'avait pas nourri.

Зато я впервые дал Психиморе отпор: стукнул ее несколько раз каблуком по ногам и трижды ударил локтем в грудь, не вскормившую меня.

Основная и самая жестокая стадия конфликта сына и матери описана в первой части трилогии. Наличие большого количества лексики протеста и противостояния, представленной глаголами и существительными, обладающими индивидуально-авторской коннотацией, объясняется юным возрастом героя и склонностью демонизировать взаимоотношения с матерью.

Так, выделим лексико-семантическую группу глаголов (далее – ЛСГ), характеризующих материнское поведение мадам Резо:

couper – пресекать, gifler – давать пощечину, sanglotier – рыдать, entendre – запрещать, hurler – вопить, enfermer dans sa chambre – запереть в комнате, four ner de vis – закручивать гайки, détruire – портить, battre – бить, durcir – зверствовать, empoisonner – травить, faire mourir de faim – морить голодом.

Выделим также ЛСГ, характеризующую «репрессии», проводимые матерью для умирения детских бунтов:

sabots – деревянные башмаки, cheveux tondus – коротко стриженные волосы, éducation forte – суровое воспитание, inspection – обыск, colonie – колония, guerre civile – гражданская война, représailles – репрессии.

Главный герой преимущественно пользуется лексикой военного и революционного времени: *combat – сражение, révolte – переворот*, а также описывает различные способы «взаимодействия» с матерью следующими словами и выражениями: *vengeance – месть, tentative d'assassinat – попытка убийства, être couvert de bleus – быть покрытым синяками, répliques dutalon – удар каблуком, adolescence – взросление.*

Важно обратить внимание на то, что вышеуказанная лексика вербализует именно концепт «устаревшая семья». Первая часть

трилогии не содержит лексических средств, вербализующих концепт «новая семья», что может быть объяснено ограниченной свободой общения главного героя, его нахождение в тесных семейных рамках.

Анализируя вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что для концепта «устаревшая семья» ядерным оказывается понятие *haine* – *ненависть*.

Во второй части трилогии «Смерть лошадки» Жан Резо вырывается из тисков материнской «опеки». Он отрекается от семьи и по собственной воле становится «деклассированным», а значит, свободным.

Ядерной лексемой для следующего тезиса главного героя – **семья мешает мне развиваться** – является понятие *liberté* – *свобода*.

Пытаясь существовать самостоятельно, главный герой преодолевает ряд серьезных «классических» трудностей – Жан Резо оказывается в том послевоенном мире, где он – «жадный до жизни» – начинает бороться за свое право выбирать профессию и женщину. Жан Резо ставит себя в один ряд с современниками, разделяя их большие беды и маленькие радости:

Je dis: nous, car je ne suis pas seul. Dix mille camarades jouent aux clochards».

Я говорю мы, ибо я был не один. Десять тысяч моих товарищей жили на положении бродяг.

Вторая часть трилогии может быть охарактеризована парой контекстуальных антонимов *filer* – *убегать* – *surveiller* – *следить*, ёмко описывающей жизнь Жана Резо в «изгнании» и интерес матери к его быту. Также отмечаем новый пласт лексики, описывающий как проявление самостоятельности главным героем, так и его самоидентификацию, осознание себя частью общества: *vivre comme tant d'autres* – *жить, как многие*, *apprendre à être pauvre* – *учиться быть бедным*, *connaître le véritable prix* – *знать истинную цену*, *gagner* – *зарабатывать*, *aimer* – *любить*, *épouser* – *жениться*, *ma famille* – *моя семья*, *papa* – *отец*. Важно подчеркнуть, что среди указанных примеров есть и слова, напрямую относящиеся к понятию «семья», т. е. быть свободным для Жана Резо означает выбирать, помимо прочих моделей, модель семейных отношений. Также во второй части трилогии мы встречаем следующие ЛСГ: во-первых, собирательные существительные, характеризующие взаимоотношения в новой семье: *maternité* – *материнство*, *romance* – *романтика*, *patience* – *терпение*, *tendresse* –

нежность, *intimité* – тесная связь, *bonheur* – счастье; во-вторых, группа глаголов, таких как *comprendre* – понимать, *aider* – помогать, *accompagner* – сопровождать, *respecter* – уважать, *fièr* – гордиться. Более того, необходимо обратить внимания на контекстуальные антонимы, отображающие всё еще существующий конфликт с прошлым в «рабстве» семейных уз Резо: *enfant de l'amour* – ребенок любви – *enfant de la haine* – ребенок ненависти, *bonne volonté* – добрая воля, *combat* – сражение и т. д.

В третьей части трилогии «Крик совы» Жану Резо удастся избавиться от страха перед слежкой, устроенной мадам Резо. Это избавление отражается на выборе и частотности лексики, характеризующей конфликт. Так, мы можем выделить группу слов, описывающих свободу слова, царящую в семье Жана Резу, ту свободу, которой не знает и которую не принимает мать: *démocratie* – демократия, *soumission totale* – тотальное уважение, *égalité* – равенство, *institution du conseil* – заседание совета, *la vie discutable* – жизнь обсуждается, *bon pouvoir* – добрая власть, *droit de parole* – право слова, *débat* – спор, *vote* – голосование, *loi du nombre* – закон большинства.

Исходя из вышеперечисленных средств вербализации концептосферы «семья», мы, вслед за Жаном Резо, приходим к следующему и последнему тезису – **моя модель семьи (новая семья) будет другой** – центральными понятиями которого являются понятия *créer* (создавать) и *amour* (любовь).

Конфликт таких противоположных явлений, как разрушение и созидание отражает естественное течение времени, которое оказывает влияние на сюжет и на судьбы персонажей. В трилогии существенно выделяются две силы – процессы разрушения и созидания. Лексика, характеризующая их, представляет большую часть авторской концептосферы «семья». Первая часть трилогии «Змея в кулаке» содержит большое количество лексики, относящейся к проявлению процессов разрушения. Данные процессы, в большинстве своем, обусловлены внешними факторами, такими как технический прогресс, исторические события и природные явления: *vieilles familles* – старинные семейства, *vieille bourgeoisie* – старая буржуазия, *vieilles gloires* – былая слава, *boutiquaillerie* – торгаши, *communists* – коммунисты, *noblesse est une caste vaine* – дворянство это ненужная каста, *grève du droit* – право на забастовку, *ouvrière* – рабочий, *irrémédiable décadence* – неминуемый крах, *décliner* – идти к упадку, *finir* – заканчивать, *dégérer* – вырождаться.

История диктует собственные правила: дворянство вырождается как класс, на смену ему приходит буржуазия, что означает крах для семьи Резо.

Подобное наблюдаем также в третьей части трилогии «Крик совы», показывающей исчезновение старого поколения семьи Резо через состояние родового гнезда. Так, устаревший тип семьи описывается следующей лексикой: *claque du siècle précédent* – осколок прошлого века, *concessions anciennes* – старые владения, *ruines* – руины, *nesubsister* – не уцелеть, *odeur fongueuse* – запах тления, *gâter l'erede* – разгубить оставшееся, *château minable* – полуразвалившийся замок и т. д.

Разрушение находит свое выражение в смерти родственников главного героя, в крушении устаревших уставов («устаревшей семьи») и исчезновении отслуживших слоев общества. Созидание противопоставляется разрушению благодаря таким явлениям, как рождение детей и создание семей нового порядка. Важно отметить, что старое поколение семьи Резо не созидает. Главным создателем нового является Жан Резо. Во второй и третьей части трилогии повзрослевший Жан Резо создал: *enfant* – ребенок, *fil* – сын, *mariage* – брак, *nouvelle génération* – новое поколение.

Автор, вслед за Жаном Резо, делает акцент на смене поколений: смерть главного «антигероя» трилогии – мадам Резо ознаменована рождением ее правнучки, а это означает, что жизнь будет продолжаться, и время будет неумолимо идти вперед. Вследствие этого глагол *mourir* (умирать) и существительное *enterrements* (похороны) могут быть охарактеризованы как лексика, относящаяся к понятию прошлого, к концепту «устаревшая семья».

Суммируя вышесказанное, отмечаем, что концепт «семья» претерпел трансформацию, катализатором которой стали социальные потрясения, обрушившиеся на Францию конца XIX – начала XX вв. Исходя из анализа трилогии Э. Базена «Семья Резо», мы имеем возможность определить, как изменилось наполнение исследуемого концепта на примере становления главного героя трилогии – Жана Резо. Мы пришли к выводу, что авторская концептосфера «семья» представлена двумя противоположными концептами: «новая семья» и «устаревшая семья». Лексико-семантические поля, вербализующие указанные концепты, изменчивы. Мы отмечаем количественное изменение лексики, вербализующей концепт «новая семья» от наименьшего в первой части трилогии к наибольшему в третьей, и обратную

динамику вербализации концепта «устаревшая семья». Так, концепт «новая семья» во второй части трилогии представлен 68-ю лексемами и 45-ю – в третьей. Концепт «устаревшая семья» представлен 96-ю лексемами в первой части трилогии, 19-ю – во второй и 11-ю – в третьей части. Это доказывает трансформацию понятия «семья», а также переход героя от старого мировосприятия к новому. Помимо количественных отличий выявлены качественные, проявляющиеся в разнообразии лексики, вербализирующей указанные концепты. Анализ лексико-семантических групп, характеризующих изменения психологического и физического состояния персонажей, их ключевые понятия и убеждения, доказывает, что авторский концепт произведения включает в себя целый ряд интерферирующих микроконцептов, находящихся в отношениях оппозиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Красавский Н. А.* Метафорическая репрезентация концепта «одиночество» в романе Германа Гессе «Степной волк» // Рефлексии. Журнал по философской антропологии. 2010. № 2. С. 118–133.
- Bazin H.* Vipère au poing. P. : Éditions Le Livre de Poche, 1972a. 186 p.
- Bazin H.* La mort du petit cheval. P. : Éditions Le Livre de Poche, 1972b. 224 p.
- Bazin H.* Cri de la chouette. P. : Grasset, 1973. 297 p.

E. V. Solovieva

Docteur ès lettres,
maître de conférences Institut d'Etat pédagogique de langues étrangères
Maurice Thorez;
e-mail : solovieva-elena@rambler.ru

JEU AVEC LE LECTEUR DANS LES ŒUVRES DE LA LITTÉRATURE LUDIQUE (roman de M. Boulgakov « Le Maître et Marguerite »)

L'article se pose pour objectif l'étude de la coopération textuelle auteur / lecteur dans le roman de Mikhaïl Boulgakov « Le Maître et Marguerite » conformément à la théorie du jeu, élaborée et développée depuis longtemps mais qui ne cesse pas d'animer les intérêts scientifiques interdisciplinaires. Ces intérêts sont soutenus par les capacités des catégories métaphysiques ludiques (comme, par exemple, fictivité ou liberté de conduite ludique) de manifester l'interdépendance de la structure sémantique textuelle et des acceptations pragmatiques visées par l'auteur de l'œuvre littéraire. La notion de littérature ludique est définie par le caractère interactif des relations de l'auteur et du lecteur, surtout attribué aux œuvres occidentales d'aujourd'hui dont les textes rompent avec les conventions littéraires en usage et la narration acquiert une ambiguïté interprétative. La lecture de l'œuvre dans ce cas s'apparente conséquemment à une partie de jeu entre l'auteur et le lecteur. Le lecteur n'existe pas comme d'habitude au singulier, c'est un ensemble de destinataires prévus par l'écrivain. Dans cette étude il se compose de l'auteur de cet article, de critiques littéraires, d'analystes scientifiques de tout genre. Un groupe de personnages du roman de Boulgakov joue un double rôle comme personnages de l'œuvre et en même temps ses destinataires. La ludicité comme type de littérature est traitée dans l'article comme type de fictivité, propre à toute la littérature, mais manifestée conformément au cas concret dans le sens de différences de genre littéraire et de valeurs sémantico-pragmatiques à atteindre. L'interprétation du roman de Mikhaïl Boulgakov dans l'optique de la littérature ludique permet de relever les particularités de la coopération auteur/lecteur, autrement dit leur jeu, dans les conditions de la situation socio-politique historique du pays, à savoir celle de la censure idéologique sévère. D'un côté l'auteur brouille exprès la perception du lecteur à des fins pragmatiques diverses, mais de l'autre il le mène dans la direction voulue de la compréhension adéquate. La pertinence ludique du roman se manifeste dans son énigmaticité et sa mystification, qui sont renforcées par sa publication posthume 20 ans après la mort de l'écrivain. Ce fait autobiographique augmente la diversité interprétative du roman. Les résultats obtenus de l'étude de l'œuvre dans l'optique de la théorie du jeu témoignent de l'importance de l'approche méthodologique choisie dans l'interprétation de la coopération auteur / lecteur de l'œuvre.

Mots-clés: théorie du jeu ; littérature ludique ; fictivité ; liberté d'expression ; coopération de l'auteur et du lecteur ; lien interactif ; énigme ; ambiguïté interprétative ; valeur méthodologique.

E. V. Solovieva

PhD (Philology), Assoc. Prof., Moscow State Pedagogic
Institute M. Thorez ; e-mail : soloviova-elena@rambler.ru

PLAY WITH THE READER IN LUDIC LITERATURE (Mikhail Bulgakov's novel "The Master and Margarita")

The goal of this article is to study the problematics of a literary text in the scope of author-reader collaboration in the novel "The Master and Margarita" by Mikhail Bulgakov, from the point of view of the theory of play, which has been since long elaborated philosophically, but still sparks interdisciplinary interest. This interest is maintained by capacities of metaphysical ludic categories (such as fictitiousness or freedom of ludic behavior) to express interdependence of a semantic structure and pragmatic meanings which authors pursue in literary works. The notion of ludic literature is based on the interactive nature of author-reader relation which is notably expressed in modern western literature whose texts break up with literary conventions and the narration acquires ambiguity in interpretation. The reading thus becomes similar to game between the author and the reader. The reader is not singular, but forms a multitude of addressees foreseen by the writer. In this study, the reader includes: the author of this article, literary critics and various scientific analysts. The group of characters in Bulgakov's novel play a double role: the characters of the narration and its addressees. Ludic nature, at a type of literature is treated in the article as a peculiarity of fictitiousness proper to all literature, but expressed in accordance with a specific case, within a specific genre, to achieve pragmatic and semantic goals. The interpretation of Bulgakov's novel from the point of view of "ludic" literature reveals peculiarities of author-reader interaction, in other words, their play, in the historical socio-political environment in a country, that is in the environment of harshest ideological censorship. On one hand, the author confuses the reader's perception purposefully, pursuing various pragmatic goals, on the other hand, he guides the reader to the right direction for adequate understanding. Ludic pertinence of the novel is expressed in its mysteriousness amplified by its posthumous publication, 20 years after the author's death. This autobiographic fact intensifies the interpretational multiplicity of the novel. The results of the novel study show, from the point of view of the theory of play, the importance of chosen methodological approach when treating the relation author-reader of the narration.

Key words: theory of play; ludic literature; fictitiousness; freedom of expression; author-reader cooperation; interactive connection; mystery; ambiguity of interpretation; methodological meaning.

Le jeu n'a jamais cessé d'animer les intérêts scientifiques interdisciplinaires. A l'heure actuelle où les regards de chercheurs sont tournés vers l'analyse de la communication langagière l'étude des dispositifs d'énonciation amène au recours plus approfondi de la théorie du jeu. Les ouvrages traitant du jeu dans des recherches consacrées à la littérature portent à la connaissance de spécialistes la notion de littérature ludique. A notre avis toute littérature est ludique dans ce sens qu'elle est fictive mais dont la fictivité représente une diversité infinie définie par l'immensité des réalisations sémantiques et pragmatiques.

La théorie du jeu créée et élaborée initialement par des philosophes a acquis une importance méthodologique dans l'analyse du texte ainsi que dans son écriture. La conception de Roland Barthes de la différence entre le texte classique, qu'il nomme « lisible » et le texte désigné par lui « scriptible » auquel il donne la préférence dans l'étude et la lecture prévoit la nécessité de remettre chaque texte dans son jeu, cela veut dire, de relever le paradigme infini de la différence. Le philologue assigne au jeu une importance méthodologique bien qu'il y en parle au sens métaphorique : « Pourquoi le scriptible est-il notre valeur ? Parce que l'enjeu du travail littéraire (de la littérature comme travail), c'est de faire du lecteur, non plus un consommateur, mais un producteur du texte » [Barthes 1970, p. 9–10].

Johan Huizinga affirme dans son ouvrage fondamental très connu « Homo ludens » que le jeu est un phénomène qui empreint tout le domaine intellectuel de l'homme [Huizinga 1976]. L'idée du philosophe sur la spiritualité immatérielle du jeu est partagée par Emmanuelle Kant. Malgré l'abondance d'interprétations du jeu à des fins différentes sa théorie contient des contradictions non résolues jusqu'à présent, c'est-à-dire, ses ambiguïtés ontologiques. C'est avant tout l'affirmation de l'omniprésence du jeu dans la vie d'un côté, et en même temps la présence de jeux concrets (cartes, dames, domino, marelle, loto etc.) qui ont lieu à part dans la vie pour amusement et délasserment, limités en temps et en lieu, soumis à des règles rigoureuses.

La valeur méthodologique de la théorie du jeu, qui pourrait servir de modèle de description littéraire, oblige les chercheurs à réfléchir sur ses ambiguïtés ontologiques. A notre avis la résolution de l'ambiguïté ontologique du jeu réside dans la distinction de deux substances ludiques différentes. La première caractérise une mentalité humaine associée par Umberto Eco avec l'activité structuraliste. Le philosophe écrit que nous élaborons des signes bien avant que nous émettons des sons, ou en tout cas des mots [Eco 1988]. Le témoignage du sémiologue nous fait penser

que cette activité immatérielle, propre à l'enfant, ainsi qu'à l'homme préhistorique, est à l'origine des jeux concrets matérialisés qui sont le produit de cette activité. La sculpture, la peinture, la littérature ainsi que des jeux de société ont occupé tous ensemble le même espace de produits ludiques.

Cette coexistence immatérielle et spirituelle du jeu, d'un côté, et productive immense de l'autre, a fait R. Caillois renoncer à classer les jeux eux-mêmes et entreprendre de répartir leurs qualités consubstantielles dans trois rubriques correspondantes : d'abord l'activité ludique est définie comme libre, séparée, incertaine, improductive, réglée, fictive, ensuite comme compétition, le hasard, le simulacre et le vertige et finalement tous ces principes, attitudes psychologiques ou impulsions primaires qui président aux jeux sont tous rangés entre deux pôles antagonistes qui ne sont pas des catégories de jeu mais des manières de jouer [Caillois 1958, p. 47, 118–119].

La réflexion du philosophe nous amène à l'idée que les catégories ludiques et les manières de jouer propres aux jeux, répertoriées par le philosophe, mènent une vie toutes seules, à des proportions, des manifestations et des combinaisons différentes dans diverses activités humaines : économie, politique, art, science, littérature et en plus, activité structuraliste, qui confirment toutes l'omniprésence ludique.

Les catégories immatérielles de jeu relevées par R. Caillois, qui caractérisent avant tout la conduite psychologique des joueurs, nous permettent de distinguer deux phénomènes différents : le jeu comme un trait pertinent de certaines activités humaines, plutôt créatives, et les jeux comme types de produits d'activité humaines. Dans ce cas-là les jeux comme marelle ou cache-cache ou la littérature, l'art etc. auront la même acceptation de produits ludiques.

Il nous semble que les catégories de jeu représentant des entités mentales dans l'interprétation de Roger Caillos, font partie d'une autre notion métaphysique qu'il avance. L'instinct de jeu, auquel s'adonne le joueur, constitue sa faculté de créer un monde en dehors de la réalité. L'instinct de jeu définit le propre de la création humaine. Sous l'effet de l'instinct de jeu les écrivains ou les artistes, dont la conduite est pareille à celle des joueurs, éprouvent des états psychologiques appropriées conformément à tous les traits ludiques faisant partie de ses trois classifications. L'instinct de jeu définit le type de fictivité emprunté par l'auteur de l'œuvre, sa structure et son langage, sa valeur pragmatique et esthétique.

Pour que le jeu ait lieu il est indispensable d'avoir un objet de jeu. Le célèbre psychologue russe A. Leontiev dans sa description du jeu d'enfant se sert des notions de la signification de l'objet de jeu, du sens ludique de l'objet de jeu et du décalage entre la signification de l'objet de jeu et le sens ludique [Леонтьев 1959]. Le psychologue cite en exemple le jeu d'enfant jouant au cheval avec un bâton. Le bâton a son usage significatif concret dans la vie quotidienne. Dans le jeu il devient cheval, donc constitue un sens ludique. Ces deux significations produisent un décalage, la différence des deux sens du même objet, ce qui forme, à notre avis, le principe sémantique de l'organisation structurale de n'importe quel discours de fiction.

Le décalage de l'objet de jeu et du sens ludique porte un caractère arbitraire, conventionnel, qui est une obligatoire propriété ludique, pareille à l'arbitraire du signe de F. de Saussure, qui est à l'origine de toutes les langues. L'activité conceptuelle, autrement dit activité structuraliste, porte sine qua non un trait ludique.

Généralement, l'objet de jeu dans l'œuvre littéraire n'existe pas au singulier, l'auteur utilise en même temps et dans le même ouvrage beaucoup d'objets de jeu dont le nombre, à notre avis, relève du type de l'œuvre, ce qui amène à la polysémie dans son texte. Il nous semble remarquable l'observation de Youri Lotman selon laquelle tous les sens qui en découlent ne s'annulent pas, mais coexistent en mouvement qui prend l'aspect de «scintillement» [Лотман 1967]. Voici pourquoi Y. Lotman envisage la polysémie comme principe sémantique ludique de la nature du texte littéraire. La forme appropriée du décalage du sens de l'objet de jeu et du sens ludique peut produire aussi l'effet comique.

Un autre attribut important de l'activité ludique, à part l'objet de jeu, réside dans la présence des partenaires de jeu dont le nombre varie d'un jeu à l'autre. Certains jeux, de hasard par exemple, joués seul à seul, ont un partenaire absent, qui dans l'imagination tient le rôle du destin ou du rival.

L'écriture d'une œuvre littéraire ne porte nullement de caractère gratuit, parce que l'auteur communique avec ses partenaires de jeu : il écrit pour ses lecteurs présumés, ses partenaires obligatoires, et il entre à coup sûr dans le domaine de la pragmatique. A l'avis de Eco «l'aspect de l'activité coopérative amène le destinataire à tirer du texte ce que le texte ne dit pas mais qu'il présuppose, promet, implique ou implique à remplir les espaces vides, à relier ce qu'il y a dans ce texte au reste de l'intertextualité d'où il naît où il ira se fondre» [Eco 1985, p. 7]. C'est l'effet de la pragmatique qui se définit par Françoise Armengaud comme

« science qui traite de la relation des signes à leurs interprètes » [Armengaud 2007, p. 32]. Par conséquent, l'action pragmatique littéraire est dévolue à l'existence des partenaires de jeu, allocutaires des œuvres. Le jeu, qui est une activité sociale, s'inscrit dans l'optique pragmatique.

La mentalité ludique produit des jeux, substances matérielles, en accord avec les buts pragmatiques. En parlant de la littérature ludique contemporaine, Anna Maziarczyc lui assigne avant tout le côté interactif évident : « On considère comme ludiques les textes qui rompent avec les conventions littéraires et dont la narration prête à une ambiguïté interprétative. L'acte de lecture ressemble par conséquent à une partie de jeu entre l'auteur et son lecteur » [Maziarczyc 2007, p. 12]. L'auteur polonais distingue des textes qui constituent « une manifestation extrême de la littérature ludique » parmi lesquels elle voit les romans de Raymond Queneau. Cependant pour nous, toute la littérature peut être nommée ludique, mais avec une ludicité différente portant sur les objets de jeu choisis par l'auteur, ses manières de jouer, ses relations avec les lecteurs et les valeurs pragmatiques à atteindre.

Le roman de Mikhaïl Boulgakov « Le Maître et Marguerite » n'a jamais servi d'objet de l'examen dans l'optique de la littérature ludique à laquelle peut être sûrement attribuée cette œuvre célèbre, malgré la différence des deux phénomènes culturels. L'exemple plus récent de l'approche ludique de l'analyse de l'activité discursive concerne l'œuvre du philosophe danois S. Kierkegaard. F. Cicurel trouve que la fictivité n'est pas absente du discours philosophique. Le philosophe danois recourt à la mise en fiction pour prendre « des formes d'action que l'on ne pourrait expérimenter dans le champ pratique du réel » [Cicurel 2015, p. 188]. La mise en fiction pratiquée par S. Kierkegaard définit sa façon méthodologique d'imiter le réel. La fictivité de la classification cailloise est « accompagnée d'une conscience spécifique de réalité seconde ou de franche irréalité par rapport à la vie courante » [Caillais 1958, p. 43]. « Le simulacre est donc en fait un simulacre de l'objet, mais un simulacre dirigé, intéressé, puisque l'objet imité fait apparaître quelque chose qui restait invisible, ou si l'on préfère inintelligible dans l'objet naturel », ajoute Barthes [Barthes 1963, p. 213].

Les ouvrages cités ont démontré l'utilité pratique du recours au jeu dans le but de découvrir la richesse sémantique et pragmatique des œuvres analysées. La théorie du jeu sert de source féconde pour adapter à chaque cas concret les potentialités ludiques appropriées.

Voici ce que Serguï Ermolinski écrit sur le roman de Boulgakov dans son introduction à la traduction en français : «A la fois histoire d'amour, critique politique et sociale, comédie burlesque et conte fantastique, il est considéré comme l'une des œuvres majeures de la littérature russe du XX siècle». L'auteur du texte souligne la possibilité de «faire différentes lectures de l'œuvre : roman d'humour, allégorie philosophique ou socio-politique, satire du système soviétique, ou encore image de la vanité de la vie moderne en général» [Ermolinski 1968, p. 7]. Mais toutes les définitions du roman peuvent être réduites à un seul traitement comme roman satirique car toutes les possibles interprétations découlent de cette dernière.

L'immanence satirique du roman fait mettre en relief les traits pertinents de la tradition satirique qui sont soustendus par ses fondements économiques et socio-politiques déterminant les valeurs pragmatiques de l'œuvre. La tradition satirique, ensemble institutionnel et constituant, historiquement évolutif, représente un genre littéraire à la valeur esthétique déterminée par le rire. La façon satirique de créer le monde en dehors de la réalité est caractérisée par le côté libérateur du ridicule qui accentue la tendance séditionnelle : attaques aux supérieurs de la société et au clergé, mépris des interdits socio-politiques ou sacraux.

Les valeurs pragmatiques sont suggérées à Boulgakov par des conditions historiques socio-politiques dont aucun auteur ne peut pas se débarrasser. Le roman a une particulière histoire de la création et tombe sur l'époque stalinienne. Les rapports de l'auteur de l'œuvre et ses lecteurs se définissent aussi par la présence implicite de l'auteur en tant que personne physique réelle parmi les personnages du roman. Bien que cette présence soit imaginaire elle n'est moins évidente. La signification autobiographique du roman fait Boulgakov, lui-même, devenir un objet de jeu littéraire dans le rôle du narrateur, devenu le premier sens ludique. Cependant l'écrivain joue un autre rôle, celui du personnage appelé Maître qui constitue son deuxième sens ludique comme si Le Maître est son sosie. L'analogie du Maître et de Boulgakov est soulignée, à notre avis, par l'absence de nom de ce personnage extraordinaire. Il est tout court le Maître. L'image esthétique du Maître reproduit certains traits de caractère de l'écrivain, à savoir sa faiblesse morale manifestée par la mise au feu de la première version du roman après l'échec de la pièce «Cabale des dévots». Le Maître brûle aussi le roman sur Pilate. Il se résigne à la perte de sa bien-aimée, il ne fait rien pour la retrouver, il est docile dans sa situation de patient de la

clinique psychiatrique. Le Maître semble dénué de corps physique, c'est un fantôme, ce qui rend le rôle du Maître très difficile pour l'adaptation cinématographique. Une autre partie de traits de caractère propres à Boulgakov appartient à Marguerite qui réalise son aspiration à l'action, à la sauvegarde de son aimé, à la vengeance même. Marguerite fait tout pour sauver son amour. Elle se sacrifie en établissant une liaison douteuse avec le Diable et elle n'a pas peur de se discréditer. Donc Boulgakov utilise sa propre personne comme objet de jeu comme narrateur et en même temps il détient les traits de deux personnages, du Maître et de Marguerite.

L'ensemble de lecteurs du roman se compose de l'auteur de cet article, de la critique littéraire, des cinéastes qui ont adapté le roman pour l'écran. Les personnages du roman incarnant les prototypes réels qui ont servi pour Boulgakov d'objets de critique virulente, avant tout les autorités qui dirigeaient le travail des écrivains à l'époque de Boulgakov, ne peuvent pas être exclus de l'ensemble de lecteurs car, à notre avis, ils étaient considérés par Boulgakov comme les destinataires principaux du roman.

L'interprétation du roman par ses lecteurs était rendue difficile par sa publication intégrale vingt ans après sa mort. La perte de l'actualité des événements décrits détruit l'effet comique. La perception authentique du rire de l'œuvre satirique demande l'actualité des événements décrits. La publication posthume du roman ne facilitait pas sa compréhension ce qui donnait lieu aux interprétations différentes par les lecteurs, ordinaires ainsi que par des critiques professionnels. Le propre des chefs-d'œuvre est d'ailleurs aussi de provoquer d'innombrables interprétations.

La catégorie ludique, qui porte chez Roger Caillois le nom de fictive, est « accompagnée d'une conscience spécifique de réalité seconde ou franche irréalité par rapport à la vie courante » [Caillois 1958, p. 43]. La fictivité dans le roman prend avant tout la forme de l'énigme. La mystification de la perception de lecteurs témoigne que le modèle sémantique du jeu, autrement dit le rapport entre l'objet de jeu et le sens ludique prend la forme de l'énigme. Le style énigmatique avait été suggéré à Boulgakov premièrement par les besoins pratiques parce qu'il écrivait le roman dans des conditions dures de la censure instaurée par le régime totalitaire. Boulgakov va au gros risque de créer une œuvre satirique sous le régime stalinien. La deuxième raison pour laquelle il a choisi le style énigmatique réside dans l'immanence sémantique de l'énigme. Nietzsche finit la description de la mentalité dionysiaque par la conclusion : « La connaissance tue l'action, à l'action appartient le mirage de l'illusion »

[Nietzsche 1994, p. 79]. La première scène commençant le roman, la scène de la conversation de Berliose et de Bezdomny avec un homme inconnu qui leur paraît un étranger et qui prend plus tard l'identité mystérieuse du magicien Woland, produit chez les lecteurs une impression subite d'un mystère. Tchoudakova remarque que tout le début du roman évoque quelque chose d'étrange [Tchoudakova 2014]. L'énorme chat noir Béhémot, la sorcière rousse Hella, les cadavres sortant de l'enfer lors du bal nocturne de Satan font partie d'un énorme groupe de personnages fantastiques dont le rôle est de mystifier le lecteur qui hésite à comprendre le besoin de l'auteur d'avoir de multiples personnages étranges ainsi que de leurs actions bizarres comme, par exemple, dans l'épisode du chant des airs très connus par les employés de la commission acoustique, que nul ne peut arrêter. L'énigme, le fantastique auxquels l'auteur s'adonne avec ardeur constituent la manifestation de sa liberté d'expression, de son droit souverain d'agir comme bon lui semble. La catégorie ludique qui prend la tête de la première classification de Roger Caillois est la liberté. La liberté comme type de conduite ludique de l'auteur prévoit sa liberté dans le choix : de l'objet de jeu, d'un traitement du rapport de la signification de l'objet de jeu et du sens ludique, des manières de jouer, des destinataires de l'œuvre. L'auteur brouille au maximum l'analogie de la corrélation de l'objet de jeu et son sens ludique qui se transforme en une sorte de « devinette » qui admet une multitude d'interprétations de la part des allocutaires jusqu'aux plus invraisemblables. Aux événements historiques réels il oppose le fantastique et l'opposition prend l'aspect onirique par lequel Boulgakov taquine le lecteur. En se moquant des personnages négatifs du roman il se moque en même temps des destinataires du roman qui peuvent être bien les prototypes de ces personnages. Boulgakov ne respecte pas les canons du style ordonné par le réalisme soviétique : il introduit dans la description du roman le thème évangélique malgré l'athéisme prescrit par l'idéologie soviétique officiel. De plus, Boulgakov se permet un traitement personnel des rapports de Yeshoua avec Ponce Pilate à la différence du traitement canonique par l'Eglise orthodoxe soviétique en leur assignant une extension de rapports. La conversation de Yeshoua avec Ponce Pilate porte une empreinte émotionnelle à la différence d'un fait nu proféré par l'Evangile. On peut dire que le réalisme soviétique sert d'objet de jeu pour lui attribuer une nuance d'inutilité totale.

L'écrivain se plaît à exposer ostensiblement sa liberté. Son ton par moments provocateur montre que Boulgakov se livre à un plaisir évident

de détruire multiples conventions. Un nombre de critiques reconnaît à Boulgakov la volonté d'écrire un roman sur le Diable, le personnage central, ce qui était dans le contexte soviétique une audace inouïe. L'antipode du Diable, le Dieu n'est pas présent dans le roman. Il est difficile de dire exactement pourquoi, mais peut-être, croyait-il que le Dieu ne puisse être digne de s'occuper de petites choses de la vie et cette obligation ne lui incombait pas. Boulgakov aurait pu conclure que si le Dieu s'abstient dans les événements décrits, c'est au Diable d'intervenir. Et le Diable en personne de Woland rend la justice et prononce le verdict. Woland vient au secours de Marguerite pour l'aider à découvrir son aimé et de le libérer de l'asile de fous. Woland a des traits de sympathie, le fait qui pourrait valoir beaucoup à Boulgakov.

En s'efforçant d'apporter un éclairage à la corrélation littéraire de l'auteur et du lecteur on constaterait qu'elle représente un tout complexe indissoluble et que les relations analysées assurent la cohésion structurale et la réussite esthétique conformément au genre satirique du roman. L'œuvre de Boulgakov « Le Maître et Marguerite » a la particularité d'avoir un groupe disparate de lecteurs et un groupe original d'auteurs : l'auteur narratif implicite et deux auteurs en personne de deux personnages : Maître et Marguerite. L'ancrage de l'étude effectuée dans la théorie du jeu fait voir que l'auteur brouille d'un côté la perception des lecteurs et en même temps il gère la perception en indiquant une direction voulue sans éviter certainement de laisser quelque chose en reste.

BIBLIOGRAPHIQUES

- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М. : Изд-во Академии педагогических наук, 1959, 345 с.
- Лотман Ю. М.* Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002, С. 274–293.
- Чудакова М. О.* Мастер и Маргарита, 4 янв. 2014 // RTVI Youtube.
- Armengaud F.* La pragmatique. Paris : PUF, 1985. 128 p.
- Barthes R.* L'activité structuraliste // Les lettres nouvelles. Paris : AT.RRD, 2013, P. 216–219.
- Barthes R.* S / Z. Paris : Seuil, 1970. 250 p.
- Caillouis R.* Les jeux et les hommes. Paris : Gallimard, 306 p.
- Cicurel F.* La mise en fiction du désespoir : l'ethos kierkegaardien // Analyse du discours et dispositifs d'énonciation. Limoges : Lambert-Lucas, 2015, P. 187–196.

- Eco U.* Lector in fabula. Paris : Grasset, 1985. 80 p.
- Eco U.* Le signe. Bruxelles : Editions Labor, 1988 287 p.
- Ermolinski S.* Introduction// Le Maître et Marguerite / trad. du russe par C.Ligny.
Paris : Robert Laffont, 1968. P. 7–43.
- Huizinga J.* Homo ludens : essai sur la fonction sociale du jeu / trad. du néerlandais
par C. Seresia. Paris : Gallimard, 1988. 340 p.
- Maziarczyk A.* Le roman comme jeu. L'esthétique ludique de Raymond.
Queneau. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2007, 204 p.
- Nietzsche F.* La naissance de la tragédie. Paris : Librairie Générale Française,
1994. 219 p.

доктор педагогических наук
профессор, профессор кафедры французского языка и лингводидактики
Института иностранных языков Московского государственного
педагогического университета; e-mail: sorokovykh@mail.ru

ДИАЛОГИЧНОЕ ПОЗНАНИЕ – КЛЮЧЕВАЯ ФОРМА ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ И РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье дается обоснование использования диалогического познания как формы овладения профессиональными компетенциями будущего учителя иностранного языка. Дается представление о креативности как важнейшей характеристике субъектности личности. Показано, что сегодня между субъектами иноязычного образовательного процесса утверждается «посреднический» тип коммуникации, уходят в прошлое репродуктивность и монологичность трансляции знаний, опора на внешнее принуждение. Определены уровни накопления будущим педагогом интеллектуального ресурса. В работе представлена возможность описать их уровни и стадии, учитывая новое «экономическое» понимание лингвообразования. Делается акцент на то, что сегодня происходит углубление рефлексии лингвообразования как формы оценочного отношения к собственным интенциям, мотивам и интересам с опорой на самопознание будущего учителя.

Ключевые слова: диалоговое познание; креативность; субъектность; самоопределение; самопознание.

Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Prof.,
French Language and Linguodidactics Department
Institute of Foreign Languages, Moscow City Teacher Training University;
e-mail: sorokovykh@mail.ru

DIALOGUE COGNITION AS A KEY METHOD OF OBTAINING PROFESSIONAL KNOWLEDGE AND SKILLS AND DEVELOPING CREATIVITY OF AN ENGLISH TEACHER

The article provides the rationale for use of dialogue cognition as a form of mastering the professional competencies of a future foreign language teacher. An idea of creativity as the most important characteristic of the personality subjectivity is given. The research dwells on the mediatory relation of subjects involved in educational process thus rendering such traditional features as reproduction,

monologue-delivery of knowledge, and external constraint as obsolete. The future teacher' accumulation levels of intellectual resources are determined. The paper presents an opportunity to describe their levels and stages, taking into account the new "economic" understanding of linguo-education. Bearing in mind economic circumstances that surround linguistic education, such levels and stages were also defined in this frame. The research is also concerned with introspection that is firmly entwined with linguistic education, that implies self-evaluation of intentions, motives and prospective self-determination.

Key words: dialogue cognition; creativity; subjectivity; self-determination; self-knowledge.

Проблема создания креативной среды обучения и развития является сегодня одной из актуальных. Еще основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу, автор теории самоактуализации личности, писал, что креативность – это фундаментальное свойство, данное человеку от природы, но, увы, утрачиваемое в ходе социализации [Маслоу 2012]. Развивая эту мысль, А. О. Карпов отмечает, что, будучи основой профессиональной самоидентификации выпускника, компетентность опирается на чувство самостоятельного предвидения направлений изменения в содержании профессионального знания, формируясь в творческой среде, которая рассматривается как средство создания «диссонансной модели раскрытия себя и открытия нового» [Карпов 2015].

Призванное обогащать языковые понятия новым содержанием, лингвокреативное мышление проявляется как объединение разнородных данных, выработка способов распознавания альтернатив решения коммуникативных задач, формулирование гипотез, разработки плана действий и форм взаимодействия в ситуациях дефицита информации – с учетом «Я»-видения мира, и воплощаются в реальном результате квазипрофессиональной деятельности ее субъектов.

Являясь условием и одновременно проявлением субъектности человека, креативность расценивается как процесс в сознании человека, порожденный потребностью в снятии конфликта, который неизбежно проявляется в результате человеческой деятельности в условиях неопределенности внешней или внутренней среды. Свобода в линии поведения и принятии решения остается за личностью, но объективные жизненные условия «поставляют» ей то, из чего выбирать.

Сегодня между субъектами иноязычного образовательного процесса утверждается «посреднический» тип коммуникации, уходят

в прошлое репродуктивность и монологичность трансляции знаний, опора на внешнее принуждение, присущие репрессивно-коммуникативному типу индустриальной культуры. Диалогичное познание санкционировано самой природой человека, функциями его сознания. Трансляция нового знания осуществляется в форме коммуникации и связана не столько с передачей фиксированных «знаниевых» конструкций, сколько с актуализацией позиции чистого мышления под «напором» коммуникативных или деятельностных процессов. Лишь человек развивающийся способен создавать пространство развития другого человека, и именно это придает процессу социализации ценностный характер. Полагаем, что тот, кто не научился быть в диалоге с миром, порождать себя как участника культурного дискурса, не может быть свободным ни в политической, ни в экономической, ни в других сферах жизни.

Эти плодотворные идеи В. В. Серикова и Н. В. Смирновой развивает Е. В. Бондаревская: «Обмен информацией должен быть именно обменом, а не насаждением “правильных” позиций» [Бондаревская 1999, с. 29]. Реализация творческого потенциала студентов педагогического вуза, кристаллизация их таланта связана с импровизацией учебного процесса, возможностью изменить сценарий урока из-за случайной реплики ученика, используя интеллектуальные стратегии и способы вербального и невербального поведения, оптимальные для решения коммуникативных задач любой сложности.

В целом, в недрах педагогической науки накоплен достаточный опыт, позволяющий судить об эвристической ценности креативного капитала в поликультурном информационном обществе. Человеческий капитал признается производителем материальных и нематериальных ценностей общества знаний при поддержке структурного капитала даже в условиях нестабильной социальной среды. Эти когнитивно-гуманитарные инструменты пригодны за пределами образовательных систем и по мере включения их в коллективные формы сотрудничества позволяют учителю занять соответствующее место в социальной иерархии. И сутью этого процесса становится формирование креативности его личности, которая, по мнению Н. В. Языковой «определяет его готовность и способность реализовать цели обучения иностранным языкам на основе знания лингводидактических категорий, закономерностей усвоения ИЯ в учебных

условиях, умений применить эти знания при анализе языка, исследования особенностей преподавания языка в контексте многоязычия и поликультурности, интерпретации природы ошибок и т. д.» [Языкова 2012, с. 3].

Социальные структуры и процессы профессионального знания педагога должны быть исключительно ориентированы на последовательную трансформацию профессионального знания в действие. Через социальные институты выпускники педагогических вузов активно способствуют производству и передаче социального репертуара смыслов, ценностей и мировоззрений, которые отнюдь не являются навязываемыми или предписываемыми.

Выявляются связи между формированием, аккумулированием, совершенствованием человеческого капитала и выстраиванием профессиональных путей молодежи, т.е. связи между выпускниками вуза и моделями социального опыта, установленными в обществе [Чикнаверова 2016]. Эту роль выполняют разнообразные социальные учреждения: экономические и политические институты, межгосударственные организации, институты массовой информации, институты дополнительного образования: подготовки и переподготовки педагогических кадров.

В результате подобной посреднической роли репертуары социального опыта выступают в качестве совокупности возможностей, которые складываются под формирующим влиянием потребностей *общества и обладают* достаточной гибкостью, чтобы быть открытыми для последующих изменений. Так, на современном этапе развития педагогической науки в результате государственной политики в сфере образования возникла необходимость подготовки специалистов способных осуществлять обучение, воспитание и развитие субъектов программ инклюзивного образования. Следует отметить, что при таком обучении важным представляется включение каждого студента в активную познавательную деятельность, в центр внимания попадают умения принимать решения в проблемных ситуациях, развитие творческих способностей студентов, нравственных и ценностных ориентиров, акцент делается на обучении в сотрудничестве, в малых группах [Сороковых, Старицына 2018 с. 276].

В науке были разработаны уровни накопления человеком интеллектуального ресурса, которые, по сути, являются стадиями социализации личности. В процессе социализации все институты

взаимодействуют друг с другом, оказывая мощное воздействие на две основные тенденции в формировании личности в ее социальном развитии: тенденцию освоения индивидом социального опыта, ценностей и норм культуры и тенденцию творческого их воспроизводства, обогащения и преобразования – ресоциализацию [Актуальные каналы социализации 2013, с. 7]. Представляется возможным дать их описание, учитывая новое «экономическое» понимание лингвообразования.

1-я стадия – это «процесс духовно-нравственного, когнитивного и коммуникативного развития и саморазвития обучающегося, овладевающего ИЯ, с помощью которых происходит формирование его нравственных ценностей, необходимых для позитивного взаимодействия с окружающим миром, эмоционально-волевой сферы, учебной деятельности и становления иноязычной речевой деятельности как нового средства взаимодействия с окружающим многоязычным и поликультурным миром» [Сороковых, Бобунова 2018, с. 20].

2-я стадия представляет собой общее накопление знаний с последующей профессионализацией в виде общего образования и профессиональной иноязычной подготовкой. Здесь имеется в виду обретение педагогом коммуникативно-когнитивного и социокультурного тождества в лингвообразовательной среде. Речевая адаптация в ходе овладения неродным языком «способствует активизации языковых умений, включает обучение слухо-произносительным особенностям коммуникации, речевым и поведенческим стереотипам, обеспечивается интенсивной речевой практикой» и особенно успешна в условиях межкультурной среды, стимулирующей рефлекссию. С целью формирования корректных слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков обучение, в том числе и фонетике, в высшей школе опирается на материалы, подготовленные с учетом метапредметных связей, а также с целью подготовки специалистов к успешному функционированию в рамках межкультурной коммуникации. [Вишневская 2013].

Переосмысление имеющегося опыта, интерпретация смыслообразующих ориентиров в индивидуальном культурном космосе субъекта лингвообразовательного процесса содействует формированию и проявлению его интенций.

3-я стадия. Известно, что в рамках формирования различных иноязычных компетенций обучающиеся получают знания, навыки

и умения, которые могут быть использованы учителем в виде услуг педагогического труда в условиях неформального образования и задействованы в различных типах образовательных организаций с учетом потребностей и мотивации обучающихся. Главнейшим курсом в решении проблемы социокультурной адаптации выпускника педагогического вуза становится соответствие уровня его компетенций требованиям динамично изменяющегося социально-политического контекста функционирования ИЯ и собственного выбора таких коммуникативных и когнитивных стратегий, которые соответствуют реальной сложности внешнего мира, социальных связей и потребностей общества. На этой стадии накопленный потенциальный интеллектуальный капитал реализуется учителем, приобретая определенную стоимость.

На *4-й стадии* происходит рост (или поддержание на должном уровне) эффективности использования креативного капитала педагога в различных видах речевой деятельности, в том числе способности профессиональной языковой личности структурировать и изменять мир как свой, так и своего ученика, создавая при этом опосредованную своими мотивами научную картину мира. Именно на этом этапе воспроизводятся разнообразные продукты речевой творческой деятельности: эссе, доклад, выступление с презентацией, представление исследовательского проекта и т. п., отвечающие требованиям рынка, с учетом схем социального поведения специалиста, способов реализации им социальных связей.

На *5-й стадии* происходит результативный выход в виде интеллектуального конструирования на следующий уровень модификации существующих поведенческих навыков и стратегий, придание социальному строителю более устремленную личностно-гуманистическую ориентацию в не только в обществе, но и в образовании.

6-я стадия тесно связана с предыдущей фазой. Под влиянием развития технологических возможностей общества, сопряженных с инновационными средствами коммуникации, и в немалой степени на основе индивидуального опыта педагога, формируются конструктивные идеи международного менеджера, формирование личностных новообразований и происходит обновление профессионально значимых продуктов его творческой деятельности. В результате таких изменений формируется особая система ценностей – собственная стратегия построения взаимодействия языка и культуры, которая

«закладывает основы формирования социальной идентичности, социальной ответственности, осуществляет духовно-нравственное воспитание личности» [Сороковых, Прибылова 2015 с. 142]. Повышение уровня жизни учителя (как и нации в целом) находится в прямой зависимости от качества воспроизводства интеллектуального капитала, «что способствует их включению в своеобразный вербальный мир языковых представлений о реальности, о культуре страны изучаемого и родного языка с одновременным приобретением альтернативного видения мира, отраженного в языке» [там же, с. 143].

7-я стадия трактуется не исполнением директивных указаний государства, а проявлением заинтересованности в инвестировании как со стороны носителя лингвокреативного капитала иноязычного образования, так и со стороны получателя услуг учительского капитала. Педагог может продолжить совершенствование языковых знаний в неформальной форме, накапливая средства для следующей стадии своего самовоспроизводства. Удовлетворение результатами роста накопленных знаний и доходов является показанием того, что вклады в социальный капитал окупаются в той или иной форме для всех участников диалогового процесса взаимодействия.

Как видим, в ходе *речевой адаптации* субъекта лингвообразовательного процесса происходит углубление его рефлексии как формы оценочного отношения к собственным интенциям, мотивам и интересам с опорой на самопознание. При переходе к новым парадигмам мышления основными факторами оценки субъектами профессиональной деятельности становятся социальный статус деятельности, дисциплинарные и междисциплинарные основы специальности, профессионализм и культурологическая значимость профессиональной иноязычной деятельности.

Самоопределение подразумевает соотнесение индивидуальных ценностей изучающего ИЯ с требованиям внутренней (лингвообразовательной) и внешней (социально-экономической) среды, помогающее ему определиться с направлением специализации. В ходе социализации поэтапно формируется осознание потребности человека в непрестанном обновлении собственных стратегий, чувствительность к изменениям в содержании профессионального знания или проблемам его дефицита, способность воспроизводить свой внутренний потенциал как уникальный ресурс и социокультурный механизм преобразования общества.

К наиболее значимым моментам накопления выпускником лингвокреативного капитала отнесем тот факт, что в процессе творческой самореализации субъект творит собственные значения с помощью оптимальных способов упорядочения мира и личностных новообразований, способствующих становлению индивидуального стиля его профессиональной иноязычной деятельности.

Самоидентификация необходима для согласования внутренних резервов личности с особенностями осуществления профессиональных ролей в иноязычном профессиональном социуме. По сути, осведомленность о том, где и какими из возможных имеющихся способов применять предметные и метапредметные знания в межкультурном профессиональном взаимодействии – это и есть то самое неявное ноу-хау, которое постоянно обновляется с учетом ценностных ориентаций общества и жизненной философии субъекта образовательного процесса, чтобы устремить проекты индивидуального развития в будущее.

Принято считать, что технология стремится к модели идеального знания в заданных условиях. Для формирования интеллектуального капитала, т. е. творческих структур мышления, необходимо создавать специальную дидактическую среду как инструмент метапознания.

Совершенно очевидно, что предметно-языковые знания становятся стержнем, на который нанизываются различные когнитивные стратегии: субъектность, автономность и креативная способность личности к метакогниции, чтобы в ходе диалогического познания обеспечить качественное усвоение этих знаний. Учитель должен уметь проектировать не только стандартные образовательные программы, но и адаптивные программы обучения для детей с особыми образовательными потребностями и возможностями. Индивидуализация гибких (настраиваемых) образовательных траекторий является приоритетной задачей современного образования [Сороковых, Кутепова 2018].

Заключение. На основании вышеизложенного напрашивается вывод, что современным обществом, а значит, и современным образованием востребована определенная *модель лингвообучения, которая функционирует как знаково-символическая система, регулирует информационное взаимодействие и включена в структуру экономики знаний; способствует выработке аксиологических ценностей, выстраиванию индивидуальной траектории образования и жизненной философии в целом.* Это значит, что феномен речетворчества

воплощается в новых культурных концептах, мотивах, формах познавательной деятельности коммуниканта, говорящего на иностранном языке, и актуализируется в уже существующих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сергеева В. П.* [и др.]. Актуальные каналы социализации личности: от теории к технологиям : коллективная монография. М., 2013. 168 с.
- Бондаревская Е. В.* Концепции личностно ориентированного образования и целостная педагогическая теория // Школа духовности. 1999. № 5. С. 41–52.
- Вишневецкая Е. М.* Практикум по фонетике английского языка. М. : АПКИ ППРО, 2013. 102 с.
- Грузков И. В., Грузков В. Н.* Воспроизводство человеческого капитала: философско-экономический анализ : монография / под ред. проф. Л. Л. Редько. Ставрополь : СГПИ. 2010. 180 с.
- Карпов А. О.* Фундаментальные структуры и перспективы исследовательского образования как проблема философии науки: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2015. 351 с.
- Маслоу А.* Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб. : Питер, 2012. 352 с. (Серия «Мастера психологии») Abraham Maslow – Motivation and Personality.
- Сороковых Г. В., Прибылова Н. Г.* Взаимодействие языка и культур как методическая проблема // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 32 (4). С. 141–144.
- Сороковых Г. В., Бобунова А. С.* Нравственно-эстетическое обучение и воспитание средствами СДО MOODLE на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. 2018. № 9. С. 18–24.
- Сороковых Г. В., Кутепова О. С.* Вызовы XXI века: неформальное иноязычное образование и стратегии его реализации // Язык и культура. 2018. № 42. С. 214–225.
- Сороковых Г. В., Старицына С. Г.* Технологии подготовки учителя к обучению школьников с особыми образовательными потребностями // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 130-летию со дня рождения А. С. Макаренко: в 2 ч. / под ред. Е. И. Артамоновой. 2018. Ч. 2. С. 274–280.
- Чикнаверова К. Г.* Концепция и методика развития иноязычной компетенции студентов вуза на основе активизации их самостоятельности: дис. ... д-ра пед. наук. Н.-Новгород, 2016.
- Языкова Н. В., Макеева С. Н.* Сущность и структура методической компетенции учителя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2012. № 7. С. 2–9.

Ю. В. Степанюк

кандидат филологических наук
доцент, доцент кафедры французского языка
факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: cafrayaz@yandex.ru

АЛЛЮЗИВНЫЕ ТОПОНИМЫ В РОМАНАХ ДАВИДА ФОНКИНОСА

В статье на материале романов Давида Фонкиноса исследуются топонимы в аллюзивном употреблении. Давид Фонкинос является одним из популярнейших французских писателей XXI века. Его романы переведены на сорок языков. Авторский стиль Д. Фонкиноса отличается образностью и метафоричностью. Аллюзивные топонимы, имеющие метафорическую природу, и в том числе топонимы, отчасти также способствуют созданию неповторимого стиля писателя. В статье они анализируются с позиций теорий интертекстуальности, вертикального контекста и прецедентности. При этом устанавливается ряд формальных характеристик аллюзивных топонимов в романах Д. Фонкиноса: графическое оформление топонимов, их характер, структурные особенности, морфологические маркеры, синтаксическая позиция и функция в предложении, позиция в тексте, количество словоупотреблений. Также определяются содержательные характеристики аллюзивных топонимов: тематическая область источника топонимов, темпоральная соотнесенность, тип топонима, наличие / отсутствие средств эксплицирования семантики аллюзивных топонимов в тексте, тематическая область цели, характер основания метафорического (и, если есть, метонимического) переноса, основания переноса и их количество, результирующий смысл. Помимо этого, устанавливаются функции аллюзивных топонимов в тексте.

Ключевые слова: топоним; аллюзия; аллюзивный топоним; прецедентное имя; интертекстуальность; вертикальный контекст.

Y. V. Stepanyuk

PhD (Philology), Assoc. Prof.,
Department of French for the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: cafrayaz@yandex.ru

ALLUSIVE TOPONYMS IN THE NOVELS OF DAVID FOENKINOS

In the article on the material of the novels of David Foenkinos, toponyms are studied in allusive usage. David Foenkinos is one of the most popular French writers of the XXI century. His novels are translated into forty languages. The author's

style of D. Foenkinos is imaginative and metaphorical. Allusive onyms that have a metaphorical nature, including toponyms, also partly contribute to the creation of a unique style of the writer. In the article, they are considered from the standpoint of theories of intertextuality, vertical context and precedential phenomena. This establishes a number of formal characteristics of allusive toponyms in the novels of D. Foenkinos: graphic design of toponyms, their character, structural features, morphological markers, syntactic position and function in a sentence, position in the text, number of word usage. The content characteristics of allusive toponyms are also defined: thematic area of the source of toponyms, temporal correlation, type of toponym, presence /absence of means for explicating the semantics of allusive toponyms in the text, thematic area of the goal, the nature of the basis of metaphorical (and, if applicable, metonymic) transfer, the basis of transfer and their quantity, the resulting meaning. In addition, the functions of allusive toponyms in the text are established.

Key words: toponym; allusion; allusive toponym; precedent name; intertextuality; vertical context.

Рубеж XX–XXI вв. отмечен значительной интенсификацией межкультурных контактов, что отражается на «межтекстовой» коммуникации, которая существует с давних времен. Однако только во 2-й половине XX в. проблема «текста в тексте» стала рассматриваться в терминах диалогизма, полифонии (М. М. Бахтин) и интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт, И. В. Арнольд и другие). В настоящее время интертекстуальность в целом понимается как общее свойство текстов, «которое позволяет им соотноситься с другими текстами и явлениями культуры», в узком смысле – как «связь между текстами» [Поветьева 2014, с. 9, 5], которая «строится на взаимопроникновении текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый» [Фатеева 2007, с. 13], и в широком – как «связь между текстами и связь между феноменами культуры» [Поветьева 2014, с. 5]. В рамках данной статьи интертекстуальность будет трактоваться в широком смысле.

Интертекстуальность в таком понимании пересекается с понятием вертикального контекста (О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет и другие), отражающим «информацию историко-филологического характера» [Гюббенет 1991, с. 7] и «общекультурного плана, наличие которой автор предполагает у своего читателя» [Васильева, Ворошилова 2009, с. 34]. Аллюзия рассматривается как одна из основных категорий вертикального контекста (литературная аллюзия) [Гюббенет 1991, с. 7] и как одно из проявлений интертекстуальности и в рамках последней

трактуются как «заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте», которое осуществляется «на основании “памяти слова”» [Фатеева 2007, с. 128, 129]. Существует более широкое понимание аллюзии как средства реализации подтекста – «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических и др. персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании» [Гальперин 2009, с. 110]. При этом аллюзия «извлекает» из хорошо известного образа «дополнительную информацию», т. е. происходит «приращение смысла» [там же]. Таким образом, разграничивается аллюзия в узком смысле (литературная аллюзия) как косвенная ссылка на какой-либо художественный текст и аллюзия в широком смысле как ссылка «на культурно-исторические продукты, относящиеся к разным эпохам и составляющие культурный фонд языка» [Белоножко 2012, с. 17], т. е. текстовая и нетекстовая аллюзия соответственно [Москвин 2002, с. 65]. В данной работе понятие аллюзии рассматривается в широком понимании.

Существует множество работ, посвященных исследованию аллюзии в тексте (А. Г. Мамаева, М. Д. Тухарели, И. М. Ключкова, Л. В. Селеменова, О. К. Аржанова, М. А. Захарова, Н. Ю. Новохачёва, Л. П. Родионова и другие), в том числе с позиций теорий интертекстуальности и вертикального контекста (Л. А. Машкова, Н. Е. Камовникова, М. А. Соловьева, Е. М. Дронова и другие). В них выделяются различные функции и виды аллюзий, одним из которых являются аллюзивные онимы – антропонимы и топонимы. Топоним определяется как собственное имя любого географического объекта [Подольская 1978, с. 135]. Изучением топонимов занимались В. А. Никонов, В. А. Жучкевич, А. В. Суперанская и другие исследователи. В статье будут рассмотрены аллюзивные топонимы, которые относятся к категории прецедентных имен (ПИ) и не являются «говорящими» именами, принадлежащими к ономастикону самого произведения, а, напротив, которые предстают в качестве репрезентанта (термин А. С. Евсеева) аллюзии – лексемы, репрезентирующей в тексте-реципиенте какой-либо историко-культурный факт действительного мира – денотат аллюзии (термин А. С. Евсеева) [Евсеев 1990].

Теория прецедентности изучает прецедентные феномены (ПФ), которыми признаются феномены хорошо известные всем представителям того или иного лингвокультурного сообщества,

активные в когнитивном плане, обращение к которым постоянно возобновляется в их речи. ПФ включают прецедентные ситуации, тексты, высказывания и имена и могут быть социумно-, национально- и универсально-прецедентными [Красных 2002, с. 58]. ПИ понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным ... или с прецедентной ситуацией ... при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного ... или более элементов ... обозначая при этом одно понятие» [там же, с. 48]. В структуру ПИ входят и атрибуты имени (термин Д. Б. Гудкова) – детали, по которым имя можно безошибочно идентифицировать [там же, с. 82]. ПИ тесно связаны со стереотипами [Косиченко 2006, с. 13] и имеют метафорическую и ассоциативную природу [Нахимова 2011, с. 11].

Таким образом, аллюзивные прецедентные топонимы, составляющие объект исследования данной работы, выступают как проявление интертекстуальности и способствуют формированию вертикального контекста произведения. Их можно изучать и с позиций теории метафоры, когнитивистики, импликации, стилистики и т. п., однако избранный подход представляется нам наиболее соответствующим объекту исследования.

Свойства и функции аллюзивных антропонимов достаточно хорошо изучены в различных типах дискурса (Н. Е. Камовникова, М. А. Соловьева и другие), в отличие от аллюзивных топонимов. Исследователи отмечают сходства в ряде их свойств, однако аллюзивные топонимы имеют более сложную природу, основанную на метонимическом, а затем на метафорическом переносе: «Топонимические аллюзии подчеркивают силу ассоциации события с местом, они создаются за счет актуализации социолингвистически обусловленного, коннотативного плана топонимов. Особое значение имеют историко-социальные топонимические аллюзии, под которыми понимается метонимический перенос по модели “место – историческое событие”» [Колокольникова 2017, с. 15]. Наш анализ показал наличие других метонимических переносов. Для исследования специфики аллюзивных топонимов был определен набор характеристик, по которым проводился их анализ. И поскольку топонимы могут участвовать

«в создании образов персонажей художественных произведений», данный аспект также принимался во внимание [там же, с. 20].

В качестве материала для анализа были привлечены романы Д. Фонкиноса, одного из популярнейших французских писателей. Его произведения отмечены рядом литературных премий и переведены на 40 языков. В целом, авторский стиль Д. Фонкиноса отличается образностью, метафоричностью и наличием интертекстуальных отсылок. Аллюзивные онимы, и в частности топонимы, имеющие метафорическую природу, отчасти также способствуют созданию неповторимого стиля писателя. Аллюзивные топонимы были обнаружены в шести из девяти романов автора, привлеченных к анализу («*Le potentiel érotique de ma femme*», «*En cas de bonheur*», «*Les Cœurs autonomes*», «*Nos séparations*», «*La délicatesse*», «*La tête de l'emploi*»). Они и составили корпус исследования. Отметим, что аллюзивные антропонимы оказались шире представлены в текстах, чем топонимы, однако они являются объектом самостоятельного исследования.

Итак, в статье на материале романов Д. Фонкиноса рассматриваются результаты анализа прецедентных топонимов в аллюзивном употреблении. В шести романах писателя было обнаружено 26 словоупотреблений искомых единиц. Все рассматриваемые характеристики аллюзивных топонимов были разбиты на три группы: формальные, содержательные и функциональные. Со стороны формального аспекта изучение аллюзивных топонимов включает такие характеристики, как:

- графическое оформление – наличие / отсутствие выделения кавычками, курсивом и т. д. (маркированные / немаркированные топонимы);
- структурные особенности (однословные / неоднословные и их модели; полные / неполные);
- характер топонима во французском языке (мотивированные / немотивированные);
- морфологические маркеры (детерминативы);
- синтаксическая позиция и функция топонима в предложении;
- позиция в тексте (начальная, срединная, конечная);
- количество употреблений каждого топонима в произведении / в корпусе («рекуррентные» / «единичные» [Соловьева 2004, с. 11]).

К содержательным характеристикам аллюзивных топонимов относятся :

- тематическая область источника топонима (текстовые / нетекстовые, т. е. реальные / вымышленные; мировые / национальные);
- темпоральная соотнесенность (современные / исторические);
- тип топонима (хороним / ойконим и т. д.);
- наличие / отсутствие средств эксплицирования семантики аллюзивных топонимов в тексте (эксплицированные / неэксплицированные);
- тематическая область цели;
- характер основания метафорического (и, если есть, метонимического) переноса (сходство в каком-либо отношении / функция);
- само основание переноса (дифференциальный признак, атрибут);
- количество оснований переноса («однополюсные» / «многополюсные» [Кушнерук 2006, с. 17]);
- результирующий смысл (приращение смысла).

Функциональные характеристики аллюзивных топонимов связаны с их «текстообразующей» или «фрагментарной» ролью в тексте [Мамаева 1977, с. 24].

Сначала аллюзивные топонимы будут рассмотрены с точки зрения их формальных характеристик. Так, со стороны графического оформления почти все обнаруженные топонимы являются немаркированными, т. е. они введены в текст произведений без каких-либо дополнительных средств выделения, показывающих, что топоним употребляется не в прямом значении, и сохраняют свое традиционное написание с заглавной буквы. Тем самым автор демонстрирует уверенность в том, что читатель сможет самостоятельно вывести из контекста метафорическое значение топонима. Только в одном случае были использованы кавычки (пример 1) для выделения словосочетания, содержащего аллюзивный топоним. При его повторном употреблении далее в тексте кавычки уже отсутствуют.

(1) Elle trouvait que Markus avait un petit côté «pays de l'Est» absolument charmant [Foenkinos 2011, с.108].

16 аллюзивных топонимов являются однословными (la Suisse, Avignon), пять – неоднословными (повторное словоупотребление не учитывалось). При этом три неоднословных аллюзивных топонима содержат указание на тип географического объекта (например, canyon), один построен по модели **Adj.+Nom** (le Grand Canyon),

один – по модели **Nom+Adj.** (les États-Unis). Почти все топонимические обозначения являются полными, т. е. содержат все элементы географического названия, кроме одного: Roissy. Полное название коммуны – Roissy-en-France. В 1974 г. в этом месте был построен аэропорт, получивший название Charles-de-Gaulle. Позже эти названия объединились в Roissy-Charles-de-Gaulle, полное название коммуны забылось, а топоним *Roissy* стал ассоциироваться только с аэропортом. 16 аллюзивных топонимов являются в настоящее время немотивированными, три – мотивированы (le Grand Canyon, le quai des Brumes), два – частично мотивированы (Roissy). 16 аллюзивных топонимов употребляются в текстах в традиционном морфологическом оформлении, т.е. с определенным артиклем (les États-Unis, la Russie) или без артикля (Avignon, Genève). Десять аллюзивных топонимов содержат нестандартный морфологический маркер – неопределенный артикль или притяжательное прилагательное (примеры 2, 5), что свидетельствует о переосмыслении значения топонима.

В предложении аллюзивные топонимы занимают в основном коммуникативно сильную позицию во второй части предложения или конечную позицию (пример 2), что свидетельствует об их коммуникативной значимости в тексте. Аллюзивный топоним в конечной позиции нередко выступает своего рода выводом, подводит итог каких-либо событий или резюмирует состояние персонажа (примеры 2, 3).

(2) Sa vie sentimentale était un no man's land, sa vie sentimentale était un Roissy [Foenkinos 2012a, с. 18].

(3) Sa vie sentimentale était Hiroshima, et tout le monde s'en foutait [Foenkinos 2012a, с. 87].

Нередко в одном или двух соседних предложениях присутствуют два аллюзивных топонима, тогда один находится в середине предложения, а другой – в конце его (пример 4), или один аллюзивный топоним находится в конце одного предложения, а другой – в начале второго соответственно.

(4) De retour chez eux, alors que je m'apprêtais à affronter une sorte de Bagdad familial, quelle ne fut pas ma surprise de débarquer à Genève [Foenkinos 2014, с. 247].

Аллюзивные топонимы могут выступать в предложении в функции предикатива:

- именной части составного именного сказуемого – восемь случаев;
- обстоятельства – семь случаев;
- прямого дополнения – шесть случаев;
- несогласованного определения – два случая;
- подлежащего, косвенного дополнения, дополнения имени – по одному случаю, повторное словоупотребление учитывалось.

Таким образом, чаще всего аллюзивные топонимы выступают в тексте в качестве *прямого дополнения* (пример 4а), *обстоятельства* (пример 4б) и *предикатива* (примеры 2, 3), в основном характеризующего. Некоторые предложения с аллюзивным топонимом отличаются синтаксическим параллелизмом и даже идентичностью конструкций (примеры 2, 3).

В тексте 11 аллюзивных топонимов занимают начальную позицию, 13 – срединную и два – конечную (повторное словоупотребление учитывалось). Срединная и начальная позиции являются, таким образом, преобладающими. Данный факт можно объяснить тем, что аллюзивные топонимы в произведениях Д. Фонкиноса являются, как правило, средством создания образа персонажей, который формируется, в основном, в первой половине произведения, и появляются для подведения каких-либо итогов относительно их состояния или маркируют важные (нередко переломные) моменты развития сюжетной линии (пример 5). При наличии рекуррентных аллюзивных топонимов и параллелизме конструкций создание образа может идти по нарастающей (примеры 2, 3).

(5) Et encore plus surprise d'apprendre que la réunion ne se déroulerait qu'entre eux trois. C'était leur Yalta [Foenkinos 2012a, c. 107].

По количеству словоупотреблений обнаруженные аллюзивные топонимы являются большей частью единичными. Рекуррентные топонимы встречаются лишь по два раза. Из них три были использованы в каком-либо одном произведении (со сходной семантикой), два – в двух разных произведениях (примеры 6, 7), с разной семантикой.

(6) Ce visage qui prenait la forme d'un ridicule rempart, d'une ligne Maginot imperméable aux attaques [Foenkinos 2012b, c. 13].

(7) Elle s'inventa un fiancé, et ce ne fut pas suffisant ; l'homme n'est toujours qu'une ligne Maginot pour un autre homme [Foenkinos 2012a, c. 24].

Содержательные характеристики рассматриваемых аллюзивных топонимов также многочисленны. Так, по тематической области источника почти все топонимы являются нетекстовыми (реальными), из них четыре принадлежат к французской, 16 – к другим лингвокультурам (повторное словоупотребление не учитывалось). Единственный текстовый топоним (вымышленный) (*le quai des Brumes*) связан с романом Пьера Мак Орлана и его экранизацией Марселем Карне. При этом все аллюзивные топонимы более или менее известны мировому сообществу, т. е. относятся к прецедентным. По темпоральной соотнесенности только три из них являются историческими, так как связаны с событиями (прецедентными ситуациями) прошлых лет (примеры 3, 5, 6, 7), остальные – современные.

По своему типу исследуемые аллюзивные топонимы оказались не очень разнообразны (повторное словоупотребление не учитывалось) [Подольская 1978]. К хоронимам относятся 11 единиц (*la Suisse*, *la Russie*), к астионимам – шесть (*Bagdad*, *Yalta*), по одной единице представлены оронимы (*le Grand Canyon*), комонимы (вид ойконима) (*Roissy*), годонимы (вид урбанонима) (*le quai des Brumes*) и не имеющий точного обозначения (вероятно, годоним) антропотопоним, обозначающий линию укреплений (*la ligne Maginot*), названную по фамилии министра. Таким образом, выявленные аллюзивные топонимы в основном являются хоронимами и астионимами, т. е. макротопонимами.

Семь аллюзивных топонимов являются более или менее эксплицированными, то есть в окружающем их контексте содержатся средства эксплицирования их аллюзивной семантики, 19 – неэксплицированными (повторное словоупотребление учитывалось). Наиболее ярким в этом отношении пример (6). Линия Мажино является оборонным объектом – линией укреплений на северо-востоке Франции, построенной в 1929–1934 гг. для отражения нападений на данную часть границы. Аллюзивный смысл данного топонима связан с позицией защиты, которую занимает героиня романа, находясь в полиции.

Такая характеристика аллюзивного топонима, как тематическая область цели, связана в рассматриваемом корпусе примеров с такими областями, как характер человека (шесть случаев, пример 1), эмоциональное состояние человека (пять случаев, примеры 2, 3), взаимоотношения между людьми и коммуникативная ситуация (по четыре случая, примеры 4 и 5 соответственно), внешность человека

(три случая), поведение, чувства / эмоции человека, вкусовые ощущения, деятельность предприятия (по одному случаю). Таким образом, область цели при употреблении аллюзивных топонимов оказывается связана, как правило, с человеком, его внешностью, характером, эмоциями, взаимоотношениями и коммуникацией с другими людьми, т. е. с личной сферой.

Основаниями для метафорического переноса являются либо отличительные черты самого места или какого-либо события, связанного с ним (тогда сначала происходит метонимический перенос), либо собирательный образ места или его жителей (также с метонимическим переносом). Так, в примере (6) реализуется перенос по основной функции линии Мажино – служить укреплением. В примере (3) метафорическое значение связано с переосмыслением катастрофических последствий атомной бомбардировки Хиросимы в 1945 г. и перенесением их в личную (эмоциональную) сферу. В примере (1) отражается собирательный образ стран Восточной Европы, связанный с «загадочной» славянской (в том числе русской) душой. Аналогичным образом были проанализированы и основания для метафорического переноса во всех случаях.

Аллюзивные топонимы у Д. Фонкиноса являются в основном однопольными. Так, в примере (4) противопоставляются характеристики жителей городов Багдада и Женевы и переносятся на личную сферу: эмоциональная крикливость первых, вообще свойственная жителям Востока, и сдержанно-благообразное спокойствие вторых, присущее жителям Швейцарии и ряда других стран Западной Европы. В редких случаях встречаются многопольные аллюзивные топонимы. В примере (5) присутствует указание на атрибут встречи в Ялте – ее трехсторонний характер, и из контекста понятно, что она имеет чрезвычайно важный характер. Как известно, решения, принятые на встрече в Ялте в феврале 1945 года Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И. Сталина, оказали огромное влияние на жизнь многих государств и их жителей после окончания Второй мировой войны. Так и встреча персонажей романа состоялась в решающий момент и имела для них важные последствия. Приращение смысла аллюзивного топонима связано с областями цели, в которые попадают топонимы после метафорического переосмысления. Основные направления формирования результирующего смысла аллюзивных топонимов были рассмотрены выше.

По своей общей функции в текстах произведений Д. Фонкиноса многие единичные аллюзивные топонимы являются, скорее, фрагментарными, так как они важны, в первую очередь, для понимания микроконтекста. Однако в том случае, когда они несут смыслы, которые выступают важными слагаемыми образа персонажей и сюжетной линии, они являются текстообразующими (примеры 2, 3, 5), как и рекуррентные аллюзивные топонимы (однако их оказалось немного). Текстообразующая функция реализуется и другим средством – синтаксическим параллелизмом конструкций с разными аллюзивными топонимами (примеры 2, 3) и их достаточным количеством в тексте произведения (как в романах «En cas de bonheur» и «La délicatesse», в которых было обнаружено наибольшее количество аллюзивных топонимов).

Подводя итог анализу аллюзивных топонимов в романах Давида Фонкиноса, можно отметить, что преобладающие в них аллюзивные топонимы являются немаркированными, немотивированными, однословными, полными, нетекстовыми (реальными), современными, универсально-прецедентными хоронимами и астионимами, не относящимися к французской лингвокультуре. Они также являются единичными, сохраняющими свои стандартные морфологические показатели, занимающими коммуникативно значимую позицию ремы в конце предложения и чаще всего выполняющими в нем функции предикатива, обстоятельства и прямого дополнения. Аллюзивные топонимы встречаются в основном в начале и середине романов и направлены на маркирование важных сюжетообразующих событий, состояния персонажей и на формирование их образа со стороны их личной сферы на основе метафорического переноса собирательного образа места, отличительных черт места, его жителей или событий, метонимически связанных с местом. По своей функции аллюзивные топонимы могут быть как фрагментарными, так и текстообразующими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоножко Н. Д. Аллюзия в стилистической конвергенции // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 7. С. 15–24.
- Васильева С. П., Ворошилова Е. В. Литературная ономастика. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009. 138 с.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 7-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 144 с.

- Гюббенет И. В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М. : Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
- Евсеев А. С.* Основы теории аллюзии (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 212 с.
- Колокольникова М. Ю.* Интертекстуальность как универсальная категория художественного текста : учебно-методич. пособие. Саратов : Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2017. 30 с.
- Косиченко Е. Ф.* Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.
- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
- Кушнерук С. Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 22 с.
- Мамаева А. Г.* Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 24 с.
- Москвин В. П.* Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63–70.
- Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.
- Поветьева Е. В.* Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 200 с.
- Соловьева М. А.* Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
- Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2007. 280 с.
- Foenkinos D.* En cas de bonheur. P. : Éditions J'ai lu, 2012a. 192 p.
- Foenkinos D.* Les Cœurs autonomes. P. : Éditions Grasset & Fasquelle, 2012b. 128 p.
- Foenkinos D.* La délicatesse. P. : Éditions Gallimard, 2011. 221 p.
- Foenkinos D.* La tête de l'emploi. P. : Éditions J'ai lu, 2014. 288 p.

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков факультета базовых компетенций
Московский политехнический университет;
e-mail : ilona999@mail.ru

ЭРИСТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема передачи в переводе гиперсемантических характеристик художественного текста, таких как авторская языковая креативность, ирония, юмор, эпатаж и их реализация в рамках категории эристической дискурсивной тональности. Объектом исследования выступает тональность дискурса. Тональность относится к имплицитному, коннотативному пространству языковой картины литературного произведения, поэтому способность ее передачи рассматривается как необходимая и нетривиальная составляющая переводческой компетенции. Эристическая тональность характеризуется отходом от «нулевой степени письма», эпатажем читателя, созданием эмоционально-коннотативного фона повествования, приобретающего значимость для выражения как языковой личности автора, так и речевых типажей героев эристического нарратива. На материале литературных переводов произведений Р. Кено, Ф. Дара, И. Бабеля, И. Ильфа и Е. Петрова проводится анализ уровня адекватности и релевантности передачи идиосинкразийных черт художественного произведения, ставится вопрос о типологических и окказиональных соответствиях прагма-семантической конверсии во французском и русском языках, проводится выявление причин лакуарности эристической доминанты в художественном переводе. В результате представленных в статье рассуждений и наблюдений, мы приходим к выводу о высокой лакуарности дискурсивной тональности, о возможности и необходимости создания сопоставительной лингвистической типологии эристических приемов в художественном нарративе и в разножанровых дискурсивных средах взаимодействующих лингвокультур.

Ключевые слова: дискурсивная тональность; эристическая тональность; художественный перевод; лакуарность в переводе; литературный эпатаж; прагма-семантическая конверсия; юмор в переводе.

I. G. Tamrazova

PhD (Philology),
Associate Professor, Foreign Languages Department,
Moscow Polytechnic University;
e-mail: ilona999@mail.ru

ERISTIC TONALITY IN THE ASPECT OF TRANSLATION

The article deals with the problem of translation of hyper-semantic characteristics of a literary text, such as author's linguistic creativity, irony, humor, epatage and their implementation in the framework of the category of eristic discursive tonality. The object of the study is the tone of discourse. Tonality refers to the implicit, connotative space of the language picture of a literary work, so the ability of its transmission is considered as a necessary and non-trivial component of the translation competence. The eristic tonality is characterized by a deviation from the "zero degree of writing", the epatage of the reader, the creation of emotional-connotative background of the narrative, which acquires significance for the expression of both the linguistic personality of the author and the speech types of the heroes of the eristic narrative. On the material of literary translations of works of R. Queneau, F. Dard, I. Babel, I. Ilf and E. Petrov the author analyzes the level of adequacy and relevance of the transfer of idiosyncratic features of a work of art, raises the question of typological and occasional correspondences of Pragma-semantic conversion in French and Russian languages, and identifies the causes of lacunarity of the eristic dominant in literary translation. As a result of the arguments and observations presented in the article, the author comes to the conclusion about the high lacunarity of the discursive tonality, about the possibility and necessity of creating a comparative linguistic typology of eristic techniques in the artistic narrative and in the discursive environments of interacting linguistic cultures.

Key words: discursive tonality; eristic tonality; literary translation; lacunarity in translation; literary outrage; Pragma-semantic conversion; humor in translation.

Проблема соотношения семантики и прагматики в художественном переводе еще далека от окончательного решения, но на практике ее приходится решать почти в каждом акте трансляции [Алферов, Кустова 2013]. Современная теория концептуального уровня перевода (концептосферы художественного текста) пытается возводить номинативно-дискурсивные корреляции ИТ и ПТ в ранг взаимодействия концептов и концептуальных систем. При такой перспективе не вполне решенным остается вопрос о том, какую информацию несет в себе передаваемый концепт – исключительно семантическую или семантическую и прагматическую, или семантико-прагматическую и культурологическую, да еще и эмоционально-оценочную, поскольку, по Ю.С.Степанову, «концепт не только мыслится, но и переживается».

Вопрос о *тональности* в переводе поднимается достаточно редко в силу не до конца определенного объема и содержания данного

понятия именно в транслятологии [Vasconcelos 2004; Walter 1996, с. 55]. В отечественной лингвистике существует несколько концепций речевой тональности: текстовая (стилистическая) [Матвеева 2011], дискурсивно-поведенческая [Карасик 2007, с. 283–412], психолингвистическая тональность (эмоционально-смысловая доминанта) художественного текста [Белянин 1988; Белянин 2000] и др. В русле экспериментальной психолингвистической синергетики выполнены работы [Пищальникова 2003; Роговская 2004], рассматривающие эмоционально-смысловую доминанту текста как «детерминанту синергетического процесса речевой деятельности», а в переводческой деятельности «эмоциональная доминанта проявляет способность регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе переводчика, ограничивая множественность путей их порождения и обуславливая тем самым адекватность перевода» [Роговская 2004, с. 20]. Эмоциональная доминанта входит в концептосферу произведения как составляющая «авторского смысла» [там же, с. 57].

Однако художественный перевод отличается тем, что концептуальная семантика ПТ всегда сопровождается *приращением личностных смыслов* на уровне импликационной и интерпретационной *гиперсемантики*, т.е. сверхсмыслов, существующих в ИТ в разных ипостасях, связанных с *интенциональностью и креативным речевым поведением автора* [Карасик 2007]. Помимо концептуальной семантики в художественном тексте непременно присутствует семантика *эвокативная* [Domínicu 2007], связанная с воображением, совпадением «внутренних релевантностей» [Шюц 2014] автора и читателя, с интерпретативной компетенцией как нативных адресатов, так и читателей перевода. Именно так и в одноязычном прочтении, и в переводе совпадение концептосферы достигается путем консонантной («созвучной») интерпретации их семантических репрезентаций и контекстуальных допущений, выбранных из когнитивной среды ИТ и ПТ в соответствии с принципом релевантности [Попова 2013; Gutt 2010]. Этот принцип «связывает коммуникативное намерение переводчика с интерпретацией текста оригинала в соответствии с намерением его автора. В то же время этот подход ориентирован и на контекст, так как соблюдение принципа релевантности всегда учитывает роль когнитивной среды аудитории» [Комиссаров 2000, с. 98].

Интенциональность авторской концептуализации воплощается в авторской языковой картине, выражающей концептосферу

литературного текста. Соединение концептуальной и языковой картин «фикционального мира» автора создает интенциональную **идеологию художественного произведения** [Алферов 2017]. Вопрос о возможности и степени проникновения переводчика в идеологическую интерпретацию эвокативного знака-текста ставит вопрос о вероятности *идеологической (эвокативной) лакунарности перевода*. Прагматичность – эфемерность и идиосинкразийность коннотативного и контекстуально значений – всегда вызывала сомнения в адекватности их передачи в переводе [Ladmiral 1994, с. 114]. До появления когнитивно-концептуальной теории перевода процессы синхронизации интенциональности авторского и переводческого текстов практически не имели формального представления, не обрели структуру, не выработали единицы анализа.

Сложность этого механизма определяется тем, что эвокативность литературного текста не равна сумме эвокативностей составляющих его единиц. Другими словами, сумма коннотаций отдельно взятых элементов не всегда может привести к полной идеологической эквивалентности оригинала и перевода литературного произведения. Более того, определение коннотаций отдельных элементов плана содержания или плана выражения исходного текста должно идти по когнитивной модели «сверху вниз» (*top-down pragmatic processes* [Tendal 2009]), чтобы переводить «*non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu*» [Эко 2006, с. 45], ибо идеологические смыслы не лежат в области простой семантики, синтактики и даже прагматических коннотаций отдельного языкового знака. Интенциональная идеология – категория имплицативная, не имеющая прямых семиотических коррелятов. Она не только объединяет план содержания (КТ) и план выражения (ЯКМ), но и придает этому объединению определенную векторность. В этом случае дискурс – это и есть челночное движение интеллекта между концептуальной и языковой картинами, между мыслью и языком. Векторность, направленность, ориентированность в сопряжении КТ и ЯКМ мы называем *тональностью дискурса*, рассматривая последний как средство соединения концепта (плана содержания, КТ) и его вербализации (плана выражения, ЯКМ).

В центре нашего исследования уже на протяжении 10 лет находится эристическая дискурсивная тональность в разных дискурсивных аспектах – от языка полемики в политических и теледебатах до когнитивной и культурологической значимости этого

антропологического феномена [Тамразова 2006; Тамразова 2008; Тамразова 2009; Тамразова 2014; Тамразова 2016; Тамразова 2019]. Трансжанровый инвариант *эристического в речи* определяется нами как категория речевого взаимодействия, отражающая в общем смысле противоречие как когнитивную и социопсихологическую категорию коммуникации. В онтологии своей эристика опирается на определенный когнитивно-эмоциональный стиль мышления и поведения и имеет особые семиотические средства выражения, определяющие ее план содержания и план выражения. Эристика, как правило, предполагает нарушение стандартов логического мышления и норм поведения и проявляется в особых интеракционных стратегиях, в речевой (дискурсивной) тональности. В таком представлении эристическая тональность пересекается или объединяет некоторые типы тональностей и характеристик дискурса (текста), выделяемых в других концепциях: *фасцинативная, шутливая, манипулятивная, менторская*, в какой-то степени *агрессивная*¹ тональности (В. И. Карасик); *тональная экспрессивность и напряженность* (Т. В. Матвеева). Однако главными характеристиками эристической тональности мы считаем *трансгрессию* (нарушения нормы, вызов правилам, отрицание «предлагаемых обстоятельств», истины в последней инстанции) и *провокативность* (интеллектуальный, эстетический, этический и т. д. вызов партнеру-оппоненту, аудитории, читателю).

Мы выдвигаем гипотезу о том, что в эпистемологическом плане ЭРИСТИКА может быть представлена как **когнитивная модель** интеракционного – дискурсивного и текстопорождающего – интеллектуально-эмоционального поведения, имеющего план выражения в виде разноуровневых речезыковых единиц, предназначенных для реализации эристической речевой интеракции. Совокупность этих речезыковых семиотических средств образует **эристический семиозис, т.е. категориальную ситуацию эристического речевого взаимодействия**. Мы принимаем за единицу эристического

¹ Несмотря на попытки представить эристику и агональность вообще равнозначными (речевой) агрессии, мы беремся утверждать, что агональность не всегда агрессия, а обвинение или упрек – не всегда оскорбление. Эристика агональна, но она во многом имплицитна (уловки, манипуляции, провокации). Она стремится к агрессии, но как к своему пределу. Это свойственно в первую очередь людической (игровой) и креативной эристике.

семиозиса абстрактный знаковый конструкт – **ЭРИСТЕМУ**. На основе анализа теоретического и исследования корпусного материала мы пришли к выводу о наполнении плана содержания и плана выражения эристемы как единицы речевой интеракции.

Таблица

Эристема как семиотическая единица тональности дискурса

план содержания	парадокс, противоречие, абсурд, вторичный семиозис, юмор, ирония, сарказм, афористичность, семантический сдвиг, многозначность, блендинг, эвокативность, инсинуация, намек, имплицитность, полифония и др.
план выражения	«остранение», тропы и фигуры, метафтонимия, языковая игра, интертекстуальность, эллипсис, поликодовость (жесты. мимика), ирония сниженная лексика, междометия, фразорефлексы и др.

В силу главного когнитивно-семиотического механизма – нарушения «нулевой степени» и формы плана содержания, и формы плана выражения, инференциальной (непрямой) передачи авторских смыслов – эристическая тональность представляет собой угрозу профессиональному «позитивному лицу» переводчика. Можно сказать, что идиосинкразия «остранения» делает из эристической тональности потенциальную лингвистическую лакуну (*L-реалию* – в терминах «*Теории реалий*» А. А. Кротова и Н. А. Фененко [Кретов, Фененко 2012]). Однако многие переводческие решения справляются с этими угрозами. Рассмотрим на примере нашего маленького корпуса, извлеченного из обширного собранного материала, переводческие корреляции, транслирующие эристическую тональность (произведения Р. Кено, Ф. Дара, И. Ильфа и Е. Петрова и И. Бабеля) в перспективе вышеизложенной теории когнитивной синхронизации концептосфер и ЯКМ оригиналов и переводов. Основным критерием адекватности / эквивалентности перевода тот или иной *эристе́мы* для нас является соответствие взаимодополняющих интерпретационных процессов «сверху вниз» (*top down*) «снизу вверх» (*bottom up*) [Tendal 2009]. Примеры группируются по типам транслируемых эриستم (жирным шрифтом

выделены **асимметричность** и **лакунарность**, курсивом – эквивалентные и адекватные номинативно-дискурсивные корреляции).

(1) **Эристема-1** (Раймон Кено):

а) **интенция автора** и **предполагаемый перлокутивный эффект**: гелотогенность (смехопорождение, комизм):

- план содержания (ПС) – нарочитый интеллектуальный дауншифтинг (нарочитая примитивизация плана содержания); этико-эстетический эпатаж; – план выражения (ПВ) – сниженная лексика, квазиинвективы, фоностилистическая игра:

Laverdure a gobé sa grenadine. **Il s'essuie le bec contre son perchoir**, puis prend la parole en ces termes:

– **Tu causes, tu causes, c'est tout ce que tu sais faire.**

– Je cause **mon cul**, réplique Turandot **vexé**.

Gabriel **interrompt ses travaux** et regarde méchamment le visiteur.

– Répète un peu voir ce que t'as dit, qu'il dit.

– J'ai dit, dit Turandot, j'ai dit: **je cause mon cul**.

– **Et qu'est-ce que tu insinues par là? Si j'ose dire** [Queneau 1994, с. 18].

Зеленец выжрал сиропчик. **Почистил клюв о прутья клетки**, после чего взял слово и изрек нижеследующее:

– **Ты говоришь, говоришь, и это всё, что ты можешь.**

– **В ж.пе я видел твои реплики**, – **раздраженно** бросил ему Турандот.

Габриель **оторвался от ногтя** и со злостью воззрился на гостя.

– Повтори-ка **поотчетливей**, что ты произнес-предложил он.

– **Что произнес?** – **переспросил** Турандот, – Я произнес: **в ж. пе я видел твои реплики**.

– *Хотелось бы мне знать, что ты имел в виду, произнося это?* [Кено 2002, с. 20]

Асимметрия наблюдается в уровне прагма-семантической конверсии [Алферов, Кустова 2013]. Выделенные французские клише практически десемантизировались, превратившись в речевые рефлексy, поэтому *mon cul* стоило просто передать чем-то вроде «да пошел ты...», что подтверждается несоответствием ко-текстуальных (окружающих) номинаций: *réplique Turandot vexé* – откликнулся **задетый** Турандот. В переводе реплика звучит не столько грубее, сколько злее, более агрессивно. И это касается всей тональности перевода: французский текст смешной, эти реплики нарочито грубо-просторечные, показывающие, чуть ли не впервые в истории французской литературы, настоящий французский разговорный язык улицы (именно

поэтому произведение стало классикой жанра). Это единая насмешливая, эристическая тональность, с доброй иронией описывающая простых французов. Кено стилист. Его стиль – это эпатаж и шок, но не грубый, а насмешливый. В переводе этого нет. Хотя благодаря той же прагма-семантической конверсии, перевод вполне адекватный на дискурсивно-референциальном уровне.

(2) Эристема-2. Макароническая речь. И. Ильф и Е. Петров.

– Да, – сказал Остап, – так это вы инженер Щукин?

– Я. Только уж вы, пожалуйста, никому не говорите. Неудобно, право.

– О, пожалуйста! *Антр-ну, тет-а-тет*. В четыре глаза, как говорят французы. А я к вам по делу, товарищ Щукин.

– Чрезвычайно буду рад вам служить.

– *Гран мерси*. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул. [Ильф 2001, с. 125].

– Oui, dit Ostap. Alors, c'est vous l'ingénieur Chtchoukine ?

– Moi-même. Mais ne racontez l'histoire à personne, je vous en supplie. C'est quand même gênant.

– Oh ! mais je vous en prie ! *Entre nous, tête-à-tête. Entre quatre-z-yeux*, comment disent les Français. *Quant à moi, voyez-vous, camarade*, je venais vous trouver pour une petite affaire.

– Je serais absolument enchanté de pouvoir vous être utile.

– *Grand merci*. C'est une bagatelle : votre épouse m'a chargé de venir chez vous chercher cette chaise [Илф 1984, с. 290].

Перед переводчиком стояла нетривиальная задача передачи французских заимствований на французский язык. Он выполнил ее, выделив корреляты курсивом во французском тексте. Потери в речевом портрете несомненны, но, как говорится, кто сделает лучше? Хотя, может быть, английский язык мог бы прийти на помощь? И еще одна деталь, меняющая энергетику русского персонажа. *А я к вам по делу, товарищ Щукин*. Эта фраза может быть понята и как преамбула к просьбе, и как строгое замечание, подчеркивающее значимость визита О. Бендера («в желтых ботинках»). Мы склонны видеть в ней второй смысл. В любом случае фраза лаконична и энергична. Чего нельзя сказать о французском варианте: *Quant à moi, voyez-vous, camarade, je venais vous trouver pour une petite affaire*. Здесь вычурность извинения, которая меняет представление о русском речевом прототипе.

(3) Эристема-3. Особенности социоэтнического говора (одесское русско-еврейское койне). И. Бабель.

Я простой человек, без хитростей, – сказал Фроим, – я *нахожусь при моих конях* и занимаюсь *моим* занятием. Я даю новое белье *за Баськой* и пару старых грошей, и *я сам есть за Баськой*, – кому этого мало, пусть тот горит огнем...

Je suis un homme simple, sans malice, dit Phroïm, *je possède mes chevaux et je fais mon métier. Avec Baska, je donnerai du linge neuf et quelques sous, et puis il y a moi, en personne, derrière Baska, que celui à qui ça ne suffit pas grille à petit feu...* [Babel 2013, p. 88–89].

Эристические элементы этого великолепного в своей аномальности языка источника (тавтология, аналитизм) частично теряются при переводе, ввиду *системного аналитизма* французского языка, и поэтому нам кажется, что это не вина переводчиков.

(4) Эристема-4. Ф. Дар (Сан Антонио):

- план содержания – эпатаж, нонсенс, гротеск, ирония, семантический диссонанс;
- план выражения – игра слов, ареферентность, контаминация, «книжность», градация и т. д.

«Ce fut beau et impressionnant comme : un coït en plein air, un coucher de soleil sur les Monts Grampians, un K.O. de Cassius Clay, la Cinquième Symphonie de New York, la Cinquième Avenue de Beethoven, le Grand Canyon du Colorado, mon meilleur bouquin, un cheval en érection, un plateau de fruits de mer, la tirade du Cid, un dîner chez Girardet, une rétrospective Dali et la statue équestre de Jacques Chirac » [Dard 1985, с. 14].

Это было прекрасно и удивительно, как: коитус на пленэре, закат в Грампианских горах, нокаут Кассиуса Клея, Пятая Симфония Нью Йорка, Пятая Авеню Бетховена, Великий Каньон Эльдорадо, моя лучшая книжка, жеребец, готовый к соитию, тарелка с устрицами, монолог из Сида Корнеля, ужин у славного кулинара Жирардэ, ретроспектива Дали и конная статуя Жака Ширака»¹.

Таким образом, семиотика дискурсивной эристики складывается из эристической семантики (абсурд, парадокс, нонсенс), синтактики (языковые аномалии, провокативный нарратив) и прагматики в виде эристической интенциональности (иллокутивности) в совер-

¹ Перевод наш. – И. Т.

шении речевого действия. Необходимо подчеркнуть важность для транслятологии психолингвистических и идиостилистических характеристик речи автора и персонажа как неперемного условия адекватной передачи концептосферы литературного произведения, в частности, эристической семантической коннотации (имплицитности) и дискурсивной тональности перевода. В результате представленных в статье рассуждений и наблюдений, мы приходим к выводу о высокой лакуарности дискурсивной тональности, о возможности и необходимости создания сопоставительной лингвистической типологии эристических приемов в художественном нарративе и в разножанровых дискурсивных средах взаимодействующих лингвокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алферов А. В.* О сопоставлении в прагматике // Вестник ПГЛУ. 2004. № 2–3. С. 185–187.
- Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) // Вестник ПГЛУ. 2014. № 1. С. 59–62.
- Алферов А. В., Попова Г. Е.* Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник ПГЛУ. 2017. № 1. С. 69–71.
- Алферов А. В., Тамразова И. Г.* Эристическое в поэтическом переводе: семиотические коллизии формы и содержания // Индустрия перевода. 2018. Т. 1. С. 272–277.
- Белянин В. П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М. : МГУ, 1988. 120 с.
- Белянин В. П.* Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М. : Тривола, 2000. 248 с.
- Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. М. : ОНИКС 21 век, 2001. 350 с.
- Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
- Комиссаров В. Н.* Общая теория перевода. М. : ЧеРо : Юрайт, 2000. 132 с.
- Кено Р.* Зази в метро / пер. с фр. Л. Цывьяна. СПб. : СЗКЭО : Кристалл, 2002. 160 с.
- Кретов А. А., Фененко Н. А.* Лингвистическая теория реалии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 121–128.
- Матвеева Т. В.* Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2011. С. 549–551.
- Огнева Е.* Культурно маркированные тексты: проблемы перевода // Przegląd Wschodnioeuropejski 2, 2011. С. 415–426.

- Петренко Т. Ф., Алферов А. В.* Проблемы семиотики. Хрестоматия. Пятигорск, 2007.
- Пищальникова В. А., Чернова М. М.* Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. М. : Горно-Алтайск : РИО, 2003. 265 с.
- Попова Г. Е.* Категория релевантности в речевой интеракции // Актуальные аспекты интеракционной теории языка : коллективная монография / под. ред. А. В. Алферова, Е. Ю. Кустова. Пятигорск, 2013. С. 42–76.
- Роговская Е. Е.* Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Тамразова И. Г.* Эристическая полемика как тип речевого взаимодействия (на материале французского и русского языков) // Вестник СГУ. 2008. № 3. С. 150–156.
- Тамразова И. Г.* Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009.
- Тамразова И. Г.* Типология и деонтология споров // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Общественно-политические. 2012. № 2. С. 31–35.
- Тамразова И. Г.* Метаязыковая рефлексия в языковой картине // Исследования в контексте профессиональной коммуникации : коллективная монография / ред. Э. Н. Шехтман. Тамбов, 2014. С. 102–107.
- Тамразова И. Г.* Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85–87.
- Тамразова И. Г.* Культурологическая эристика и ее отражение в художественном тексте // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 146–158.
- Шюц А.* Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Санкт-Петербург : Symposium, 2006. 574 с.
- Babel I.* Одесские рассказы. Contes d'Odessa / Traduction par A. Bloch, S. Sentz-Michel. P. : Gallimard, 2013. 140 p.
- Dard F.* Meurs pas, on a du monde. Paris : Éditions Fleuve Noir, 1985. 220 p.
- Dominicy M.* L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une stratégie 'opportuniste' // Semen. 24. 2007. P. 145–165.
- Gutt E.-A.* Translation and Relevance / E.-A. Gutt. New York : Routledge, 2010. 284 p.
- Queneau R.* Zazie dans le métro. P. : Gallimard, 1967. 181 p.
- If I I., Petrov E.* Les Douze Chaises. Roman / Traduit du russe par Alain Préchac. P. : Scarabée & Compagnie, 1984. 547 p.
- Ladmiral J.-R.* Traduire : théorèmes pour la traduction. P. : Gallimard, 1994. 280 p.

- Tamrazova I. G.* Eristic as a component of rhetoric // *Modern Science*. 2016. № 9. P. 57–59.
- Tendal M.* A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics. London : Palgrave Macmillan, 2009. 282 p.
- Vasconcelos de Carvalho R.* A Little Conversation about Tone and Translation // *Translation Journal*. Vol. 8. No. 3, July 2004. URL: www.translationjournal.net/.
- Walter B.* The Task of the Translator // *Selected Writings*. Vol. 1. 1913–1926 / Marcus Bullock and Michael Jennings (ed.). Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996. P. 253–263.

доктор филологических наук доцент
заведующая кафедрой романских языков
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»
e-mail: thon@list.ru

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Под полипредикативной структурой понимается явление реализации в рамках фразы (от точки до точки) двух или более предикативных значений, лишь одно из которых выражено сказуемым главного предложения. В художественном тексте подобные конструкции многочисленны и разнообразны. Форма интеграции пропозиций в одно полипредикативное высказывание определяется информативно-прагматическими характеристиками последнего:

- представлением автора о совокупности фоновых знаний, присущих адресату речи;
- его выбором в пользу той или иной актуальной (новой для адресата) информации.

Именно эта информация передается развернутой предикативной структурой, а также оценивается адресатом с точки зрения ее истинности или ложности, тогда как свернутые предикативные конструкции несут фоновую, presupпозитивную информацию.

Задачей аннотируемого исследования является сопоставительный анализ полипредикативных структур в оригинале художественного произведения и в его переводе с целью оценить степень их «сохранности» и причины переводческих модификаций. Эти причины могут быть как собственно языковыми (типологическими), так и узуальными, связанными с частотностью употребления тех или иных моделей в языке оригинала и перевода. В ряде случаев переводчик изменяет предикативную структуру оригинала в эстетических целях (в целях выразительности, организации ритма и т. п.) На выбор переводчика влияет весь комплекс вышеназванных факторов. Однако в наибольшей степени сохраняется при переводе именно главное предложение (предикативное ядро конструкции), что обусловлено стремлением адекватно передать информационно-прагматический компонент оригинала.

Ключевые слова: художественный перевод; полипредикативная структура; переводческие трансформации; эквивалентный перевод; языковая система; узус; информативность высказывания.

E. L. Tunitskaya

Doctor of Philology

Associate Professor

Head of the department of Romance languages

Russian Academy of Foreign Trade

Ministry of Economic Development of the Russian Federation

e-mail: thon@list.ru

SOME ASPECTS OF TRANSFORMING POLYPREDICATIVE STRUCTURE WHEN TRANSLATING A LITERARY TEXT

A polypredicative structure refers to the phenomenon of realization within a phrase (from point to point) of two or more predicative meanings, only one of which is expressed by the predicate of the main sentence. In the literary text such constructions are numerous and diverse. The form of integration of the propositions into one polypredicative sentence one statement is determined by the informative and pragmatic characteristics of the latter: the author's view on the body of the background knowledge inherent in the addressee of the utterance; his|her choice in favor of new relevant information. It is this information that is transferred by the expanded predicative structure, and is evaluated by the addressee from the point of view of its truthfulness or falsity, whereas rolled predicative construction provide background, presuppositional information.

The goal of this annotated study is comparative analysis of polypredicative structures in the original literary text and in its translation in order to assess the degree of their "preservation" and the reasons for translation modifications. These reasons can be both linguistic (typological) and usual, associated with the frequency of use of certain models in the original language and translation. In some cases, the translator changes the predicative structure of the original for aesthetic purposes (for expressiveness, rhythm organization, etc.). the choice of the translator is influenced by the whole complex of the above factors. However, it is the main sentence (the predicative core of the construction) that is preserved to the greatest extent in the translation, due to the desire to adequately convey the informative and pragmatic aspects of the original.

Key words: literary translation; polypredicative structure; translational transformations; equivalent translation; language system; uzus; informative-ness of utterance.

В современной филологии большое внимание уделяется реализации позиции говорящего субъекта через различные языковые формы. Среди субъективирующих маркеров высказывания следует отметить так называемые полипредикативные структуры. Проследим, каким образом подобные структуры передаются при переводе.

Под полипредикативной структурой высказывания в узком смысле понимается явление реализации в рамках одного простого предложения двух или более предикативных значений, лишь одно из которых выражено сказуемым этого предложения. Дополнительные предикативные значения могут быть выражены различным образом [Прияткина 1990; Алексеева 2005; Eriksson, 1980; Furukawa, 1987; Langue française 2000]. В исследовании мы рассматриваем сложные предложения, выражающие два или более предикативных значения в рамках одной фразы – от точки до точки, хотя терминологически эти предложения к полипредикативным структурам обычно не относят.

Возможны различные классификации предикативных структур. Например:

1. В зависимости от степени свертывания выделяют:
 - а) полупредикативные структуры, основанные на обособленных прилагательных или причастиях;
 - б) дополнительную предикацию, опирающуюся на обособленное или необособленное деепричастие;
 - в) сложную предикацию, опирающуюся на номинализацию: *Malgré son étonnante carrière, il reste modeste et même timide*;
 - г) зависимую предикацию с опорой на неоднородную сочинительную связь: *Je pars, et pour longtemps*.
2. По категориально-семантическому признаку выделяются предикации:
 - признаковые (*elle les trouve délicieux*);
 - предметные (*je te croyais directeur*);
 - инфинитивные (*Paul lui dit d'entrer*);
 - вторичного действия, т. е. деепричастные (...*le devoir est de l'encourager en favorisant ...* или причастные (*je serais heureux de le voir jugé*);
 - пропозитивно-именные (*tu courais le monde à notre recherche*).

Наибольший интерес для нас представляет функционально-прагматическая обусловленность выбора моно- или полипредикации. Этот выбор обычно связывают с распределением информации в тексте (дискурсе). Форма интеграции пропозиций в одно полипредикативное высказывание определяется: а) представлением автора высказывания о совокупности фоновых знаний, присущих адресату

речи; б) выбором автора в пользу той или иной актуальной (новой для адресата) информации. Именно релевантная (актуальная, новая для адресата) информация передается развернутой предикативной структурой и оценивается адресатом с точки зрения ее истинности или ложности, тогда как более или менее свернутые предикации несут фоновую, пресуппозитивную информацию. Говорящий не ангажирует себя как автор данного утверждения, а скорее «напоминает» нечто, не требующее, с его точки зрения, доказательств, тем самым «приглашая адресата к сотрудничеству». Подобное явление рассматривается как прагматическая пресуппозиция высказывания или изучается в аспекте передачи в высказывании личностных смыслов говорящего [Падучева 1985; Кубрякова 1986].

Нашей целью явилось сопоставление оригинала и перевода художественного текста с точки зрения сохранения в переводе предикативной структуры оригинала или внесенных в эту структуру переводческих модификаций.

В качестве материала исследования были использованы тексты романов французских писателей XX и XXI вв. (П. Буало и Т. Нарсежака, Ж. Бернаноса, М. Хальера) и их переводы на русский язык. Очевидно, предикативные структуры многочисленны в авторской речи – в повествовании и описании, а в диалогах персонажей, имитирующих разговорную речь, их количество менее значительно.

Случаи полной смены семантики развернутого предиката отмечаются в прозаическом тексте довольно редко:

Il était devant la fenêtre, le visage inondé sans doute de lumière, peut-être de soleil, *et pourtant aucune lueur n'atténuait l'obscurité* [Boileau, Narcejac 1986, с. 130].

Он стоял перед окном, лицо его наверняка было освещено солнцем, но *тьма, в которой он пребывал, оставалась все такой же непроницаемой*... [Буало, Нарсежак 1995].

Мы относим их к переводческим перифразам и в данной статье не рассматриваем.

Единичны также случаи разбиения одного сложного предложения на несколько простых, предположительно, с целью упростить стиль повествования, приблизить его к разговорному:

Creux et vallonnements se réduisaient au rythme monotone d'une houle immobile *qui se répétait jusqu' à l'horizon telle une image sans début ni fin*. [Halter 2012, с. 252].

Холмы и лощины напоминали застывшую морскую рябь, лишенную своего монотонного движения. Они сменяли друг друга до горизонта, словно чей-то бескрайний рисунок [Хальтер 2015, с. 311].

Хотя специального статистического исследования не проводилось, анализ более ста примеров полипредикативных структур показывает, что переводчик в абсолютном большинстве случаев сохраняет развернутую предикативную связь, оформляющую главное предложение в оригинале, но часто структурно модифицирует вторичные предикаты. Это подтверждает мысль о смысловой и композиционной значимости информации, которая передается сказуемым главного предложения, в полной мере выражающим категории предикативности и модальности. Речь идет, таким образом, об актуальной информации, которая оценивается адресатом с точки зрения ее истинности или ложности.

Переводческие трансформации касаются в абсолютном большинстве случаев вторичных предикатов: перевод придаточного определительного причастной конструкцией; перевод инфинитивного оборота придаточным предложением дополнительным, перевод обособленной именной группы деепричастием и т. п. Наблюдается также изменение порядка расположения свернутой предикативной структуры по отношению к основной.

Очевидно, причины подобных модификаций могут быть различными: языковыми (обусловленными особенностями языковых систем оригинала и перевода), узуальными (если переводчик выбирает конструкцию, более распространенную в языке перевода), экспрессивно-стилистическими [Гак 2002].

Рассмотрим наиболее распространенные модификации.

Marina crut deviner leurs pensées. Elle était toujours la nouvelle venue [Halter 2012, с. 278].

Марина подумала, что может угадать их мысли. Она все еще была здесь новенькой [Хальтер 2015, с. 331].

La cabane n'est pas loin et, parfois même, elle croit distinguer sa masse, de l'autre côté du creux rempli d'eau... [Bernanos 1981, с. 284].

Хижина недалеко, и временами ей чудится, будто по ту сторону рва, до краев заполненного дождевой водой ... она различает ее темные очертания [Бернанос 1978, с. 540].

Замена инфинитивного предложения на придаточное дополнительное обусловлена различием французской и русской языковых систем – невозможностью использовать в русском языке инфинитивную конструкцию.

3. В приведенных ниже примерах французские придаточные определительные предложения переведены русским причастным оборотом:

L'air se gorgeait d'une poudre cinglante de glace qui abrasait tout, les visages comme les rondins des isbas [Halter 2015, с. 253].

... воздух наполнялся режущей ледяной пудрой, колющей лицо и секущей дерево избыных стен [Хальтер 2015, с. 312].

C'est encore une joie de sentir le long de la peau courir ce petit vent sec, qui sent le miel et la rose [Boileau, Narcejac 1986, с. 143].

Какая радость ощущать кожей этот сухой ветерок, пропитанный запахом меда и роз [Буало, Нарсежак 1995, с. 8].

Такие переводческие трансформации мы рассматриваем как узловые: конструкция с придаточным определительным более распространена во французском языке, а причастный оборот – в русском. Отметим, что к аналогичным выводам приходит французский исследователь Ж. Гиймен-Флетчер, изучая франко-английские переводческие трансформации [Guillemin-Flescher 1981; Guillemin-Flescher 1984]. Автор полагает, что английский язык, используя причастные формы, стремится, таким образом, сохранять на протяжении большого отрывка произведения единую прагматическую позицию (точку зрения одного повествователя), тогда как французский дискурс более полифоничен.

Если подобные примеры многочисленны, то обратные (перевод французского причастного или деепричастного оборота русским придаточным предложением) единичны:

N'empêche que tout à l'heure, *en attendant ces coups de fusil*, j'ai pensé... [Bernanos 1981, с. 276].

И все-таки сейчас, *когда стреляли*, я подумал... [Бернанос 1978, с. 529].

Трансформация диктуется стилистически: желанием переводчика придать реплике более разговорный характер.

4. Отметим также следующую тенденцию, связанную как с узусом, так и с системными характеристиками языков: французская обособленная именная группа, несущая свернутое предикативное значение, часто переводится на русский язык деепричастным оборотом:

A ce bruit de pas, elle a levé les yeux sans hâte... [Bernanos 1981, с. 261].

Услышав шум шагов, она не спеша приоткрыла глаза [Бернанос 1978, с. 509]. Сравним: (?) При звуке шагов, она не спеша приоткрыла глаза.

Il sentit la pierre sous ses doigts et s'avança lentement, la main au mur [Boileau, Narcejac 1986, с. 141].

Потом он нащупал пальцами стену и медленно пошел вперед, *держась за нее* [Буало, Нарсежак 1995, с. 7].

Если в первом случае структурно аналогичный перевод возможен, но переводчик выбирает более употребительный вариант, то в последнем случае перевод при помощи обособленной именной группы вообще вряд ли возможен в структурно-языковом плане.

Реже наблюдаются обратная модификация – замена причастных форм на именную группу:

Au fil des phrases son vieux visage revivait tous les âges et toutes les émotions. Sa main déformée jouait dans l'air, soulignant les surprises, les craintes et les énigmes. [Halter 2012, с. 282].

По мере чтения лицо старухи то молодело, то снова старилось, на нем отражались самые разные чувства. Ее скрюченные руки взмывали вверх *от удивления или страха перед чем-то таинственным* [Хальтер 2015, с. 335].

Трансформация диктуется стилистически и ритмически. Сравним:

(?) Ее скрюченные руки взмывали вверх, подчеркивая удивление, страх и загадку.

Заметим, что в переводе дополнительно эксплицируется также значение причины.

1) Аналогичную экспликацию причины при переводе наблюдаем и в следующем случае:

La pensée de Mouchette ne se présente jamais, bien entendu, dans une si belle ordonnance logique. Elle reste vague, passe aisément d'un plan à l'autre [Bernanos 1981, с. 260].

Разумеется, мысли Мушетты не текут столь стройно и логично, *расплывчатые, они с легкостью перескакивают с одного на другое* [Бернанос 1978, с. 508].

В примере наблюдается замена однородных сказуемых на конструкцию с препозитивным обособленным прилагательным. Ср. досл. перевод: (?) *Разумеется, мысли Мушетты не текут столь стройно и логично, они остаются расплывчатыми, с легкостью перескакивают с одного на другое*. Такой перевод вполне был бы возможен в структурно-языковом плане, но переводчик предпочел трансформировать конструкцию, вероятно, по соображениям ритма и стиля.

5. Говоря о порядке слов, обратим внимание, что при переводе на русский язык часто происходит перемещение обособленной конструкции, несущей свернутое предикативное значение, в позицию предшествования основному предикату. Препозицию обособления мы наблюдали в предшествующем примере, приведем также следующие:

– Il resta un moment immobile, une main posée à plat sur le mur ... puis se remit en marche, *traînant les pieds* [Boileau, Narcejac 1986, с. 130].

– С минуту он стоял неподвижно, упершись ладонью в стену, потом, *шаркая ногами*, снова двинулся в путь [Буало, Нарсежак 1995, с. 1].

– Il sentit son parfum, *plus près de lui*, et le fauteuil d'osier craqua quand elle s'assit [Boileau, Narcejac 1986, с. 161].

– *Совсем рядом* он почувствовал аромат ее духов, плетеное кресло скрипнуло, когда она села [Буало, Нарсежак 1995, с. 8].

Однако обособленное в начале предложения наречие, несущее свернутое предикативное значение, в русском переводе заменяется на именную группу:

Péniblement, elle arrive à l'arrêter sur l'échancrure de la chemise... [Bernanos 1981, с. 271–272].

Только с огромным трудом удастся ей зацепиться взглядом за вырез его рубахи [Бернанос 1978, с. 523].

Заключение

Анализ примеров показывает, что выбор полипредикативной конструкции (ее сохранение или трансформация) следует рассматривать как результат взаимодействия нескольких факторов. Наряду с системными различиями языков оригинала и перевода, большую

роль играют узуальные характеристики языков, т. е. употребительность той или иной конструкции, которую нельзя недооценивать, поскольку переводчик должен дать вариант не просто понятный носителю языка, но и ощущающийся им как «родной». Определенную роль в выборе конструкции играет и профессиональное чувство ритма и стиля, присущее переводчику.

Тем не менее при всех закономерных трансформациях на уровне вторичной предикации, можно констатировать, что переводчик в абсолютном большинстве случаев сохраняет главную предикативную связь (подлежащее – сказуемое), оформляющую высказывание. Это объясняется, на наш взгляд, той информативно-смысловой нагрузкой, которую главный предикат высказывания несет в тексте (дискурсе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. А.* Второе сказуемое, выраженное неличными формами глагола во французском языке. Воронеж : ВГУ, 2005. 151 с.
- Бернанос Ж.* Под солнцем Сатаны. Дневник сельского священника. Новая история Мушкетты / пер. Н. Жаркова. М. : Художественная литература, 1978. 624 с.
- Буало П., Нарсежак Т.* Лица во тьме / пер. с фр. Н. Световидовой. М. : Центрполиграф, 1995. 69 с.
- Гак В. Г.* Типология преобразований в актантной структуре высказывания при переводе // Вопросы филологии. 2002. № 1. С. 42–48.
- Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука, 1986. 156 с.
- Прияткина А. Ф.* Синтаксис осложненного простого предложения. М. : Высшая школа, 1990. 176 с.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 270 с.
- Хальтер М.* Ночь с вождем или роль длиною в жизнь / пер. с фр. А. Давыдова и Е. Туницкой. М. : АСТ, 2015. 544 с.
- Bernanos G.* Nouvelle histoire de Mouchette. M. : Editions du Progrès, 1981. P. 254–332.
- Boileau P., Narcejac T.* Les visages de l'ombre. M. : Radouga, 1986. P. 129–250.
- Eriksson O.* L'attribut de localisation et les nexus locatifs en français moderne. Gotheborg : Acta Universitatis Gotheburgensis, 1980. 313 p.
- Furukawa N.* Sylvie a les yeux bleus: construction à double thème // Linguisticae investigationes. 1987. T. 2. P. 283–302.

Guillemain-Flescher J. Syntaxe comparée du français et de l'anglais. P. : Ophrys, 1981. 549 p.

Guillemain-Flescher J. Enonciation, perception et traduction // *Langages*.1984. P. 74–98.

Halter M. Inconue de Birobidjan. P. : Editions Robert Laffont, 2012. 437 p.

Langue française: La prédication secondaire. 2000. № 127. 128 p.

УДК 811.133.1

Д. А. Христофорова

студент-бакалавр
факультет французского языка
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: dacha197@yandex.ru

EVOLUTION DES MOTS COMPOSÉS DE COULEURS EN FRANÇAIS

L'article est consacré à l'évolution des moyens différents de la nomination des couleurs et des teintes en français. On étudie des critères essentiels de la nomination lexico-sémantique des couleurs dans les périodes différentes de la langue française en commençant par leur apparition en latin. On examine plus précisément les sources de la nomination, liées au transfert métonymique. On va étudier les moyens synthétiques et analytiques dans le champ lexico-sémantique.

Mots-clés: la couleur; la teinte; la nomination; le français; le champ sémantique.

D. A. Khristoforova

Student bachelor
Faculty of the French language
Moscow State Linguistic University (MSLU)
e-mail : dacha197@yandex.ru

EVOLUTION OF COMPOSITE WORDS OF COLOR IN THE FRENCH LANGUAGE

This article is devoted to the development of the different ways of describing colors and their hues in French. The author examines the particularities of the lexico-semantic color nomination in the different periods of the French language, beginning with their appearance in latin. The color nomination sources related to metonymic transfer are also investigated further. The author observes synthetical and analytical ways of word formation in the lexico - semantic field of color.

Key words: color; hue; nomination; French; semantic field.

La couleur est un phénomène complexe qui intéresse différentes sciences. Tout d'abord il faut préciser les notions principales. On distingue des couleurs pures (saturées) et des couleurs neutres (blanc, gris, noir). Pour décrire chacune des couleurs on peut utiliser trois paramètres: la tonalité, la clarté et la saturation.

- Les diverses tonalités sont représentées, géométriquement, sur le cercle des tonalités et correspondent aux «couleurs pures», brillantes, non mélangées de blanc / gris.
- La saturation correspond à l'évaluation du degré de pureté chromatique d'une couleur.
- La clarté détermine le niveau de luminosité relative d'une tonalité: clair, moyen, foncé. Ces degrés de luminosité change par rapport au blanc et au noir (couleurs neutres), sur l'axe de la clarté (échelle des gris). En se rapprochant du blanc, la couleur se modifie: sa luminosité augmente, son degré de saturation diminue.

Parfois les linguistes distinguent tels paramètres que la teinte et la vivacité.

La teinte s'applique au spectre de la couleur visible dont les partis sont aperçues par les gens grâce à leur longueur d'ondes et leur fréquence.

La notion de la vivacité concerne la quantité de la lumière que nos yeux peuvent percevoir, mais dont la nature et les sources varient beaucoup. Un objet peut être lumineux à cause de sa pâleur, à cause du matériel dont il est fait ou parce qu'il est un objet qui produit la lumière lui-même, par exemple, une lampe.

La division des tons en couleurs chromatiques et achromatiques est liée à cette nature double de la couleur. Les premiers sont saturés, les seconds sont plutôt lumineux.

Étudions plus précisément les moyens de la nomination en latin.

Les Romains opposaient la vivacité à la matité. Voilà pourquoi le latin peut avoir deux mots différents pour introduire une couleur. Par exemple, on oppose *ater* (noir mat) à *albus* (blanc mat); *niger* (noir éclatant) à *candidus* (blanc éclatant). Un mot a une signification de luminosité, l'autre de matité, d'intensité de couleur.

Tableau 1

Évolution des adjectifs *ater* – *albus*, *niger* – *candidus* en latin

Période	Ater			Niger	
	Noir neutre	Noir =laid	Noir-marron	Noir neutre	Notion métaphorique
Latin archaïque et préclassique (avant I siècle avant J.-C.)	<i>Ater</i> / <i>albus</i> (la norme)	–	<i>Niger</i> / <i>candidus</i>	–	–

Période	Ater			Niger	
	Noir neutre	Noir =laid	Noir-marron	Noir neutre	Notion métaphorique
I siècle avant J.-C. – I siècle après J.-C.	Ater / albus (de plus en plus rare)	Ater / candidus	Niger / candidus	<ul style="list-style-type: none"> • Niger / albus (remplace ater) • Niger / candidus 	Niger / candidus
Après I siècle après J-C	Ater / albus (très rare)	–	–	<ul style="list-style-type: none"> • Niger / albus • Niger / candidus 	Niger / candidus

Le gris occupe une position intermédiaire entre le blanc et le noir, il est aussi une couleur achromatique.

Il existe une division des couleurs en des couleurs chromatiques et achromatiques.

Tableau 2

Évolution des nominations des couleurs en latin

Période	Violet	Bleu	Vert	Jaune / Orange	Rouge
54 avant J.-C. – 39 après J.-C.:	purpureus	caeruleus	viridis	luteus	igneus
III–IV après J.-C.	purpureus	caeruleus	viridis	luteus / flavescens	puniceus

Les couleurs chromatiques sont présentées par le rouge, le violet, l'orange, le vert, le jaune, le rose. Le rouge se rapporte aux tons les plus employés, répandus et stables.

Sur le plan sémasiologique le latin recourt souvent au transfert méthonymique des couleurs des colorants nombreux

Aussi on trouve des mots dont la base nominative est liée aux fruits et produits alimentaires, au sang, aux tissus (burrus, sydonius), aux métaux et minéraux.

Sur le plan de l'expression parmi les procédés les plus productifs on peut nommer la suffixation qui marque l'augmentation ou la diminution de l'intensité et la composition.

L'ancien français a hérité des nominations des couleurs du latin, mais il y avait aussi des emprunts des langues germaniques (blank, brûn, grîsi, blâw). Ces emprunts sont conditionnés par la manque ou l'absence des mots spécifiques pour la nomination des objets du monde. Par exemple, blank, brûn et grîsi sont empruntés pour désigner le pelage des chevaux.

En ancien français on distingue sept lexèmes du noyau sémantique de couleur – blanc, noir, rouge, vermeil, jaune, vert, bleu.

Des recherches scientifiques dans tous les domaines de la vie humaine pendant la renaissance française a abouti au développement du lexique dans le domaine des couleurs.

Sur le plan sémasiologique la langue française s'est enrichie de beaucoup de nominations nouvelles dues au transfert méthonymique des couleurs de fruits et de baies (grenat, citrin, olivâtre), de fleurs (rose / rosé / rosin).

Sur le plan de l'expression, parmi les procédés les plus productifs on peut nommer la suffixation et la conversion.

Étudions la suffixation plus attentivement. On peut distinguer la suffixation en *-in* et en *-az*. Le suffixe *-in* signifie l'appartenance à un groupe concret, la ressemblance. Le suffixe *-âtre* exprime l'atténuation l'approximation. Par exemple, grisâtre, jaunâtre, noirâtre.

Pendant la période du moyen français on observe la disparition des quelques nominations venant de l'ancien français et et l'apparitions des mots nouveaux. Quand même, le noyau sémantique de couleur embrasse telles couleurs que blanc, noir, vert, rouge, jaune, bleu, gris. La périphérie des champs sémantiques de couleur se distingue par la richesse et la diversité exceptionnelles. Des recherches scientifiques dans tous les domaines de la vie humaine pendant la renaissance française a abouti au développement du lexique dans le domaine des couleurs. La poésie aussi exigeait des notions nouvelles.

Sur le plan sémasiologique la langue française s'est enrichie de beaucoup de nominations nouvelles dues au transfert méthonymique des Métaux: airain (du lat. aeramen), argentin, aur / or, cuivreux / cuivrin ; des Objets de la réalité : aurore / aurorin, céruleen, azurant. A la base des comparaisons métaphoriques on trouve des vins (balais – Variété de rubis, couleur de vin paillet), des légumes Cive (du latin caepa, cepa – oignon «plus vert que cive (Villon)»). Civé (XII)), des arbres (ebenin n.m. (1180, Rom.d'Alex. lat. ebenus) Noir comme l'ébène; des fruits et des baies : Morillon (variété de raisin noir. Vin morillo, vin morillon n.m. (in d'un rouge foncé (Villon)).

Tableau 3

Évolution des couleurs chromatiques en XI–XVI ss.

Rouge						
	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
rouge		+	+	+	+	+
Vermeil	+	+	+	+	+	+
Sanguin		+	+	+	+	+
Pourprin		+	+	+	+	+
Purpuré					+	+
Purpurin						+
Pourpre						+
Rosin		+	+	+	+	+
Rosé		+	+	+	+	+
Rose						+
Rovent		+	+	+	+	+
Roux		+	+	+	+	+
Bai		+	+	+	+	+
Grenat		+	+			
Cramoisi				+	+	+
Cramoisin						+
Rubicond					+	+
Escarlatin						+
Ecarlate						+
Incarnat						+
Incarnadin						+
Orange						
Orange						+
Orangé						+
Jaune						
Jaune	+	+	+	+	+	+
Citrin		+	+	+	+	+
Blond	+	+	+	+	+	+
Sor	+	+	+	+		
Fauve	+	+	+	+	+	+
Auborne,az		+	+			
Flave				+	+	+
Paillé						+

Vert						
Vert	+	+	+	+	+	+
Bleu						
Bleu		+	+	+	+	+
Bloi	+	+	+			
Pers	+	+	+	+	+	+
Inde		+	+	+	+	+
Azuré			+	+	+	+
Celeste			+	+	+	+
Turquin					+	+
Glauque						+
Violet						
Violet			+	+	+	+
Paonaz		+	+			
Blanc						
Blanc	+	+	+	+	+	+
Flori,fleuri	+	+	+	+	+	+
Aube	+	+	+			
Argenté						+
Argentin						+
Candide						+
Noir						
Noir	+	+	+	+	+	+
Mor		+	+	+	+	+
Morel,-eau		+	+	+	+	+
Gris						
Gris		+	+	+	+	+
Bis	+	+	+	+	+	+
Ferrant		+	+			
Liart		+	+			
Chenu	+	+	+	+	+	+
Meslé,mellé		+	+			
Beige			+	+	+	+
Cendré				+	+	+
Rouan					+	+
Plombin						+
Plombé						+
Colombin						+

Brun						
Brun	+	+	+	+	+	+
Moré		+	+	+	+	+
Châtain			+	+	+	+
Tanné					+	+
Basané						+
Olivâtre						+

Passons maintenant à une période du français moderne. La caractéristique des adjectifs de couleur qui était exprimée auparavant par des moyens synthétiques et analytiques (cela veut dire par la création des mots nouveaux et par là distinctions des adjectifs selon leurs caractéristiques telles que la luminosité, la vivacité, etc.) est exprimée maintenant par des moyens analytiques (par exemple, à l'aide des mots clair / foncé hérités de l'ancien français).

- Mot désignant un objet ayant une couleur concrète (cramoisi, fuchsia, grenat, pourpre, cinabre, flamme, vermillon)
- Mot désignant une couleur + adjectif ajoutant une idée de ton, de vivacité (bleu clair, foncé, sombre, éclatant)
- Mot composé de deux mot désignant des couleurs (bleu vert, bleu violet, bleu indigo)

Dans cet article on a examiné les moyens les plus productifs de la nomination des couleurs en français. L'analyse nous a permis d'établir des structures et des modèles les plus répandus dans les périodes données.

BIBLIOGRAPHIE

- Бородин М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л. : Наука, 1979. 226 с.
- Molinier C.* Les termes de couleur en français Essai de classification sémantico-syntaxique – Cahiers de Grammaire 30 (2006) «Spécial Anniversaire». P. 259–275.
- Mollard-Desfour A.* Les mots de couleurs: des passages entre langues et cultures -Synergies, Italie. # 4. 2008. P. 23–32.
- Trésor de la langue française informatisé. URL: atilf.atilf.fr.

доктор филологических наук, профессор
старший научный сотрудник
кафедра французского языка
факультета международного права
Московского государственного института международных отношений
МИД (У) РФ;
e-mail: ia.tsybova@gmail.com

КАРТИНА МИРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Э. БЕНВЕНИСТА И Э. А. МАКАЕВА

В статье рассматривается то, как отображали в своих трудах языковую картину мира два выдающихся ученых в области общего языкознания и индоевропеистики – французский языковед Эмиль Бенвенист (Émile Benveniste) и советский и российский лингвист Энвер Ахмедович Макаев. Оба ученых занимались проблемами классификации языков, ареальной лингвистики, индоевропейского корня. В отличие от статической структуры корня, по Э. Бенвенисту, Э. А. Макаев предложил динамическую модель индоевропейского корня. В трудах обоих лингвистов большое внимание уделяется проблемам структуры слова, морфологии и словообразования в индоевропейских языках. Э. А. Макаев был также замечательным специалистом по германистике, в частности он изучал язык древних рунических надписей. Э. Бенвенист известен своей концепцией уровней языковой структуры, а также противопоставлением дискурса (discours), живой речи, историческому повествованию (récit). Э. Бенвенист выступил с критикой теории Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака. Э. А. Макаев и Э. Бенвенист внесли свой вклад в дальнейшее развитие языкознания.

Ключевые слова: языковая картина мира; Э. Бенвенист; Э. А. Макаев; общее языкознание; индоевропеистика; индоевропейский корень; ареальная лингвистика; генеалогическая и типологическая классификации языков; уровни языковой структуры; дискурс и историческое повествование.

I. A. Tsybova

Doctor of Philology, Professor
Senior scientific collaborator
Department of French, Faculty of international law,
Moscow State Institute of International Relations (University)
Russian Ministry of Foreign Affairs
e-mail: ia.tsybova@gmail.com

THE WORLD-VIEW IN RESEARCHES OF E. BENVENISTE AND E. A. MAKAEV

The paper describes the representation of linguistic world-view in researches of two outstanding scientists in the domain of general linguistics and indo-european linguistics Emile Benveniste (France) and Enver Ahkmedovich Makaev (USSR, Russia). The both linguists studied the problems of language classification, areal linguistics, indo-european root. In distinction from Benveniste's static structure of indo-european root, Makaev proposed dynamic model of this root. The both linguists in their works paid great attention to the problems of word structure, of morphology and word-formation in indo-european languages. E. A. Makaev was a distinguished expert on germanic philology, in particular, he studied the language of runic writing. E. Benveniste is well known by his theory of levels of linguistic structure, his opposition of discourse and historical narrative (*récit*). E. Benveniste criticized Saussure's conception on arbitrary of linguistic sign. E. Benveniste and E. A. Makaev have made a great contribution to the development of linguistics.

Key words: linguistic world-view ; E. Benveniste; E. A. Makaev ; general linguistics ; indo-european linguistics ; indo-european root ; areal linguistics ; genealogical and typological classifications of languages ; levels of linguistic structure ; discourse and historical narrative.

*Нашему Учителю
Энверу Ахмедовичу Макаеву
посвящается*

Эмиль Бенвенист (Émile Benveniste, 1902–1976) и **Энвер Ахмедович Макаев** (1916–2004). Что общего между этими двумя выдающимися учеными? Оба обладали замечательной общей и лингвистической эрудицией, оба были полиглотами. Ю. С. Степанов справедливо отмечал, что Э. Бенвенист не принадлежал ни к структуралистам, ни к традиционалистам [Степанов, 2010, с. 5]. То же можно сказать и о Э. А. Макаеве. Оба были слишком оригинальны и самостоятельны в своих научных взглядах, чтобы творить в рамках какой-то одной научной парадигмы. Это не мешало им быть блестящими специалистами в области общего языкознания и конкретных семей и групп языков. Известна книга Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование» [Бенвенист 1955]. Э. А. Макаев написал монографию «Структура слова в индоевропейских и германских языках». Э. А. Макаев – один из авторов и ответственный редактор «Сравнительной грамматики германских языков» в четырех томах [Сравнительная грамматика 1962–1966].

Проблемам общего языкознания посвящена работа Э. Бенвениста «Общая лингвистика», где автор придерживается антропоцентрического критерия и разграничивает структуру описания и онтологическую структуру объекта – языка, определяет уровни системы языка. Э. Бенвенист критикует концепцию Соссюра о произвольности языкового знака. «Связь между означаемым и означающим не произвольна; напротив, она *необходима*. <...> В сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий. <...> Означающее и означаемое, акустический образ и мысленное представление являются в действительности двумя сторонами одного и того же понятия и составляют вместе как бы содержащее и содержимое. Означающее – это звуковой перевод идеи, означаемое – это мыслительный эквивалент означающего. Такая совмещенная субстанциальность означающего и означаемого обеспечивает структурное единство знака. <...> Произвольность заключается в том, что какой-то один знак, а не какой-то другой прилагается к данному, а не к другому элементу реального мира. В этом, и только в этом смысле допустимо говорить о случайности. <...> Сфера произвольного выносится за пределы языкового знака» [Бенвенист 2010, с. 92–93].

Бенвенист разграничивает два типа высказывания: «план истории» (*énonciation historique*) и «план речи» (*discours*). «План речи» – всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего, а также намерение первого определенным образом воздействовать на второго. Это различные жанры устного общения – от бытового разговора до торжественной ораторской речи. Но это также и многочисленные письменные формы, которые воспроизводят устную речь или заимствуют ее манеру и цели: письма, мемуары, драматическая литература, учебная литература и т. п., все те жанры, где кто-то обращается к кому-то, становится отправителем речи и организует высказывание в формах категории лица [Бенвенист 2010, с. 276]. К первому типу относится письменный язык, характеризующий повествование о событиях прошлого. Речь при этом идет о передаче фактов, происшедших в определенный момент времени без какого-либо вмешательства в повествование со стороны говорящего. В историческом повествовании возможны только формы третьего лица [там же, с. 272]. Исторический и речевой планы могут смешиваться, образуя третий план, в котором речь передается в терминах событий и переносится в исторический план (косвенная речь) [там же, с. 277].

В работе «Классификация языков» Э.Бенвенист рассматривает проблемы генеалогической классификации. Ученый справедливо считает: «Отнюдь не очевидно, что те критерии, которыми пользуются обычно при классификации индоевропейских языков, имеют всеобщую применимость. <...> Нет уверенности в том, что модель классификации, построенная для индоевропейских языков, является универсальным типом генеалогической классификации» [Бенвенист 1963, с. 40]. Критикуя Н.С.Трубецкого, Э.Бенвенист доказывает, что выделенные им шесть типологических признаков индоевропейских языков встречаются и в языках других семей. Следовательно, «генеалогическая классификация несводима к типологической, и наоборот» [там же, с. 49]. Э.Бенвенист не обходит вниманием и типологическую классификацию языков. Ученый убежден: «Языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, используя только несколько самых разных принципов» [там же, с. 51]. Он тщательно анализирует классификацию Э.Сепира и приходит к выводу, что при всех ее достоинствах («она вернее отражает всю необъятную сложность языковых структур» [там же, с. 53]) «даже эта классификация, наиболее всеобъемлющая и наиболее утонченная из всех существующих, является очень несовершенной с точки зрения требований строгого метода» [там же, с. 54]. Ученый убежден, что при классификации языков необходимо учитывать вопрос о функционировании языковой структуры [там же, с. 58].

Э.А.Макаев в своих работах также уделяет большое внимание вопросам общего и индоевропейского языкознания. Разграничивая понятия родства и сродства, ученый пишет: «Генетическое родство ... обязательно предполагает наличие известной совокупности конститутивных единиц разных уровней языка, тождественных (или модифицированных строго в соответствии с действующими в данной языковой семье законами) как в плане выражения, так и в плане содержания у всех или большинства членов данной языковой семьи, могущих быть возведенными к исходному или праязыковому состоянию. Что касается языкового сродства, то здесь речь может идти о наличии известной совокупности общих структурных черт у языков определенного ареала, общих лишь в плане содержания, что делает невозможным и просто бессмысленным возведение этих общих структурных признаков к какому-либо исходному состоянию» [Макаев 2004, с. 83]. В своей книге «Общая теория сравнительного языкознания»

он отстаивает идею о наличии индоевропейского праязыка. «Почему расстояние от древнеперсидского до древнеиндийского меньше, чем расстояние от современного персидского до хинди, в то время как по отношению к современному состоянию индоевропейских языков их различия все более возрастают. Этот бесспорный факт ... находит свое логически единственно оправданное объяснение только в гипотезе индоевропейского праязыка или общего исходного состояния ... возрастание материального и формального сходства у группы родственных языков по мере углубления хронологического среза наблюдается не только в истории индоевропейских, но и в истории семитских, финно-угорских, тюркских и других языков. Данную закономерность следует вообще рассматривать как одну из универсалий диахронической лингвистики» [Макаев 2004, с. 86]. Э. А. Макаев критикует Н. С. Трубецкого, В. Пизани, Дж. Девото, отрицающих существование праязыка [там же, с. 82–87]. Макаев подвергает критике взгляды В. Пизани о якобы не германской, а романской структуре английского языка. «Английский язык был и бесспорно остается германским языком именно потому, что продолжает сохраняться его лингвистическая традиция, именно потому, что возможно установить тождество его элементов в древнеанглийском и в современном английском языке, потому что продолжает поддерживаться непрерывность его развития. ... Можно доказать принадлежность английского языка к германским языкам и другим способом: реконструкция любого текста из средне- или новоанглийского периода всегда приведет по меньшей мере к древнеанглийскому состоянию, что по определению относится к германским языкам, в то время как данная реконструкция никогда не приведет к исходному романскому состоянию» [там же, с. 94–95].

В своей книге «Структура слова в индоевропейских и германских языках» Э. А. Макаев критикует теорию корня Э. Бенвениста как статическую. «Теория корня Э. Бенвениста оказалась неоперативной при анализе германского (и не только германского) материала именно потому, что она является с т а т и ч е с к о й теорией, в основе которой лежит презумпция, что индоевропейский корень всегда имел и должен был иметь тождественную структуру, который при всех преобразованиях оставался равным себе, неизменным и неизменяемым и который по своим структурным характеристикам уподоблялся инварианту. ... В то же время индоевропейский корень – это

единица онтологического, а не гносеологического уровня, и он разделяет все черты, присущие онтологическому уровню языка: прежде всего он изменчив. Невозможно представить себе ... чтобы корень на протяжении развития индоевропейской языковой общности, которое длилось по меньшей мере несколько тысячелетий, не испытывал никаких структурных преобразований и всегда оставался неизменным и равным себе» [Макаев 1970, с. 277]. В монографии Бенвениста, в подтверждение его теории, собирался «материал различных индоевропейских языков, гетерогенный в хронологическом отношении и не безупречный с точки зрения его филологической обработки и интерпретации» [там же]. Вместо статической теории индоевропейского корня Э. Бенвениста Э. А. Макаев предлагает свою **динамическую** теорию корня [там же].

При скептическом отношении Э. А. Макаева к ностратическим языкам и, в частности, к идее изоморфизма индоевропейских и картвельских языков (критика Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани [Макаев 2004, с. 198–199]), он изучает проблемы ареальной лингвистики в рамках индоевропейских языков [Макаев 1964]. При этом лингвист убежден, что «ареальный критерий лишь дополняет, уточняет методiku генетической и типологической классификации языков, являясь их составной частью, но он не противопоставлен как особая, самостоятельная, лингвистическая процедура генетической и типологической характеристике языков» [Макаев 2004, с. 82]. В своей работе «Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики» Э. А. Макаев определяет критерии ее построения:

«1) пространственная характеристика отдельных групп индоевропейских языков, определение степени их родства, выяснение причин и условий образования общей двум или нескольким группам определенной системы изоглосс; 2) возможность вычленения на основе ряда структурных признаков определенных ареалов индоевропейской языковой общности, выяснение условий или возможности контактирования данных ареалов с общеиндоевропейскими моделями; 3) установление и определение инноваций и архаизмов в отдельных группах индоевропейских языков на основе наложения ареальных и общеиндоевропейских моделей; 4) установление принципов членения индоевропейской языковой общности, определение понятия единства общеиндоевропейского языка и выяснение наличия в нем определенного количества диалектных изоглосс» [Макаев 1964, с. 16].

Среди изоглосс фонетического, морфологического и лексического уровней Э.А.Макаев считает важным указать на особенности лексических ареальных изоглосс, которые должны отвечать следующим требованиям: исключение заимствованных слов, исключение элементов сакральной и поэтической лексики, исключение лишь типологически родственных образований [Макаев 1964, с. 17–24].

Нельзя не упомянуть еще об одной работе Э.А.Макаева, ставшей своего рода классикой жанра в германистике и переведенной на иностранные языки. Речь идет о книге «Язык древнейших рунических надписей» [Макаев 1965].

В заключение следует отметить, что Э.Бенвенист и Э.А.Макаев отличались широтой взглядов на проблемы языкознания при тщательности их лингвистического анализа, критическим подходом к исследованиям и взглядам других ученых (невзирая на авторитеты), собственной концепцией, внесшей вклад в развитие языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э.* Классификация языков / пер. с фр. В.А.Матвеевко // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. Вып. III. С. 36–59.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. с фр. ; общ. ред., вступ. ст., коммент. Ю.С.Степанова. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 448 с.
- Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. 2-е изд. М. : УРСС, 2004. 224 с.
- Макаев Э.А.* Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М. ; Л. : Наука, 1964. 59 с.
- Макаев Э.А.* Структура слова в индоевропейских и германских языках М. : Наука, 1970. 287 с.
- Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. 4-е изд. М. : URSS, 2017. 160 с.
- Сравнительная грамматика германских языков / М.М.Гухман, В.М.Жирмунский, Э.А.Макаев, В.Н.Ярцева ; отв. ред. Э.А.Макаев: в 4 т. 1962. Т. I. 204 с. ; 1962. Т. II. 402 с. ; 1963. Т. III. 455 с. ; 1966. Т. IV. 496 с.
- Степанов Ю.С.* Вступительная статья в книге Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М., 2010. С. 5–42.

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной и коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры мировой культуры института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета
e-mail: simonshipilov@gmail.com

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА НАРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ХРОНИК

Целью данной работы является изучение культурной картины мира средневекового европейского общества и ее особенностей.

Данное исследование является актуальным, так как позволяет рассмотреть специфику культурной картины мира европейских народов Средневековья, и выявить ее характерные черты, что способствует более глубокому пониманию современных процессов в Европе.

В ходе исследования были рассмотрены две хроники: «Gesta Dei per Francos» Гвиберта Ножанского, средневекового французского хрониста, и «Annales» Ламберта Герсфельдского, средневекового немецкого хрониста. На примере данных хроник было выявлено, что формирование и развитие культурной картины мира средневековых народов Европы является комплексным процессом, в центре которого находится оппозиция «свой» – «чужой», а также особая традиция европейского Средневековья, которая способствует формированию доидеологической идентичности. Всё это дает возможность предположить наличие в средневековом обществе как особой культурной картины мира, так и специфической доидеологической идентичности.

Необходимо также отметить значительную роль хроник, так как они выполняли функцию сохранения и передачи культурной памяти, способствовали формированию представления «своих» – «чужих» и восприятию народа как единого целого.

Ключевые слова: Средневековье; культурная память; хроники; идентичность; средневековая Европа; культурная картина мира.

S. A. Shipilov

Teacher of the Department of the linguistics and professional communication in the area of the Humanities and Applied Sciences
postgraduate student of the Department of World Culture,
Institution of the Humanities and Applied Sciences
e-mail: simonshipilov@gmail.com

THE CULTURAL WORLD VIEW'S SPECIFICS OF THE MEDIEVAL PEOPLE ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN AND FRENCH CHRONICLES

The purpose of this work is to study the cultural world view of the medieval European society, its characteristic features and elements. This research is relevant since it allows to consider the cultural world view's specifics of the medieval European people and to reveal its key features. During the research two chronicles were considered: "Gesta Dei per Francos" by Guibert of Nogent, a medieval French chronicler, and "Annales" Lambert of Hersfeld, a medieval German chronicler. On the example of these chronicles it was evidenced that the formation and the development of the cultural world view of the medieval European people is a complex process in which the opposition "us-them" is central. All this gives one the chance to assume the existence in the medieval society of both a special cultural world view and specific preideological identity. It is also necessary to note a significant role of chronicles since they performed function of preservation, promoted the formation of the representation "us-them" and the perception of the people as whole.

Key words: The Middle Ages; cultural memory; chronicles; identity; medieval Europe; cultural world view.

Любому социуму свойственна как саморефлексия, так и анализ своего окружения. В человеческую природу заложено стремление познавать. Кто такие «мы», «я», «они»? Почему эти маркирующие категории вообще существуют? Однако рано или поздно человек формулирует ответы на эти вопросы, что становится причиной появления картины мира.

Впервые понятие «картина мира» в научный обиход ввел Роберт Редфилд (1897–1958), понимая этот термин следующим образом: картина мира – это интерпретация индивидом, обществом, народом и т.д. как внешних, так и внутренних событий; это когнитивный процесс представления индивида о самом себе и окружающей его действительности [Redfield 1955]. Данный термин быстро укрепился в научном сообществе, что приводит к его развитию и постепенному расширению. Так, согласно Клифорду Гиртцу, «картина мира» есть неотъемлемая часть любой культуры, ее собственное понимание существования материи, природы, индивида и общества [Этнография и смежные дисциплины 1944].

Однако уже в 1990-е гг. коллектив бельгийских ученых (Д. Аэртс, Л. Апостел, Б. де Моор и другие) изучал явление фрагментации индивидом и социумом окружающего мира. В своем исследовании ученые

утверждали, что «картина мира – это целостный набор понятий и законов, которые позволяют нам построить глобальный образ мира и, таким образом, понять как можно больше составляющих нашего опыта»¹ [Diederik 1994].

В ХХI в. отечественные ученые Т. Ф. Кузнецова и В. А. Луков воспринимают понятие культурной картины мира как наиболее общее представления о мире, которое находит свое отражение во всех значимых сферах человеческой деятельности и присущее как отдельному индивиду, так и группе людей в самом широком смысле. Важно отметить, что поскольку в культурную картину мира входят множество различных сегментов, то можно смело сказать, что она носит объединяющую функцию [Кузнецова 2009, с. 66].

В своей статье «Культурологические измерения картины мира» Э. П. Кириллов приходит к схожему выводу, утверждая, что «картина мира складывается из общих для всего человечества культурных универсалий, однако каждая из этих универсалий выступает как инвариант, т. е. имеет собственную специфику, обусловленную культурой. Поэтому картина мира отображает как общее, так и особенное в культуре» [Кириллов 2016, с. 48–58].

Рассматривая становление данного термина, нельзя не привести мнение отечественного ученого А. Я. Гуревича, который считает, что картина мира являет собой фундаментальную основу, образующую систему человеческого понимания и интерпретации реальности в течение продолжительного времени [Гуревич 2007, с. 38].

Однако закономерным является вопрос, что следует понимать под термином «культура», ведь существует множество определений данного понятия. В рамках исследования мы разделяем точку зрения отечественного ученого А. Я. Флиера, рассматривая культуру как систему интерпретаций, приемлемых для данного общества и отражающихся в его различных текстах (как вербальных, так и невербальных, религиозных, мифологических и т. п.), что совокупно формирует систему мировоззрения, ценностей и пр., реализуемых в виде традиций, норм, предписаний, законов и т. д. [Флиер 2000, с. 11].

¹ Зд. и далее перевод наш. – *Ш. С.*

**Особенности культурной картины мира
народов Средневековья на примере французской хроники
«Gesta Dei per Francos» Гвиберта Ножанского**

Гвиберт Ножанский (1053–1124) родился в знатной семье на Севере Франции, рано лишился отца и поэтому вскоре был отдан в монастырь. Гвиберт хорошо знал античную поэзию, особенно его увлекали А. Овидий и А. Вергилий. Его учителем был Ансельм Кентерберийский, под чьим чутким руководством он составлял комментарии к Священному Писанию. В 1104 г. Гвиберту исполнился 51 год. Он стал аббатом монастыря св. Марии в Ножане, недалеко от города Лан.

Гвиберт Ножанский оставил после себя множество теологических работ, среди которых можно найти комментарии на Священное Писание, а также труды, посвященные грамматике, и некоторые поэтические сочинения. Однако наибольший интерес представляет его труд «Gesta Dei per Francos» («Деяния Бога через франков»), в котором в полной мере раскрываются оригинальность и своеобразное новаторство автора [Вайнштейн 1964, с. 149].

«Gesta Dei per Francos» – основной труд Гвиберта Ножанского как хрониста написан между 1104 и 1108 гг., главной темой которого стал Первый крестовый поход (1096–1099). Хронист подчеркивает праведность крестовых походов и указывает на нечестивость противников воинства Христова [Guitbert de Nogent 1996, с. 86]. Однако автор выражает крайне скептическое отношение к многочисленным слухам и свидетельствам о чудесах [там же, с. 262], которые происходили во время похода с его участниками [Вайнштейн 1964, с. 150]. В «Gesta Dei per Francos» религиозность автора невероятно сочетается с новым схоластическим рационализмом [Памятники средневековой ... 1972, с. 364]. Можно видеть, как появляются неестественные для средневековой историографии черты: прежде всего, четкое выделение национальной идентичности [Guitbert de Nogent 1996, с. 88–89], представленной прославлением подвигов французов и четким выделение оппозиции «свой» – «чужой», критическое отношение к источникам, что проявляется в попытках разграничить действительные факты и различные домыслы [Вайнштейн 1964, с. 149–150].

В предисловии к хронике автор подчеркивает, что он пишет историю духовную, сотворенную Богом через избранных им людей [Guitbert de Nogent 1996, с. 79]. В первой книге Гвиберт рассматривает сложившуюся ситуацию на Востоке, анализирует события,

предшествовавшие крестовым походам [Guitbert de Nogent 1996, с. 85–106]. Необходимо отметить, что причиной всех бед восточных христиан автор считает их отдаление от латинской церкви [там же, с. 93–94]. В первых пяти главах второй книги автор достаточно резко переходит к ситуации на Западе, подробно рассматривает деятельность Папы Урбана II, взаимоотношения папского престола с французскими королями и упоминает о жесткой оппозиции к Риму со стороны Германии [там же, с. 107–117]. В этой книге Гвиберт приводит приблизительную речь Урбана II на Клермонском соборе. В последующих главах до конца второй книги хронист сообщает о трагичном, с точки зрения автора, исходе похода первых крестоносцев, и описывает приготовления князей и королей к первому крестовому походу [там же, с. 117–135].

С третьей книги по шестую включительно излагаются события похода до момента появления воинов Христовых под стенами Иерусалима. В седьмой, последней, книге автор описывает взятие священного города, правление Готфрида и начало правления его брата Балдуина I. В конце этой книги он присоединяет отрывочные дополнения и сведения к уже существующему тексту, так как к нему по мере времени приходили пилигримы с новыми рассказами и историями, которые он не успел поставить на свое место в хронике.

Заслугой Гвиберта как историка можно считать жесткое и критическое отношение к источникам и сведениям. При выборе материала он, в меру своих возможностей, проверяет те или иные свидетельства, которые он получал от участников похода, и факты, взятые у ранее писавших авторов, сопоставляя их друг с другом. Еще одной новой чертой, достойной упоминания, является рассмотрение автором экономических предпосылок событий и их взаимосвязь с социально-политической организацией походов на Святую землю [Вайнштейн 1964, с. 150]. В своем труде хронист использовал сочинения Анонима, чьи сведения он постарался дополнить, и Фульхерия Шартрского, с которым он вступает в открытый спор [Guitbert de Nogent 1996, с. 332–333, 342–343]. Сведения, не вызывающие доверия, он приводит весьма осторожно. В критических суждениях Гвиберта отмечается здравый смысл [Вайнштейн 1964, с. 150], представляющий собой попытки исторической критики. Естественно, что хронист, наделенный той мерой оценки вещей, которая скорее всего была неотъемлемым свойством любого автора конца XI начала XII вв., воспринимал значение похода так, как его воспринимали современники тех событий.

**Особенности культурной картины мира народов
средневековья на примере немецкой хроники «Annales»
Ламберта Герсфельдского**

О жизни Ламберта Герсфельдского (? – ум. ок. 1080) известно мало. Сведения о нем в основном находятся в его работе «Annales» («Анналы») [Памятники средневековой ... 1972, с. 167]. Ламберт родился около 20-х гг. XI вв. состоятельной семье, учился в Бамбергской школе в Баварии, где получил хорошее церковное и классическое образование. В марте 1058 г. он постригается в монахи и прибывает в Герсфельдский монастырь в Тюрингии. Немногим позже Ламберт отправляется в паломничество в Палестину, откуда он благополучно возвращается в Герсфельд. В 1071 г. он посетил два монастыря: Залфелд и Зигбург, где ознакомился с новыми монашескими правилами, которые вводил архиепископ Аннон Кельнский. К сожалению, дальнейших сведений о жизни Ламберта не имеется, известно только примерное время его кончины – около 1080 г.

Достаточно длительный период времени Ламберт являлся для медиевистов незыблемым авторитетом, особенно в вопросе о споре за инвеституру, где большим подспорьем была литературная одаренность самого хрониста, которая выражается в почти полном сходстве с классической латынью [Вайнштейн 1964, с. 169]. Однако уже в XIX в. историк Хольдер-Эггер указал на то, что Ламберт намеренно искажал факты, поэтому «Annales» не следует ни в чем доверять [Holder-Egger 1893–1894, с. 141–213, 369–430, 509–574]. Однако справедливо будет отметить, что далеко не все историки согласны, что Ламберт был «злостным фальсификатором» [Вайнштейн 1964, с. 169]. Говоря о самих «Annales», нужно подчеркнуть следующее: в них история описывается от сотворения мира, приблизительно до середины XI в., повествование выполнено в достаточно краткой форме. За основу Ламберт берет труды Исидора Севильского, Беды Достопочтенного, Блаженного Августина, некоторых античных авторов, например, Овидия и Вергилия [Памятники средневековой ... 1972, с. 167] и анналы двух монастырей: Герсфельдского и Фульдского. Начиная со второй половины XI в., повествование становится гораздо более подробным, можно увидеть большее изобилие фактов и деталей [Вайнштейн 1964, с. 169].

Взгляд Ламберта на историю и ее ход отличается от других хронистов: он реже других прибегает к богословской трактовке исторических событий, предпочитая видеть во всем естественный, но от

этого не менее божественный, процесс. В основном хронист видит в Боге защитника и покровителя: Бог проявляет заботу и милосердие, «ведь (Он) так часто освобождал через чудеса своих (людей), попавших в крайнюю нужду¹», спасает христиан, находившихся, казалось бы, в безвыходных ситуациях [Lamperti 1894, с. 95, 98–99]. Однако Ламберт видит перст Божий и в событиях, которые, на первый взгляд, порочат христиан. Так он описывает случай с лжемонахами: «И действительно кажется правильным, что Господь наших монахов несправедливо омыл презрением. Ведь личное бесчестье некоторых лжемонахов, оставивших любовь к божественному и посвятивших себя полностью делу служения богатству и высказыванию замечаний, неоднократно порочило монашеское имя²» [Lamperti 1894, с. 132].

Хотя в «*Annales*» и имеется вымысел, множество неточностей, излишних преувеличений – всё это не перечеркивает их ценность, однако призывает обращаться с ними с осторожностью. Этот труд знакомит с широкой и живописной картиной культурной, социальной, духовной, светской и политической жизни в Германии XI, представляя собой немалый интерес как историографический памятник, который отразил борьбу различных политических интересов, общественные настроения в Германии в тот период и формирование доидеологической идентичности.

В заключение отметим, что важным компонентом средневековой картины мира является оппозиция «свой» – «чужой», которая проявляется в различных уровнях средневекового общества. В зависимости от ситуации «своим» могут быть соотечественник, коллега ремесленник, прихожанин церкви и т. п. Такая фрагментация свойственна средневековому обществу, так как помимо разделения на социальные классы, было и разделение на микрогруппы. Однако подобное дробление способствовало развитию доидеологической идентичности, поскольку человек всё время находился в коллективе, который тем или иным образом помогал ему определиться, кто «свой», а кто «чужой». Говоря о хрониках, следует подчеркнуть, что они являются важным

¹ «...qui suos totiens etiam in ultima necessitate conclusos mirabiliter liberasser». Зд. и далее пер. наш. – III. С.

² «Et revera non inmerito Dominus super nostrates monachos despectionem effundere videbatur. Nam quorundam pseudomonachorum privata ignominia nomen monachorum vehementer infamaverat, qui omisso studio divinarum rerum totam operam pecuniis et questibus insumebant».

элементом культурной памяти, так как через коллективное знание о собственном прошлом они поддерживают в обществе и культуре ощущение единства и самобытности. Справедливо будет заметить, что аудитория хроник была сравнительно не большой, однако эта прослойка общества, аристократия, значительно повлияла на формирование доидеологической идентичности, чему поспособствовали труды средневековых историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М. ; Л. : Наука, 1964. 485 с.
- Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. 560 с.
- Кириллов Э.П. Культурологические измерения картины мира // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 48–58.
- Кузнецова Т.Ф., Луков В.А. Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологи // Вестник Международной академии наук (русская секция). 2009. № 1. С. 66.
- Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / под ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. 364 с.
- Стасюлевич М.М. История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. 2-е изд. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1887. 779 с.
- Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М. : Академический Проект, 2000. 496 с.
- Этнография и смежные дисциплины / отв. ред. М.В. Крюков и И. Зельнов. М., 1994. 222 с.
- Diederik Aerts [at al.]. World views. From Fragmentation to Integration. VUB Press. Brussel, 1994. URL: www.vub.ac.be/CLEA/pub/books/worldviews.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
- Guibert de Nogent. Gesta Dei per Francos // Corpus Christianorum Continuatio Mediaevalis (CCCM 127A). Tornaci : Brepols, 1996. 441 p.
- Holder-Egger O. Studien zu Lambert von Hersfeld. NA. Bd. 19. 1893–1894. S. 141–213, 369–430, 509–574.
- Lamperti monachi hersfeldensis Opera. Recognovit Oswaldus Holder-Egger. Accedunt Annales weissenburgenses. Hannoverae et Lipsiae Impensis Bibliopolii Hahniani, 1894. 490 p.
- Redfield R. The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. Uppsala and Stockholm : Almqvist and Wiksells, 1955.

А. Н. Шумакова

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области
политических наук ИМО и СПН
Московский государственный лингвистический университет
e-mail: ashumakova@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА КРЫЛАТЫХ ФРАЗ ИЗ КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена особенностям перевода крылатых фраз (КФ) из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» на французский язык и сохранению мотивированности КФ в переводе. Под мотивированностью КФ понимается связь формы КФ с ее значением, а основным критерием мотивированности считается прозрачная внутренняя форма КФ. Литературные КФ также мотивированы для читателей благодаря ассоциациям с произведением, из которого они заимствованы. В работе проанализированы КФ из переводов комедии, выполненных А. Легрелем (1884) и А. Марковичем (2007). Как показывает проведенный анализ, в большинстве случаев КФ переводятся на французский язык буквально. В некоторых случаях производятся эквивалентные замены, что позволяет лучше передать смысл исходной фразы в языке перевода. КФ, для понимания которых не требуется дополнительной информации, сохраняют мотивированность в переводе, так как их внутренняя форма ощущается. КФ, связанные с фоновыми знаниями в исходном тексте, часто передаются на иностранный язык с помощью комментирующего перевода, что позволяет сделать их понятными в переводе. Комментарии чаще используются в современном варианте перевода, так как многие реалии, упоминаемые в произведении и необходимые для понимания смысла комедии, менее знакомы современному французскому читателю, чем современнику А. Легреля. Афористичность, присущая КФ из комедии А. С. Грибоедова в русском языке, во многих случаях исчезает в переводе.

Ключевые слова: французский язык; перевод; крылатая фраза; мотивированность; «Горе от ума».

A. N. Shumakova

PhD (Philology)
Associate Professor
Department of Linguistics and Professional Communication in Political Sciences
Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State
Linguistic University; e-mail: ashumakova@yandex.ru

ON TRANSLATING CATCH PHRASES FROM A. GRIBOEDOV'S «WOE FROM WIT» INTO FRENCH

The paper deals with the problem of translation of the catch phrases from A. Griboedov's «Woe from Wit» into French and their motivation in the target language. Lexical motivation is considered as a direct link between the structure of a catch phrase and its meaning. The inner form created by the components of a catch phrase is seen as the main criterion of motivation. Catch phrases originating from literary works are usually associated with their source and therefore are motivated for native speakers. The catch phrases from A. Legrelle's (1884) and A. Markowicz's (2007) translations have been analyzed. The analysis shows that in most cases literal translation is used. Some catch phrases are translated into French using the equivalents motivated for French native speakers and, therefore, will be motivated in the French translation. Catch phrases which are not related to background information are motivated in the target language as their inner form is perceived. Catch phrases based on cultural background in the source language are often translated using comments explaining their meaning which allows to make them clear in translation. A. Markowicz's translation contains more comments as, compared with A. Legrelle's contemporaries, a modern French speaker may not be familiar with the facts from Russian history and culture mentioned in the comedy and necessary to understand the meaning of the catch phrases. The aphoristic character specific to the catch phrases from «Woe from Wit» in Russian is often lost in translation.

Key words: French; translation; catch phrase; motivation; «Woe from Wit».

Крылатые слова или фразы (далее – КФ) – это устойчивые фразеологизмы образного или афористического характера, вошедшие в лексику из исторических или литературных источников и получившие широкое распространение благодаря своей выразительности. Одним из видов крылатых фраз являются литературно-обиходные КФ, которые приходят в речь из произведений художественной литературы. Отличительной особенностью этих КФ можно назвать то, что они несут на себе отпечаток литературного стиля, воспринимаются как цитаты, ассоциируются с литературным произведением, из которого были заимствованы, а «самым распространенным внешним признаком литературных КФ является поэтическая форма (размер, рифма и т. п.)» [Райхштейн 2004, с. 156].

Эти особенности характерны и для КФ из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», которая является одним из самых известных произведений в русской литературе XIX в. [Грибоедов URL]. В этой комедии в сатирических тонах показано аристократическое общество,

современное автору. Произведение «Горе от ума» считается одним из самых цитируемых текстов, чему способствует афористический стиль комедии, разговорный язык, позволяющий воссоздать атмосферу живой разговорной речи, поэтическая форма. КФ из комедии хорошо известны носителям русского языка, многие из этих КФ используются в разговорной речи и в языке СМИ.

Комедия А. С. Грибоедова переведена на многие иностранные языки, при этом, как писал Н. Л. Шадрин в работе, посвященной идиоматике «Горя от ума» в западноевропейских переводах, перед переводчиком стоит сложная задача, потому что он должен учитывать такие черты стиля автора, как «быстрый и легкий свободный стих, сжатые, но богатые содержанием фразы» [Шадрин 1977]. Кроме этого, «переводчик должен основательно изучить русскую жизнь той эпохи, чтобы правильно понять и передать рассыпанные по всему тексту пьесы культурно-бытовые и исторические реалии» [там же]. Это справедливо и в отношении КФ из комедии. В русском языке они обладают лингвистической мотивированностью, которую мы определяем как связь формы КФ с ее значением. Основным критерием мотивированности КФ мы считаем наличие у нее прозрачной внутренней формы. КФ мотивирована, если ощущается внутренняя форма, создаваемая значениями ее компонентов, и/или понятны ассоциации, вызываемые компонентами фразы. КФ, связанные с фоновыми знаниями, будут мотивированы для читателя, владеющего необходимыми знаниями. Мотивированность литературных КФ также создается благодаря ассоциациям с исходным литературным произведением.

КФ из комедии мотивированы в русском языке, так как ощущается их внутренняя форма, понятны вызываемые ими ассоциации, а также ассоциации с текстом произведения, однако возникает вопрос о сохранении мотивированности КФ в переводе. Чтобы выяснить это, мы сравнили перевод нескольких известных КФ из комедии А. С. Грибоедова на французский язык.

Комедия «Горе от ума» неоднократно переводилась на французский язык. Мы выбрали для анализа два варианта перевода: самый первый перевод, выполненный в прозе в 1884 г., переводчик – Арсен Лергель (Arsène Legrelle) [Le malheur d'avoir de l'esprit 1884], и современный перевод в стихах, опубликованный в 2007 г., переводчик – Андре Маркович (André Markowicz) [Du malheur d'avoir de l'esprit 2007]. Анализировать эти переводы было интересно, потому

что А. Легрель – первый переводчик комедии на французский язык и являлся фактически современником А. С. Грибоедова, а А. Маркович – наш современник, следовательно, восприятие комедии и выбор языковых средств в двух вариантах перевода отличались. Ниже приводятся наиболее интересные случаи перевода КФ из комедии на французский язык.

(1) Горе от ума (А. С. Грибоедов)

Le malheur d'avoir de l'esprit (пер. А. Легреля)

Du malheur d'avoir de l'esprit (пер. А. Марковича)

КФ «Горе от ума», означающая, что «ум часто приносит человеку несчастье; глупым, неталантливым живется лучше и спокойней, чем умным и способным», мотивирована благодаря ассоциациям с комедией А. С. Грибоедова [Берков 2005, с. 125]. В обоих случаях на французский язык эта КФ переведена с помощью калькирования, что позволяет передать смысл. Поскольку семный состав фраз в переводе в целом соответствует семному составу исходной КФ: *le malheur* – горе (сема «горе»); *avoir de l'esprit* – быть остроумным, находчивым, острым на язык (семы «ум», «остроумие»). В обоих вариантах перевода КФ будет мотивирована, т. е. ее внутренняя форма будет ощущаться. Интересно, что во французском языке существует выражение, в котором можно увидеть критику большого ума: *avoir trop d'esprit* – досл. 'быть слишком умным': *il a trop d'esprit, il ne vivra pas* – он не жилец на этом свете, он чересчур умен. В обоих вариантах перевода можно увидеть фразеологизм *avoir de l'esprit*, обозначающий наличие острого ума, т. е. в отличие от исходной фразы, где акцент сделан на страдании из-за наличия ума, таланта в целом, в переводе подчеркивается, что несчастья происходят из-за остроты ума. Поскольку Чацкий, один из главных персонажей комедии, обладает таким умом и из-за своих взглядов и манеры поведения сталкивается с непониманием в обществе, можно сказать, что в переводе заглавие отражает особенности характера главного героя. Для сравнения скажем, что акцент на остроумие сделан и переводе заглавия пьесы А. С. Грибоедова на английский язык – «Woe from Wit», где *woe* – горе, несчастье, *wit* – остроумие, однако такой вариант подвергается критике. Так, в статье Е. В. Аблогиной, посвященной новейшему переводу комедии на английский язык, высказано мнение, что из-за такого заголовка для англоязычного читателя Чацкий на основании ассоциативных связей ошибочно отождествляется с «героями-остроумцами»

из произведений Шеридана, Конгрива и Оскара Уальда, что обедняет характер персонажа пьесы А. С. Грибоедова, так как его образ отличается от персонажей перечисленных авторов [Аблогина 2010].

(2) А судьи кто? (А. С. Грибоедов)

Mais ces juges, qui sont-ils? (пер. А. Легреля)

Et ces juges, c'est qui? (пер. А. Марковича)

Выражение «А судьи кто?» употребляется «по отношению к людям, проявляющим некомпетентность и необъективность при высказывании каких-либо суждений» [Берков 2005, с. 33]. Эти слова произносит в комедии «Горе от ума» Чацкий, осуждая современное ему общество. КФ «А судьи кто?» относится к вопросительно-риторическим предложениям, которые не требуют ответа, так как он заключен в самом вопросе. Такие предложения особенно распространены в произведениях художественной литературы, они создают стилистическую окраску. В данном случае вопросительная конструкция используется для выражения оттенков модального характера, чтобы выразить сомнения в компетентности лиц, выносящих суждение, и показать протест Чацкого против осуждения со стороны современников. В русском языке эта КФ отличается благодаря синтаксической конструкции большой экспрессивностью, и мотивирована благодаря ассоциациям с комедией А. С. Грибоедова.

А. Легрель и А. Маркович перевели фразу буквально, ее семный состав фразы в переводе совпадает с семным составом в оригинале: *juges – судьи, qui sont-ils / c'est qui* – вопросительная конструкция «кто». В переводе ощущается внутренняя форма, создаваемая значениями компонентов, поэтому фраза будет мотивирована в обоих случаях. Экспрессивность КФ передается благодаря синтаксической конструкции: реприза, т.е. вынесение словосочетания *ces juges – эти судьи* в начало фразы и его дублирование с помощью личного местоимения *ils – они* у А. Легреля и указательного местоимения *ce* в конструкции *c'est* у А. Марковича позволяет привлечь внимание к выделяемому компоненту, а риторический вопрос передает, как и в русском языке, оттенки модальности. Оттенок сомнения, свойственный русской фразе, передан с помощью союза *mais – но* в переводе А. Легреля и усилительной частицы *et – а* в переводе А. Марковича. Интересно, что в переводе А. Легреля вопрос построен с помощью инверсии (*qui sont-ils*), что придает фразе официальный тон, тогда

как у А. Марковича вопросительная конструкция характерна для разговорной речи (*c'est qui?*), что также добавляет экспрессивности. В варианте А. Марковича монолог сопровождается комментарием, где объясняется, что переводчик пытался передать эмоциональность речи Чацкого. Полагаем, что эту задачу удалось выполнить с помощью выбранной синтаксической конструкции.

- (3) Времен очаковских и покоренья Крыма (А. С. Грибоедов)
Du temps d'Otchakove et de la conquête de la Crimée (пер. А. Легреля)
Du règne de la Grande Catherine (пер. А. Марковича)

КФ «Времен очаковских и покоренья Крыма» используется, когда речь идет «о чем-либо очень давнем, прошлом, давно минувшем и забытом», а также в результате метафоры, «о вышедших из употребления, старомодных, вещах, предметах», при этом часто употребляется для выражения иронии [Берков 2005, с. 95]. В монологе, который начинается словами: «А судьи кто?», эту фразу произносит Чацкий, чтобы показать, что современное дворянство отстало от жизни, живет в прошлом. Исходная мотивированность КФ «Времен очаковских и покоренья Крыма» создавалась благодаря ассоциациям с отраженными в ней историческими событиями и реалиями (взятие г. Очакова русскими войсками в 1788 г. и присоединение Крыма в 1783 г.), а также с эпохой, к которой они относятся. Эти события, произошедшие во время правления Екатерины II, которую называют «Екатериной Великой» (1762–1796), воспринимались как далекое прошлое современниками Чацкого, т. е. в 20-е гг. XIX в., что и послужило основой для возникновения ассоциативной мотивированности в результате переосмысления ситуации, описываемой фразой, по сходству (семы «удаленность по времени», «древность»). Пониманию смысла фразы способствует контекст, так как в нем содержатся слова со схожими семами: «чтение забытых газет» (семы «старый», «забытый»). Возможно, в наши дни исходная мотивирующая основа КФ, связанная с событиями далекого прошлого, утрачена или очевидна только для эрудированного российского читателя, и КФ мотивирована благодаря ассоциациям с текстом комедии.

В переводе А. Легреля фраза передана буквально, семный состав французской фразы соответствует семному составу фразы в оригинале (*temps d'Otchakove* – время Очакова, *la conquête de la Crimée* – покорение Крыма). В переводе КФ утрачивает мотивацию, если

читатель не владеет экстралингвистической информацией. Чтобы донести смысл исходной фразы, переводчик пишет комментарий, из которого французский читатель может узнать, что Потемкин вернул город Очаков в войне с турками в 1788 г. Эта информация позволяет понять, что речь идет о событиях далекого прошлого. Кроме пояснения, пониманию фразы способствует контекст: *les gazettes oubliées* – *забытые газеты*. Таким образом, фраза становится понятной для читателя благодаря пояснению переводчика и контексту, но иронический эффект, присущий исходной фразе, не ощущается.

Фоновые знания необходимы и для понимания КФ в современном варианте перевода. В этом случае перевод выполнен с помощью функционального аналога – *Du règne de la Grande Catherine* (досл. 'в правление Екатерины Великой'), так как историческая эпоха, описываемая КФ, обозначена по имени правителя – Екатерины Великой (*la Grande Catherine*). Полагаем, что имя российской императрицы больше известно современному французскому читателю и вызовет у него больше ассоциаций, чем отдельные события, произошедшие в эпоху ее правления, потому что Екатерина Великая была просвещенным правителем, она общалась с известными французскими мыслителями (Д. Дидро, Вольтер и другие). С одной стороны, такой вариант перевода не перегружает читателя избыточной информацией об отдельных событиях этого исторического периода, с другой – позволяет сделать фразу понятной для французского читателя благодаря ассоциациям, связанным с именем собственным. Отметим, что контекст также способствует пониманию смысла фразы, поскольку в словосочетании *gazettes d'autrefois* (досл. 'газеты из прошлого') содержится сема «устаревший», т.е. это словосочетание относится к тому же семантическому полю, что и анализируемая КФ. Однако, на наш взгляд, иронический оттенок, заложенный в исходной КФ, не будет ощущаться в переводе. В целом, в данном случае восприятие фразы как мотивированной зависит от уровня образованности читателя, но семантическая мотивированность, связанная с переосмыслением и свойственная КФ в русском языке, в переводе не ощущается.

- (4) Смесь французского с нижегородским (*А. С. Грибоедов*)
le mélange des langues, celle de la France et celle de Nijni-Novgorode
(пер. *А. Легреля*)
Le parler de Paris mêlé au moscovite (пер. *А. Марковича*)

«Смесь французского с нижегородским» – это «сочетание двух абсолютно разных вещей; пестрая, бессмысленная смесь» [Берков 2005, с. 462]. КФ носит неодобрительный характер: «Так говорят, осуждая чье-либо невежество или дурной вкус» [там же]. В комедии А. С. Грибоедова эту фразу (*досл.* 'Смешенье языков: французского с нижегородским') произносит Чацкий, иронизируя над французами-дворянами, которые не знали толком ни русского, ни французского языков.

Существует несколько версий происхождения этой КФ. По одной из них, «смесью французского с нижегородским» называли напиток из смеси французского шампанского с русским квасом, придуманный гусарами после Отечественной войны 1812 г. (*Дидро в России. О смеси «французского с нижегородским». Аргументы и факты. 09/10/2014*). Таким образом, изначально данное выражение не относилось к языкам, и только в комедии А. С. Грибоедова оно было использовано для описания языковой ситуации, которая формировалась в современном автору обществе. Можно сказать, что в данном случае произошло образное переосмысление по сходству, так как смешение французского языка с нижегородским говором было таким же бессмысленным, как и смешение кваса и шампанского. По другой версии, КФ все же отражала современную автору языковую ситуацию в России в XIX в. В тот период французский язык стал популярным среди дворянства, однако не все дворяне хорошо на нем говорили, а употребление французских слов вместо русских часто выглядело комичным. Эта ситуация отражена в произведениях современников А. С. Грибоедова. Так, в «Письме из Москвы в Нижний Новгород» (1814) И. М. Муравьев-Апостол упоминает «презабавное смешение языков», в котором можно услышать различные «наречия», т. е. диалекты французского языка, а «иногда и русское пополам с вышесказанным»¹. По этой версии, КФ мотивирована в русском языке благодаря ассоциациям с языковой обстановкой в XIX в., так как ее прототип обозначает своеобразный русско-французский жаргон, существовавший в дворянском обществе того периода.

Предположим, что для читателя эпохи А. С. Грибоедова фраза «смешение французского с нижегородским» была мотивирована благодаря ассоциациям с исходным выражением, обозначавшим

¹ Цит. по: [Шустов 2011, с. 86].

напиток, но сегодня эта мотивирующая основа утрачена. Мы согласны с А. Н. Шустовым в том, что для современного читателя мотивированность КФ связана с новой образной основой, созданной в комедии, т. е. со смешением разных языков: «словесная «формула» *французско-нижегородский* ныне уверенно воспринимается как некая смесь языков в одной фразе» [Шустов 2011, с. 85].

И в первом, и в последнем переводах комедии переводчики основывались на языковой версии происхождения КФ. В переводе А. Легреля эта КФ передана буквально: *le mélange des langues, celle de la France et celle de Nijni-Novgorode*. Компоненты фразы используются в прямом значении: *le mélange des langues* – смесь языков; *celle de la France* – язык Франции, *celle de Nijni-Novgorode* – язык Нижнего Новгорода, метафорическая образность исчезает, а без наличия экстралингвистической информации мотивированность этой фразы в переводе также не будет ощущаться.

В переводе А. Марковича КФ представлена иначе: *Le parler de Paris mêlé au moscovite* (досл. 'смесь парижского говора с московским'). В отличие от варианта А. Легреля, происходит замена образа: вместо слова *langue* – язык используется слово *le parler* – говор, наречие, диалект, т. е. речь идет не о французском языке в целом, а о парижской манере речи (*parler de Paris*), которая при этом смешивается с московской (*moscovite*) речью, т. е. со столичным, а не провинциальным говором. В переводе создается новая образная основа, а получившаяся фраза будет мотивирована только в том случае, если читатель владеет экстралингвистической информацией. Эта информация приводится в подробном комментарии, где А. Маркович объясняет, что московское дворянство говорило на «макароническом языке», т. е. использовало иностранные слова вместе со словами родного языка, при этом особенно модным было использование «парижских словечек», манеры речи (*parisianisme*). Переводчик также обращает внимание читателя на возможную ассоциацию с библейским сюжетом о вавилонском столпотворении, в результате которого произошло смешение языков, и люди перестали понимать друг друга. Об аллюзии на этот библейский сюжет пишут и российские ученые, отмечая, что «в обществе налицо была ситуация, напоминающая финал знаменитого вавилонского столпотворения», т. е. существовало размежевание дворянской и народной культур, что проявлялось и в языке, так

как дворяне говорили по-французски, «по моде», а простой народ – по-русски [Шустов 2011, с. 87]. Эту обстановку описывает существующее в русском языке библейское выражение «смешение языков», обозначающее «бестолковый, шумный разговор (так что один другого не понимает)» [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона URL]. Поскольку смешение языков, описанное в Библии, и включение французских слов в русскую речь затрудняет процесс общения, приводит к непониманию, можно сказать, что в контексте комедии А. С. Грибоедова КФ «смесь французского с нижегородским» будет синонимична библейскому выражению «смешение языков». Этому способствует наличие общего компонента «смешение» (смесь), общей семы «отсутствие смысла», а компоненты «французский» и «нижегородский» воспринимаются как синтаксические синонимы слова «языки». Библия является одной из самых читаемых книг, а цитаты из нее вошли во многие европейские языки, включая французский, поэтому использование в комментариях ассоциаций с библеизмом позволяет передать смысл КФ «смесь французского с нижегородским» и сделать фразу мотивированной для французского читателя, если он знаком с упомянутым библейским сюжетом. Однако афористичность исходной фразы, осознаваемая в оригинале, в переводе утрачивается.

В целом, в большинстве случаев КФ из комедии А. С. Грибоедова переводятся на французский язык буквально. В некоторых случаях производятся эквивалентные замены, позволяющие лучше передать смысл исходной фразы в языке перевода. КФ, для понимания которых не требуется дополнительной информации, сохраняют мотивированность в переводе, так как их внутренняя форма ощущается. КФ, связанные с фоновыми знаниями в исходном тексте, часто передаются на иностранный язык с помощью комментирующего перевода, что позволяет донести их смысл в переводе. Анализ показывает, что комментарии чаще используются в современном варианте перевода комедии. Очевидно, это связано с тем, что многие реалии, упоминаемые в произведении и необходимые для понимания смысла комедии, меньше знакомы французскому читателю нашего времени, чем современнику А. Легреля. Отметим также, что афористичность, присущая КФ из комедии А. С. Грибоедова в русском языке, часто исчезает в переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аблогина Е. В.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова в английском переводе Мэри Хобсон // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. URL: cyberleninka.ru/article/n/gore-ot-uma-a-s-griboedova-v-angliyskom-perevode-meri-hobson
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2005. 623 с. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/9977/смешение.
- Грибоедов А. С.* Горе от ума. URL: az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0010.shtml.
- Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы. М. : Менеджер, 2004. 240 с.
- Шадрин Н. Л.* Идиоматика «Горя от ума» в западноевропейских переводах. Л. : Наука, 1977. С. 164–191. URL: feb-web.ru/feb/griboed/critics/tbt/tbt-164-.htm.
- Шустов А. Н.* Французский и нижегородский // Русская речь. 2011. С. 84–88.
- Griboïédov A.* Le malheur d'avoir de l'esprit. Gand, F.-L. Dullé-Plus, 1884. URL: bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Griboiedov%20-%20Le%20Malheur%20d%27avoir%20de%20l%27esprit.htm
- Griboïédov A.* Du malheur d'avoir de l'esprit. Arles : Actes Sud, 2007. 165 p.

Научное издание

**АУТЕНТИЧНЫЙ ДИАЛОГ
РОССИИ И ФРАНКОФОННОГО МИРА
В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ**

Материалы Международной научно-практической конференции
Москва, 18–20 апреля 2019 года

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 14.07.2020
Усл. печ. л. 16,4. Формат 60х90/16. Тираж 100 экз.
Заказ № 59/20

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел. / факс (8 499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru